Донбасс. Как началась война

Восстание и война в Донбассе начались лишь 10 лет назад, но вокруг тех событий уже сложилась особенная мифология. Вернее — несколько конкурирующих мифов. С точки зрения украинских властей, а также уже значительной части российской публики, это было не более, чем операция российских спецслужб. В общем-то, любые разговоры о контексте событий часто подменяются цитированием хлесткой фразы Игоря Стрелкова: «Спусковой крючок войны нажал я». Между тем, если начать разбираться в истоках войны 2014 года, приходится признать: эта катастрофа вызревала десятилетиями.

Наследие Империи, наследие Союза

В 2014 году многим казалось, что Донбасс взвился на ровном месте. Восстание стало настолько неожиданным, что у многих появился соблазн объявить все случившееся искусственно срежиссированной цепочкой событий. В действительности корни событий тех месяцев лежат даже не в советской эпохе, а ещё ранее.

Некую особость Донбасса осознавали еще в период Российской империи. «Донкривбасс», неофициальная столица которого находилась в Харькове, включал территории целого ряда губерний и как регион серьезно выходил за границы нынешних Донецкой и Луганской республик. Он был не житницей России, как основная часть Украины, а ее шахтой и кузницей. Ощутимо отличался и этнический состав края: каменноугольный бассейн населялся людьми не только с Украины, но и из Великороссии. Здесь складывалась собственная идентичность, отличавшаяся от собственно украинской.

Как замечал Николай фон Дитмар, председатель съездов горнопромышленников юга России: «Весь этот район, как в промышленном отношении, так и в географическом и бытовом, представляется совершенно отличным от Киевского. Он имеет свое совершенно самостоятельное первостепенное значение для России, живет самостоятельною жизнью, и административное подчинение

Харьковского района Киевскому району решительно ничем не вызывается. А наоборот, как совершенно не отвечающее жизни, такое искусственное подчинение только осложнит и затруднит всю жизнь района».

Автономистские проекты «выстрелили» после 1917 года. История Донецко-Криворожской республики вышла недолгой, но яркой. ДКР часто рассматривают как искусственное образование, однако после победы красных вопрос об автономии области решался на самом высоком уровне.

Любопытна логика представителей ЦИК советской Украины: «Выделение Харьковской и Екатеринославской губерний из состава Украины создаст из нее мелкобуржуазную крестьянскую республику и заставит жить в вечном стрессе, что на каком-нибудь другом съезде Советов преимущество возьмет крестьянское большинство, потому что единственными чисто пролетарскими округами являются горные округа Донецкого бассейна и Запорожья». Таким образом, Донбасс был включен в состав Украины на правах обычной области в том числе именно в силу того, что край не был похож на остальную ее часть.

В советский период специфика Донбасса сохранялась, причем из всех регионов Украины он оставался наиболее культурно близким к России. Очень высокая доля этнических русских и сравнительно низкая роль украинского языка накладывалась на своеобразие истории края. Донбасс поздно начали осваивать еще в имперскую эпоху, а бурный рост пришелся на советский период.

Имперская и советская история здесь вбиты даже в топонимику — города, названные в честь Горлова, Енакиева, Алчевского и Иловайского по-прежнему стоят. Статус промышленного рабочего оставался неизменно высоким. Донбасс был очень важной частью именно советского исторического мифа — истории революции и Гражданской войны, Великой Отечественной войны, индустриализации.

90-е годы катком проехались по этой утопии. Донбасс погрузился в тяжелый экономический и социальный кризис, последствия которого не были преодолены в течение всего постсоветского периода. На развалинах индустрии выросла сложная система местного бизнеса, в той или иной степени связанного с криминалом. Образ «донецкой мафии» на Украине часто переносили на самих дончан.

В период недолгого президентства Виктора Януковича, который возглавлял «донецкий клан», ситуация в регионе не слишком-то изменилась к лучшему. Он действительно вкладывался в город Донецк — главным образом, в имиджевые проекты вроде стадиона или нового терминала аэропорта. Однако буквально за околицей Донецка начиналась территория, похожая то ли на картины антиутопии, то ли на зону

постапокалипсиса. Миусинск, Торез, Красный Луч, Енакиево, Снежное — множество маленьких городов, где и живет основная масса населения Донбасса, — оставались депрессивными промышленными зонами.

Нет, это не война, это еще такой мир

Бедность, плохая экологическая обстановка, проблемы здравоохранения, преступность — в сущности, речь шла не столько о национальных чувствах, сколько о социальном неблагополучии местных жителей. В регионе накапливалось недовольство.

Весна тревоги нашей

Таким был фон, на котором развернулись события весны 2014 года. Вооруженное восстание в Киеве в итоге увенчалось свержением Януковича и его бегством. 22 февраля произошёл государственный переворот. Ну, или, если хотите, победа народной революции.

Следующим шагом стали волнения в Крыму и быстрый перехват инициативы Россией, взявшей ситуацию под контроль. Не слишком широко известный факт, но в Крыму Россия вмешалась уже после того, как в ходе беспорядков погибли первые люди (два человека погибли 26 февраля во время столкновений у Верховного Совета АРК Крым между крымчанами и сторонниками Меджлиса, а также представителями крымского отделения «Правого Сектора»). Можно уверенно говорить, что практически бескровная операция «вежливых людей» спасла полуостров от тяжелой и кровавой резни.

В Донбассе, а поначалу и вообще на востоке и юге Украины — в Харькове, Днепропетровске, Одессе, Николаеве — события в Крыму восприняли как сигнал к действию.

В России скверно и, хочется сказать, бестолково относились к работе с украинским населением до войны. Националистические движения на Украине активно развивались, вошли в местную политическую элиту и, в конце концов, смогли серьезно влиять на внутреннюю повестку, даже определять ее. Люди, настроенные в пользу России, были организованы куда хуже, хотя в количественном отношении их было не мало. Киевские события отчасти сплотили их на почве недовольства победой нового режима.

Днепропетровский антимайдан. Чуть ли не уникальный момент, когда украинские и российские флаги можно видеть в одной толпе

Имровизируем!

Украинская сторона постоянно подчеркивала усилия России по работе с населением в Донбассе и вообще южной и восточной части Украины. На этих обвинениях стоит остановиться чуть подробнее. В 2015 году в «Новой газете» был опубликован некий документ неизвестной степени достоверности, в подготовке которой, по данным редакции «НГ» участвовал российский консервативный бизнесмен Константин Малофеев. Там подчеркивалась слабость режима Януковича, и предлагалось «инициировать присоединение восточных областей [Украины] к России».

Кроме того, на фоне событий в Крыму позднее вспомнили о некоторых других проектах присоединения части областей Украины. Наконец, к разряду анекдотов относится упоминание в контексте войны за Донбасс того, что называли «Доктрина Герасимова». Начальник российского генштаба Валерий Герасимов в 2013 году опубликовал статью «Ценность науки в предвидении», где описал свое видение военного конфликта современности как комбинации пропаганды, психологических операций, поддержки дружественных повстанцев и т. п. непрямых мер, в рамках которых собственно боевые действия остаются только одним элементом (не всегда самым важным). Юмор, если можно так выразиться, этой ситуации в том, что Герасимов

рассматривал такую «гибридную войну», как оружие противника, которому необходимо эффективно противостоять.

Любопытно здесь то, что «план Малофеева» (подчеркну, неизвестно, насколько реально достоверный) был, по данным той же «Новой» представлен Путину только в феврале 2014 года. России постоянно приписываются давно и тайно лелеемые широкие планы вторжения. Реальность состоит в том, что как выяснилось, Россия (ну надо же!) поддерживала какие-то контакты с пророссийски настроенными людьми с востока Украины. Задавшись вопросом о том, в чем состояли коварные приготовления, мы обнаружим, что РФ располагала «активом» в виде нескольких полностью маргинальных движений, вроде «Донецкой республики» Андрея Пургина. Реальный вес этих групп оказался мизерным. Журнал «Вести.Репортер» в прекрасном материале «История донецкой бойни» цитирует неназванного российского политтехнолога, участвовавшего в работе по Донбассу:

Если такой план и существовал, то он почил в бозе после харьковского съезда, когда элиты Юго-Востока дали понять, что в российских проектах они участвовать не намерены. Поэтому все сразу пошло безо всякого плана. Точнее, план был по Крыму. Это очевидно. По Юго-Востоку просто была поставлена задача координировать акции протеста — а там видно будет, куда пойдет. Все шло с колес. Никакой организации не было. Протестные настроения были серьезные, но некому было их организовать. Партия регионов самоустранилась. Поэтому мы просто листали фейсбук — смотрели, кто может возглавить. Так нашли Губарева, например. Вывели его на российские каналы. Потом кто-то вспомнил про Пургина и его «Донецкую республику». Кто-то нашел ребят, которые когда-то на Селигер ездили. У кого-то обнаружился контакт леваков из «Боротьбы».

В пользу этого тезиса говорит удивительный бардак, сопровождавший создание ДНР и ЛНР. Идеологически в повстанческом лагере царил полный хаос. Коммунисты мечтали о революции под красными флагами. Многие другие хотели бы просто признания культурной автономии своих

территорий — с расширенными правами русского языка и признанием героев былых времен, имперской и советской эпох.

Любопытный нюанс состоит в том, что как раз Москва явно с огромным скепсисом относилась к идее присоединения новых республик к России. Уже в 2014/15 годах, когда Кремль буквально с пистолетом у виска заставил Украину подписать соглашение о прекращении огня, речь в российском мирном плане шла об автономии Донбасса. **Это в принципе фантасмагорический момент, почти всегда ускользающий от внимания комментаторов: с 2014 по 2022 год официальным видением Россией будущего Донбасса являлась автономия в составе Украины**. Вероятно, именно с этим обстоятельством связан хаос первых недель восстания: единого штаба не существовало, помощь из России выглядела скорее как психологическая поддержка. Украинская сторона упирала на якобы массовый завоз активистов из РФ. В качестве «мощных» аргументов приводились несколько установленных активистов — граждан РФ, фраза одного из них «отойдите от поребрика» (поребриком, как широко известно, называют бордюр в Петербурге, но менее широко известно, что это слово используют еще и в Донецке) и т. д. и т. п. В реальности в нескольких областях Украины местные автономистские движения были разгромлены. В Одессе, Харькове, Николаеве, Днепропетровске — волна протестов вскоре спала, причем в первых двух случаях — с массовыми арестами пророссийских активистов. В Харькове среди задержанных не оказалось *ни одного* гражданина РФ, в Одессе — один, причем кроме паспорта он не оказался примечателен абсолютно ничем. Это почти вопиюще мизерное присутствие россиян среди первых групп пророссийских активистов иногда пытаются объяснить в духе «отсутствие улик означает, что их хорошо прячут», но если все же отталкиваться от фактов, а не от концепции, то описание событий февраля-апреля 2014 года как спланированной российской интервенции выглядит чрезвычайно шатко.

Тем не менее существовал мощный запрос на объединение с Россией, причем в первую очередь низовой. Его не учитывали ни в Киеве, ни, весьма вероятно, в Москве — и даже местная политическая элита его недооценивала.

В огромной степени этот запрос был связан с тем, что Россия была, как ни странно прозвучит, соблазном. Соседняя большая страна с ворохом своих проблем воспринималась все же более благополучной, чем Украина.

Лирическое отступление. Внешняя картинка — не лучший индикатор, но въезжая с Украины в Белгород или Ростов-на-Дону, ты попадал в зримо более благополучный край. Лучше дороги, больше машин (и в среднем эти машины лучше), города более ухоженные и богатые. Статистика всё это подтверждала. Автор этих строк был просто-таки ошарашен, когда несколько раз услышал от разных украинцев, что Белгород — уютный и чистый, но совершенно без претензий — это чуть ли не витрина России. Но по сравнению с украинскими городами того же размера так действительно можно было подумать.

При этом самый массово разделяемый сантимент по поводу золотого века края касался советской эпохи. А победители на майдане с их остро националистической риторикой выглядели откровенно опасными безумцами. Попытка натянуть на индустриальные руины вышиванку воспринималась как издевательство.

Революция на майдане дала ответ на вопрос о том, что конкретно следует делать. Даже украинские политики отмечали: именно захваты административных зданий и уличные митинги в Киеве и западной части Украины, которые начались ещё в 2013 году, сделали этот нехитрый инструментарий таким популярным на востоке страны.

«*Народ очень заведен был в Донецке. Люди не понимали, почему в Западной Украине можно захватывать здания, а против нас собираются применить силу*», — замечал местный политик.

Но был ещё один важный момент. Остатки «Партии регионов» Януковича, которые, казалось бы, взяли власть на востоке Украины, делали ставку на переговоры с Киевом и хотели получить только преференции. Однако улица была настроена иначе. Бывший и. о. главы администрации президента Украины Сергей Пашинский описал ситуацию: «*Они решили поторговаться: у нас будет финансовая автономия плюс дотации. Так*

вот они заигрались. Они не понимали, что эта революция не только против „хунты“, но и против них».

Потом Пашинский сквозь зубы признал, что проблема была не только в «наемниках» из России: первичными были именно социальные противоречия.

Это вообще нужно подчеркнуть: восстание в Донбассе — в первую очередь социальный бунт. Русские и пророссийские лозунги были взяты для выражения этого гнева потому, что никаких других лозунгов у дончан и быть не могло. Как в мусульманской стране любые требования будут неизбежно сопровождаться ссылками на Коран, и как внутри самой Украины без криков «Слава!» и патриотических/националистических лозунгов никакая инициатива не обходится.

Как бы то ни было, протесты разгорались стремительно. 1 марта в Донецке до 10 тысяч человек заняли здание областной администрации, а бизнесмена Павла Губарева объявили народным мэром. Попытки «системных» политиков оседлать волну просто провалились.

Харьков

Основу для протестов составили поначалу либо совсем маленькие пророссийские движения, либо разнообразные патриотические организации, иногда с околовоенным оттенком, «афганцы», казаки и т. д. Например, общественное движение «Оплот», которое до сих пор было близко к «Партии регионов», но позднее от нее отошло, это изначально спортивная организация, специализировавшаяся на смешанных единоборствах. С началом протестов в Киеве она резко выступила против майдана.

Мартовские митинги были многочисленными, однако требования протестующих были довольно аморфными. Некая общая линия состояла в протестах против сближения Украины с ЕС, требованиях автономии Донбасса.

Одновременно шли митинги с противоположными лозунгами. 13 марта в Донецке был убит проукраинский активист Дмитрий Чернявский. На следующий день в Харькове во время столкновений с националистами застрелили двух пророссийских активистов — граждан Украины Артема Жудова и Алексея Шарова. Однако казалось, что протест выдыхается. Манифестации становились все менее многочисленными. Но далее события пошли каскадом.

В конце марта в Луганске произошло полузабытое ныне событие. Несколько человек в балаклавах под камеру объявили о партизанских действиях против Киева. Тогда многие решили, что это обычные фрики.

Один из них — это **Валерий Болотов**, заставший краем службу в ВДВ СССР, и на 2014 год — лидер луганского союза ветеранов ВДВ. Он, пожалуй, и может считаться человеком, который начал восстание. 6 апреля в Луганске толпа штурмом взяла здание СБУ и вскрыла арсенал. В Харькове протестующие заняли обладминистрацию. В Донецке объявили о создании Донецкой народной республики и о проведении референдума о независимости.

Болотов

Любопытно, что в Луганске первоначальные требования были куда более умеренными. По сути, они сводились к нескольким пунктам: широкая автономия регионов, русский язык — второй государственный, прекращение политически мотивированного преследования «беркутовцев» по следам событий на майдане и самих активистов — по

следам событий весны 2014 года, разоружение и роспуск ультраправых организаций.

Однако в Киеве уже закусили удила и не были готовы ни к каким переговорам. Для и. о. президента Александра Турчинова, идущего к президентскому креслу Петра Порошенко и других лидеров победившего майдана восстание в Донбассе было возможностью отмыться после унизительной сдачи Крыма. С их точки зрения, события в Донбассе были не более чем бунтом маргиналов, который можно легко и быстро подавить.

Турчинов

14 марта на полигон в Новых Петровцах прибыли волонтеры для создания первого на Украине добровольческого батальона. Добробат формировал генерал-майор Сергей Кульчицкий (вскоре он станет первым украинским генералом, погибшим на войне). Он формировался на 20% из действующих спецназовцев МВД, включая «Беркут» (*в России «беркутов» идеализировали как силу, противостоявшую Евромайдану, но как легко заметить, солдаты этого «пидроздила» быстро сменили убеждения*

при перемене конъюнктуры) и на 80% — из боевиков сотен самообороны Евромайдана. 5 апреля батальон в качестве 1-го резервного батальона оперативного назначения нацгвардии отправился под Славянск во главе с Кульчицким «*для блокады базы террористов*». До Стрелкова, который будто бы начал войну, оставалась неделя, а в Славянске уже какая-то «база террористов».

Солдаты этого первого добробата

Армейские бригады также начали переброску в Донбасс в марте и начале апреля — так, ротный командир 80-й аэромобильной бригады регулярных сил сообщал: «Восьмого марта я со своей ротой уже выдвинулся на боевое слаживание в Черниговскую область. А в начале апреля мы были уже в зоне АТО — прибыли в Луганск. Тогда я командовал третьей ротой 80-й аэромобильной бригады».

Эти факты любопытны с точки зрения разрешения вопроса о том, можно ли считать началом войны в Донбассе вход в Славянск отряда Игоря Стрелкова. Как легко заметить, в марте будущие участники АТО уже проходят слаживание (до прихода Стрелкова остается месяц, в будущих ДНР и ЛНР у демонстрантов нет оружия), а в начале апреля, по крайней мере за неделю до появления стрелковцев и прежде захвата повстанцами

оружия в Луганске и Донецке, воинские части уже перебрасываются в Донбасс.

8 апреля в Харькове Киев переиграл ситуацию в свою пользу — спецназ взял штурмом обладминистрацию, задержав всех, кто там находился. Десятки протестующих были арестованы, и восстание в Харькове заглохло. Однако в Донецке и Луганске у повстанцев было оружие, организация, а местные силовики были настроены куда более вяло.

Подразделение спецназа "Ягуар" украинских сил в Харькове около взятого здания ОГА

Россия оказалась перед выбором, который не назовешь простым. Поражение восстания в любом случае было бы расценено как поражение России. Граждане России в любом случае оказались бы среди убитых и пленных. Что бы ни думали и ни говорили в Киеве о «найманцах» и вездесущих агентах спецслужб, основная масса добровольцев из РФ прибыла в Донбасс не по службе, а по зову сердца, и их в любом случае воспринимали бы только в качестве агентов спецслужб.

При этом альтернатива для России выглядела мерзко и унизительно: поучаствовать в разгроме пророссийского же восстания, или, как минимум, безучастно за этим разгромом наблюдать; и все это — в

интересах заведомо враждебного государства (как минимум, вопрос о Крыме-то никуда не делся).

Действия российской стороны, по крайней мере, на первых порах, выглядят как попытка отбиться с минимальными издержками. Республики Донбасса получали вооружение и боеприпасы, инструкторы и добровольцы свободно ехали в Донецк и Луганск. Организационные усилия России по оформлению республик в функционирующие государственные организмы, наконец, помощь экономике Донбасса — фактически спасли юные республики от коллапса. Однако официально Россия очень долго предпочитала не афишировать свое участие в делах региона, а регулярные батальоны российских войск не принимали участие в сражениях тех месяцев. Не признала Москва и результаты референдума 11 мая, на котором жители Луганской и Донецкой народных республик проголосовали за свою независимость.

К концу весны 2014 года протесты были задавлены почти по всей Украине. В Одессе демонстрации продолжались, но уже было понятно, что они идут на спад, в Харькове пророссийских активистов разогнали силой, в Днепропетровской области полукриминальным путем в течение некоторого времени движение также было подавлено, а в Николаеве местные националисты разогнали протестующих в ходе массовой драки. В Бердянске произошла интригующая история в духе авантюрного романа: местных активистов, которые прибыли на катере из Севастополя с грузом автоматов и гранатометов, пехехватила и арестовала СБУ.

В Донбассе ситуация зависла в состоянии неустойчивого равновесия.

Битва за Донбасс

В ночь с 11 на 12 апреля 2014 года на грузовике с надписью «Новая почта» в город Славянск на северо-западе Донбасса приехал отряд в 52 человека. Возглавлял его Игорь Стрелков. Новоприбывшие разоружили милицию и заняли администрацию.

Позднее в интервью Стрелков заявил: «Спусковой крючок войны нажал я». Фраза получилась хлесткой, а харизма лидера повстанцев дополнительно усилила эффект. Из-за этого любое обсуждение событий в Донбассе весны 2014 года регулярно сводится к повторению этих слов на разные лады. Давайте все же попробуем без пристрастия понять, что означало появление «стрелковцев» в Славянске.

Игорь Стрелков, 2014 год

Для начала приходится напомнить о простом обстоятельстве. Группа Стрелкова взяла под контроль агломерацию, включавшую сразу несколько городов и поселков с общим населением в сотни тысяч человек. Получалось по 5-7 бойцов на город.

Однако в Славянске Стрелкова ждал уже сформированный крупный отряд местного ополчения. Да и сам прибывший отряд состоял по большей части из формальных граждан Украины (включая крымчан). Собственно, он был создан в Крыму на случай, если на полуострове придется драться. Но боевые действия не начались, и костяк отряда поехал в Донбасс.

Еще одно лирическое отступление. Впоследствии украинская сторона обожала на все лады пересказывать речь Стрелкова по поводу того, что в ополчение идут мало и плохо. Если не мыслить лозунгами, а обратиться к реальной человеческой истории, то в любые добровольческие отряды крайне редко идут толпами по своей воле. Тем более, на долгий срок, тем более, в группы, предполагающие жесткую дисциплину (а стрелковцы — это именно такая группа). К тому же,

ополчение не имело оружия даже для тех людей, что были налицо. В реальности Славянск, куда в апреле приехали 52 человека, в итоге оставило более двух тысяч ополченцев. И это были главным образом люди из Донбасса же — поименные списки потерь не дают пространства для маневра.

Кроме того, группа Стрелкова не была ни единственным, ни даже первым вооруженным отрядом в Донбассе. В Луганске и Донецке к тому моменту уже сложились вооруженные группы со своими лидерами. В Горловке, Макеевке и Енакиево администрации были заняты в течение двух дней после Славянска и вне связи с ним. В Донецке Стрелков со своим отрядом появился в июле, в Луганске — вообще никогда. Очевидно, что «развязать войну» из Славянска он там не мог. Вообще, картина мира, в рамках которой полсотни человек в состоянии начать войну в сорокамиллионной державе, скорее говорит об отношениях с реальностью людей, которые ее разделяют.

Ополченец весны 2014

Первые жертвы в рамках гражданского противостояния на востоке Украины к тому моменту уже появились, включая погибших от огнестрельного оружия. Словом, тезис о спусковом крючке выглядит откровенной натяжкой, если знать контекст.

Однако приход Стрелкова в Славянск сыграл колоссальную психологическую роль. Стрелковцы — это можно утверждать более-менее уверенно — не являлись военнослужащими или сотрудниками спецслужб при исполнении обязанностей и действовали при благосклонном, но все же молчании Москвы.

Это легко заметить по последующим событиям: представители этого подразделения оказались «бедными родственниками» при распределении оружия по линии «военторга», а сам командир испортил отношения почти со всеми командирами ДНР и действовал наиболее обособленно от прочих. Группа, пришедшая в Славянск, не была частью Российской армии или специальных служб… Но она выглядела именно так.

Ополченцы, весна 2014. В центре - повстанец с охотничьим ружьем в мотоциклетном шлеме, справа вообще боец, оснащенный милицейской резиновой дубинкой...

Единообразно обмундированные, подтянутые и дисциплинированные, стрелковцы смотрелись теми самыми «вежливыми людьми», которые только что стремительно и эффектно очистили от украинских сил Крым. Поскольку на полуострове действовали отряды без знаков различия, не комментировавшие свою принадлежность, немудрено, что донбассовцы восприняли происходящее однозначно: российская армия на подходе.

После чего местное ополчение начало стремительно разрастаться. «*Мы были уверены, что Россия нас не бросит, что она подставит плечо*», — говорила позднее жена ополченца из Славянска Элла Дьяченко.

...И для контраста бойцы отряда Стрелкова. На весну 2014 года они действительно выглядели как регулярное войско.

Появление отряда Стрелкова уверило и Киев в том же самом — Россия на подходе. Однако там, разумеется, эту новость рассматривали под другим углом: с точки зрения украинских властей требовалось действовать на опережение и как можно скорее задавить восстание.

В итоге 7 апреля Александр Турчинов пригрозил, что «против тех, кто взял в руки оружие, будут проводиться антитеррористические мероприятия». А уже 14 апреля, через день после появления Стрелкова, подписал указ о начале «антитеррористической операции», которая стремительно приняла самые брутальные формы. В начале апреля многим могло казаться, что протесты вообще идут на спад, и за пределы уровня насилия, заданного майданом, дело не выйдет. В июне воздушные бомбардировки европейских городов уже вызывали ужас, ярость, но, в общем, не удивление.

Одним из самых сомнительных решений Киева стала отправка в Донбасс добровольческих батальонов. Формирование боевых отрядов из политических активистов, конечно, позволяло Киеву оперативно выставить на поле боя много людей, готовых к виду своей и чужой крови.

Однако на практике их появление выглядело для местных жителей воплощением всех ожидаемых страхов от итогов майдана: приехали националисты, с невнятными полномочиями, но фанатично настроенные и готовые убивать.

Точечные нападения и убийства отдельных активистов ими действительно совершались: к примеру, в мае 2014 года в Торезе летучим отрядом националистов были убиты Юрий Павлов и Роман Симонян — невооруженные активисты. В глубине Украины к таким историям относились с иронией, пресловутая визитка Дмитрия Яроша, найденная на месте одного из подобных инцидентов, была многократно осмеяна, но в самом Донбассе людям было не до шуток. Тонтон-макуты с лицензией на убийство, безусловно, могут запугать политических противников, но с тем же успехом они могут вызвать гнев вместо ужаса.

Добробатовцы участвовали в первых же кровавых столкновениях этой войны. Так, 13 апреля при попытке офицеров СБУ вступить в переговоры со стрелковцами присутствовали представители «Правого сектора». Переговоры увенчались перестрелкой: был застрелен офицер СБУ Геннадий Биличенко, который претендует на сомнительную славу первого погибшего в войне за Донбасс.

Рубен Аванесян погиб в тот же день, что Биличенко, но на Украине его редко упоминают, говоря о первых жертвах войны в Донбассе. Вероятно, гражданский, расстрелянный украинскими парамилитариями, несколько смазывает картину, в рамках которой кровь должны пролить "найманцы".

Примечательно выглядит также бой в ночь на 20 апреля на окраине Славянска. Бойцы «Правого сектора», используя оружие, купленное у криминальных структур, атаковали блокпост ополчения у Славянска, в результате чего погибли трое ополченцев (все — граждане Украины, двое были безоружны) и один «правосек» (еще один был тяжело ранен и остался парализованным инвалидом). Они же ответственны за первую жертву со стороны Донбасса — 13 апреля, в тот же день, когда погиб Биличенко, «правосеки» застрелили гражданского, симпатизировавшего повстанцам — Рубена Аванесяна, ехавшего на машине из Донецка в Славянск.

2 мая произошли чудовищные события в Одессе. Формально — за пределами Донбасса, но для событий в Донецке и Луганске трагедия оказалась очень важной. Демонстративно жестокое убийство людей украинскими националистами вызвало всплеск боли и ярости. В том числе в России. Впоследствии множество ополченцев — и местных, и российских добровольцев — вспоминало именно эту историю как переломный момент.

Свою роль сыграли не только кошмарные события в Доме профсоюзов, но и реакция на них в Киеве: все эти торжества по поводу «горелой ваты» и «жареных колорадов» оказались настолько массовыми и яркими, что всю агитационную работу среди русских Украина, по сути, провела сама. Затем последовали провальные для ополчения первые бои за аэропорт Донецка, удар по обладминистрации Луганска, где женщина по имени Инна умирала прямо под камерами — и каждая подобная история резала украинское общество по живому, отсекала Донбасс окончательно.

Группа ополченцев в Луганске во время первых столкновений

«*Украинцы в общем-то живут в мирном времени, — писал житель Макеевки, позднее уехавший в Россию, Артем Сущевский. — Для них наш местный беспредел есть всего лишь „антитеррористическая операция“ (АТО как дам по лбу! — смешно ведь, да?), а потому и смотрят они на ситуацию глазами мирных жителей. А для нас здесь именно что идёт война. А потому и взгляды у нас получаются разные*. *А потому и украинцами мы можем себя ощущать уже лишь в остаточном состоянии, в качестве напоминания о безоблачном вчера.*

И украинцы из нас выбиваются очень быстро: с каждым артиллерийским выстрелом, с каждой автоматной очередью, с каждым свежим трупом — украинцев в нас остаётся всё меньше и меньше. И наши глаза, глаза разукрашенных, хоть и всё ещё сограждан — смотрят совсем иначе. И замечают то, чего сами украинцы заметить не в силах: что Порошенко — это не мир, как отчего-то принято считать по ту сторону Днепра, отнюдь — Порошенко это именно что война. И война чрезвычайно плохая и мерзкая, которая локальной донбасской не останется, а рано или поздно переправится и через Днепр тоже. И которая процесс раскола всё равно не остановит, разве что отложит на время, но при этом уничтожит вообще всё, что только можно уничтожить».

Жертва пыток со стороны украинских военных или военизированных формирований. У мужчины на груди выжжено слово "сепар".

Склеить разбитую страну к июню стало уже практически нереально.

***

Если отбросить априорные идеологические установки, то результат вряд ли оказывается возможным упихнуть в прокрустово ложе чьей-либо пропаганды. Топливо для разгоревшегося в 2014 году костра готовилось давно, и вовсе нельзя сказать, что война стала громом среди ясного неба.

В реальных условиях весны 2014 года в Донбассе и, шире говоря, вообще на Украине шла опасная игра с фейерверками на пороховом складе. Конкретные решения, принимавшиеся в Москве, Киеве, Донецке — выглядели зачастую разумными, а то и единственно возможными в сложившейся ситуации. Однако вместе они вели край к войне и раздору, а многих прямых участников событий — прямиком в могилу.

Как часто бывает, люди, принимающие решения, советовались исключительно с собственными страхами, комплексами и предубеждениями, смутно представляя возможную реакцию противной стороны и людей «на земле». Всем участникам этой драмы по тем или иным причинам оказалось проще всего нестись вперед на полной скорости в надежде (и даже уверенности), что противник отвернется.

Кризис в Донбассе дает нам не первый и не последний пример подобной ситуации в мировой истории.

Но история — недобрый педагог, она не учит. Она лишь наказывает за невыученные уроки.

«Визитка Яроша». Бой ночью 20.04.14 — смешной мем, страшная ситуация

В апреле 2014 года на окраине Славянска случился инцидент, от которого всем потом долго икалось. После нападения на блокпост ополчения на поле боя нашлась визитка Дмитрия Яроша, лидера пресловутой организации «Правый сектор» (запрещена в РФ, экстремисты и все такое). Над этой визиткой Яроша ржали, а «Би-Би-Си» посвятила репортажу о бое текст, разоблачавший беесовестную гнусную российскую пропаганду.

В реальности, мем смешной, ситуация страшная. События 20 апреля 2014 года прекрасно показывают, как раскручивался маховик той войны. И дело, конечно, не в визитке.

12 апреля в Славянск вошла группа Стрелкова. На следующий день под Славянском случилась первая перестрелка. Офицеры подразделения СБУ «Альфа» вместе с представителем «Правого сектора» затеяли «переговоры» с ополченцами на блокпосту. Диалог увенчался боем и гибелью офицера СБУ. Затем начались бои в Краматорске, где аэродром удерживали украинские части, ополчение разоружило два небольших отряда украинских десантников. Тех десантников, что решили вернуться к своим, отпустили. Война разгоралась лениво.

Ополчение в Славянске и Краматорске насчитывало сотни людей, однако большинство из них не имело оружия. Поставки из России массово пошли только летом, причем даже тогда у военторга существовали «любимые жены» и отряды, снабжавшиеся по остаточному принципу. Так что оборона строилась своеобразно. На въездах в города стояли блокпосты, вооруженные слабо или не вооруженные никак. Они скорее обозначали присутствие, чем представляли собой узлы обороны — наваленные покрышки, вокруг которых сидели «сторожа». При появлении противника, с блокпоста должны были вызвать мобильную группу из самого

Славянска, которая была вооружена, и после захвата украинских десантных колонн имела даже легкую бронетехнику.

Украинская армия действовала вяло, и это понимали не только по нашу сторону баррикады. Одним из наиболее буйных оказался Дмитрий Ярош, лидер организации «Правый сектор».

Ярош

«Правый сектор» изначально не был единым спаянным движением, и представлял собой конгломерат небольших украинских праворадикальных групп. Роль этого движения была специфической. Для подтверждения тезиса «В Украине нет фашизма» чаще всего апеллируют к очевидному факту: в органах власти радикалы представлены мало. Однако их роль вообще не в том, чтобы заниматься парламентской борьбой или заседать в каких-нибудь комитетах. В лице «ПС» и тому подобных организаций украинские власти получили тонтон-макутов, военизированные отряды, готовые делать грязную работу там, где правительство не хочет или не может выступать под своим лицом. Физическое уничтожение активистов нежелательных движений, давление на суды, зачистка улицы от «неправильных» демонстрантов и т. д. и т. п. — это неаппетитная изнанка политики, которой отряды типа «Правого сектора» занимались постоянно.

Ярош вполне четко и недвусмысленно описал мотивы своих действий весной 2014:

Надо было действовать и немедленно, чтобы показать, что на русскую силу найдется украинская сила. Областная администрация Коломойского поддержала без вопросов создание патриотических добровольческих отрядов в области (Днепропетровской — прим. Е.Н.).

Как и ополченцы, «правосеки» на тот момент были слабо вооружены. Лично Ярош располагал «укоротом» — автоматом АКС-74У, кроме того, его боевики имели несколько обычных автоматов (включая чешские «калаши»), охотничьих карабинов и пару снайперских винтовок. Ручные гранаты им подарили местные уголовники.

Жемчужиной коллекции был пулемет М53 югославского производства. Это копия немецкого «Машиненгевера», так что позднее иногда писали именно об МГ-42. Несмотря на почтенный возраст («МГ» — разработка времен Второй мировой) это очень мощное оружие с высоким темпом стрельбы, способное задавить огнем даже нормально вооруженных стрелков.

Чешский "калашмат" одного из нападавших

Задачей боевиков «ПС» считался захват телевышки на горе Карачун у Славянска.

Ярош набрал на заезд двадцать человек, которые ехали на четырех гражданских джипах.

Поздно вечером 19 апреля группа «правосекторовцев» во главе с Ярошем выехала из Днепропетровска. Около часа ночи они были под Славянском. Ярош имел карту с обозначенными на ней блокпостами ополчения, но оказалось, что «наемники» намного ближе, чем было указано. Поэтому вместо Карачуна боевики наткнулись на ополченцев.

Блокпост располагался у поселка Былбасовка западнее Славянска. Там начинается плотная, еще сельская, застройка, которая плавно перетекает в сам Славянск.

Тот самый блокпост. На линию Маннергейма как-то не очень походит.

На блокопсту стояло несколько человек (называют цифры от семи, что вероятнее, до тридцати), все славянцы. «Штатный» гарнизон блокпоста огнестрельным оружием не располагал. Ярош утверждает, что первыми огонь открыли ополченцы, ополченцы — что «правосеки». Что можно отсечь точно — это тезис Яроша о том, что «противник почти сразу открыл шквальный огонь». Шквальный огонь по джипам с людьми кончился бы истреблением этих людей. С другой стороны, будь ополченцы полностью безоружными, их легко перебили бы или взяли в плен.

Карту взял в фейсбуке украинского пропагандиста Юрия Бутусова

По данным ополчения и рассказу свидетеля — водителя, бывшего на дороге, боец по имени Павел Павелко (41 год, бывший десантник, ветеран горячих точек, одноногий инвалид, в 2014 — сварщик по профессии) подошел к остановившимся джипам и попросил выключить фары и показать документы. Он был тут же застрелен двумя пулями. По словам боевика «Правого сектора» Виктора Панаско с позывным «Иранец», первым огонь открыл кто-то из его соседей по машине. Следом он сам начал стрелять из АК сквозь лобовое стекло.

Обстрелял он отца с двумя сыновьями, которые грелись у бочки, из которой сделали импровизированную печку. Старший мужчина, 57-летний водитель школьного автобуса Сергей Руденко также был убит. В ходе последовавшего боя погиб еще один боец ополчения, 24-летний Александр Сиганов — он был застрелен пулей в голову, возможно снайпером.

Участник боя, ополченец "Кемпер"

Нигде не врут как на войне — Ярош позднее говорил, что насчитал «шесть тел убитых наемников», хотя те известны по именам (их было трое), и «наемники» были местными.

Так или иначе, завязалась перестрелка на дуэльной дистанции. На счастье ополченцев, как раз в этот момент на блокпост приехал патруль повстанцев — 4 человека, включая безоружного медика. Боец с позывным Кемпер рассказывал, что в этом маленьком отряде было два укорота АК-74У, пистолет и один нормальный «калаш». Правда, одним из бойцов этой группы был злополучный Павелко, и теперь арсенал блокпоста сократился до двух короткоствольных автоматов и пистолета. Но из чего есть, сразу начали отстреливаться. Водитель одного из джипов, Михаил Станиславенко, был убит почти мгновенно.

Погибший водитель "правосекторовцев". Именно среди его личных вещей и нашлась та самая визитка.

Ход боя переломила мобильная группа ополченцев — пять человек человек с оружием под командой Валерия Мусиенко (позывной «Дружок», впоследствии командир танкового батальона), которые приехали на УАЗе. Главным доводом украинцев должен был стать пулемет, но его практически сразу заклинило из-за того, что «правосеки» по незнанию неправильно с ним обращались. Ополченцы также активно метали гранаты, близким разрывом тяжело ранило еще одного «правого» — Ярослава Антонюка, молодого боевика из Подволочиска Тернопольской области. Антонюк был, так сказать, образцовым «секторовцем» — этот молодой человек 24 лет был активистом националистической организации «Тризуб» еще до всех событий, и участвовал в событиях на майдане в Киеве практически с самого начала. После ранения он навсегда остался инвалидом (отсутствует часть черепа, парализованы рука и нога, затруднена речь из-за изувеченной челюсти).

Кроме того, в контексте боя на блокпосту упоминают бойца «Правого сектора» Виталия Ковальчука. Однако Ковальчук попал в плен несколько раньше, 17 числа. Его историю приведу просто потому, что позднее СМИ связали Ковальчука с боем у Былбасовки. Ковальчук с группой товарищей приехал под Славянск на разведку, вооружившись двумя винтовками и самодельными гранатами. Один из «правосеков» сдуру принялся палить по гражданской машине, и вообще, «ДРГ» вела себя как сборище лауреатов премии Дарвина, в результате из пятерых правосекторовцев двое были убиты (возможно, в плену), а Ковальчук попался живым.

Слева Ярош, справа "Иранец"-Панаско

При этом несколько ополченцев независимо друг от друга утверждают, что какой-то «правосек» все-таки в плен попал. Тут я не могу ничего пояснить, поскольку никакого развития тема не получила — возможно, пленный был, но его выменяли — однако даже его имя неизвестно, а сами «правосеки» ничего о попавших тогда в плен товарищах не говорят. Можно предположить, что у бойцов по прошествии времени «слиплись» захват Ковальчука и бой на блокпосту.

Наткнувшись на организованное сопротивление, «правосеки» решили, что нужно отступать. Погрузившись на два оставшихся на ходу джипа, они растворились в ночной тьме.

На поле боя ополченцам достались несколько пистолетов ТТ, СВД (*«Драгуновы» у нападавших были, так что, вероятно, заявка реальна*) и пулемет. Позднее М53 благодаря экзотическому для Донбасса виду некоторое время отдельно обсуждали в соцсетях. Ну, а у погибшего Станиславенко обнаружилась злополучная визитка Дмитрия Яроша. Станиславенко не был активистом «ПС», «Иранец» даже утверждал, что ему «заплатили как таксисту». Скорее всего, Ярош выдал ему свою визитку в качестве «аусвайса» на всякий случай. Тело погибшего противника ополченцы похоронили честь по чести, с могилой и крестом.

Два расстрелянных джипа

А вот визитке была суждена на удивление долгая медийная жизнь. Дело в том, что украинское государство и сами «правосеки» категорически отрицали свое участие в бою. До сих пор на некоторых сайтах о Павелко написано, что тот был убит ополченцами «ради имитации нападения „Правого сектора“. На „Би-Би-Си“ вышел ехидный репортаж о „пропаганде прокремлевских СМИ“, а шутки про визитку Яроша в соцсетях можно встретить до сих пор — на момент, когда пишутся эти строки, последняя из них пошучена пять часов назад. Сам Ярош в 2016 году рассказал о событии и, собственно, признал, что бой был и визитка была настоящей. Между тем, в 2014 году официальная версия СБУ звучала следующим образом:

«*Вооруженные правонарушители и диверсанты, которые терроризируют местное население в г. Славянск, в ночь с 19 на 20 апреля обратились к циничной провокации. В результате инсценировки внешнего нападения на блок-пост и расстрела нескольких автомобилей погиб человек*».

«Правый сектор» тогда же заявил:

«Любые попытки связать эти действия с „Правым сектором“ имеют только одну цель — вызвать страх у жителей Восточной Украины перед активистами ПС (…)ФСБ пытается скомпрометировать ПС в глазах граждан Украины и всего мира, производя клеветнические материалы по лучшим рецептам геббельсовской пропаганды».

«Би-Би-Си» со своеобычным скепсисом писала:

Корреспонденты обращают внимание на то, что в кадрах с блокпоста Славянка, распространяемых пророссийскими активистами, можно увидеть следы инсценировки — например, немецкий пулемет времен Второй мировой войны, пачки с новенькими 100-долларовыми купюрами и визитную карточку лидера «Правого сектора» Дмитрия Яроша.

Аналогичным образом изгалялись многие СМИ соответствующей направленности. Автору этих строк неизвестно, чтобы кто-то извинялся по этому случаю.

Погибших ополченцев похоронили в Славянске. Что сейчас с их могилами, автору неизвестно.

Бой у Былбасовки интересен минимум в двух аспектах. Во-первых, как часто бывает, «всё, о чем нам врали, оказалось правдой»: российское ТВ, которое только ленивый не пинает, оказалось намного ближе к реальности, чем авторы остроумных мемов по ее адресу. Стоит учитывать это обстоятельство, когда речь идет о событиях, с которыми меньше ясности, и которые ближе к нам по времени.

Трофеи. В кадре помимо прочего "тот самый" пулемет. А вот автомат внизу, скорее всего, принадлежал погибшему Павелко - "Иранец" утверждал, что первая пуля угодила именно в оружие одноногому ополченцу, и в кадре хорошо видно повреждения.

А с другой стороны, эта история лишний раз иллюстрирует реальную роль добровольческих формирований в войне за Донбасс.

В начале войны ни у повстанцев, ни у украинских военных часто еще не было особого желания убивать. «Мы не беспределили, потому что еще не знали, как это» — простецки замечал один из бойцов. Добровольческие отряды с украинской стороны стали одним из ключевых факторов, которые не только сделали войну неизбежной, но и докрутили свирепость противостояния до «балканского» уровня.

Войны ведут армии, но от общества зависит очень многое в вопросе о том, какой характер она примет. Убийство у Славянска совершили не военные. Его совершило, по выражению Дмитрия Соколова-Митрича, безответственное мирное зверье. Война на Донбассе разгоралась, вовлекая все новых и новых участников, и принимая все более и более уродливые формы.

Живые и мертвые. Осада аэропорта Донецка

Вероятно, ни одно сражение войны в Донбассе не вызывало столько эмоций и боли у участников событий и наблюдателей, как борьба за аэропорт Донецка. Осада аэропорта ополчением Донбасса шла более восьми месяцев. Стоял и пал Славянск, Новороссия пережила сумасшедшее лето 2014 года, подписали и похерили перемирие, а аэропорт продолжал оставаться недостижимой целью атак. Его долгое удержание показало, насколько опасным противником в действительности может быть украинская армия при благоприятной обстановке и адекватном руководстве, а победа над «киборгами» стала по-настоящему выстраданным успехом для ополчения. В аэропорту украинская армия была представлена хорошими сильными частями, с другой стороны, успеха добились в конечном итоге наиболее боеспособные отряды ополчения. В войне за Донбасс были битвы более масштабные, более динамичные, но пожалуй не было более жестокой и бескомпромиссной.

Международный аэропорт Донецка имени Прокофьева стал одним из самых значительных инфраструктурных проектов Украины начала 10-х

годов. В преддверии чемпионата Европы по футболу воздушную гавань столицы Донбасса радикально модернизировали. Была построена новая взлетно-посадочная полоса, возведен новый вместительный пассажирский терминал. «Мы ожидаем, что в 2015 году донецкий аэропорт сможет обслуживать около четырех миллионов человек в год», — заявил министр инфраструктуры Украины Борис Колесников на открытии нового терминала. Новая взлетно-посадочная полоса была способна принять любой тип грузового или пассажирского самолета. Пятидесятидвухметровая диспетчерская вышка гордо возвышалась над Донецком. Перестройка обошлась почти в 900 миллионов долларов, однако строители имели все основания гордиться своим успехом: это был действительно впечатляющий воздушный порт. Едва ли кто-то мог предположить, что на окраине Донецка воздвигается не ценный объект инфраструктуры, а будущее поле сражения и последнее пристанище сотен людей.

Чтобы понимать смысл происходящего, нужно хотя бы в общих чертах представлять себе расположение аэропорта и его основных строений в пространстве. Итак. Сам аэропорт расположен вплотную к Донецку на его северной окраине. К западу от аэропорта находится поселок Пески (порядка 4 км до терминалов). Севернее находится небольшая РЛС, далее за полями и цепочкой прудов — поселок Опытное (без малого 3 км до терминалов), еще дальше к северу — городок Авдеевка. С северо-востока вблизи аэропорта расположен поселок Спартак. Неподалеку от него — часть ПВО. Восточнее взлетки — Путиловская развязка, перекресток шоссе и железной дороги.

Как выглядит сам аэропорт. Основную его площадь занимает четырехкилометровой длины взлетная полоса, протянувшаяся с запада на восток. Южнее ее, вплотную к восточной оконечности ВПП, находятся оба терминала. Западнее — новый, намного крупнее старого, расположенного чуть восточнее, но в зоне прямой видимости и досягаемости. К юго-западу от нового терминала расположился монастырь с прилегающим кладбищем. К юго-востоку от старого терминала — гостиница «Полет», а дальше на юг — супермаркет «Метро» и автоцентр. Чуть восточнее —

масса разнообразных хозяйственных построек (ангары, котельная и пр.) Южнее всего этого комплекса — гаражи и частный сектор. Наконец, к западу от терминалов — пожарная часть и диспетчерская вышка. Обычно на фотографиях вышка кажется расположенной совсем близко от нового терминала, но это иллюзия, вызванная ее циклопическими размерами, на самом деле расстояние между ними составляет около восьмисот метров. Здесь важно вот какое обстоятельство. Большие размеры вышки и нового терминала дают превосходный обзор, тем более что прилегающая территория небогата на крупные здания, так что для корректировки орудийного огня эти позиции превосходны. Второй важный для нашего повествования момент: строения аэропорта оказались очень прочны, и устояли несмотря на длительный безжалостный артиллерийский обстрел. Та же диспетчерская вышка в итоге упала только после долгой целенаправленной стрельбы артиллерии и танков, причем ее руины еще могли некоторое время давать защиту остаткам гарнизона. Под этими зданиями — довольно развитая сеть подземных сооружений: парковки, подвалы, коммуникации военных объектов. Наконец, важным обстоятельством является вот какой фактор: с севера от терминалов и вышки — огромное ровное пространство взлетно-посадочной полосы, что дает отличный обзор из самих зданий аэропорта, но создает серьезнейшие проблемы тем, кому нужно быстро и без потерь проскочить этот сектор. В целом, когда говорят о боях за аэропорт, обычно имеют в виду пространство примерно 1,5 на 0,6 км, включающее терминалы и прилегающие постройки плюс стоящую несколько отдельно диспетчерскую башню.

ЦЕНА ЛЕГКОМЫСЛИЯ. МАЙСКИЙ ШТУРМ

В Донецке, как и в других городах востока Украины, движение в пользу присоединения к России активизировалось весной. 6 апреля пророссийские протестующие после митинга захватили администрацию Донецка и выставили властям ультиматум о проведении референдума по поводу будущего области. На следующий день в Донецке была провозглашена, собственно, Донецкая народная республика, ДНР, а в Киеве и. о. президента Украины Александр Турчинов объявил о

проведении антитеррористической операции. Постепенно протестующие занимали различные объекты в Донецке: местное телевидение, прокуратуру, отделения милиции. Одновременно те же процессы шли по всему Донбассу. Из местных жителей и российских добровольцев на лету создавались вооруженные формирования. Уровень координации различных отрядов был невысоким: фактически каждый лидер протеста сам создавал отряд в меру собственного разумения и качеств руководителя. Одним из наиболее многочисленных отрядов стал батальон «Восток», возглавляемый бывшим командиром донецкой группы «Альфа» А. Ходаковским. Именно эти люди стали главными героями первого столкновения за аэропорт. Основную массу «восточных» составляли местные, однако значительным было количество российских добровольцев. Хотя пропаганда обожала представлять этих людей как наемников, приехавших «легко заработать деньги, убивая украинцев», единственное, что действительно мог им тогда дать Ходаковский, это автоматы (на тот момент — с захваченных украинских складов), бесплатное питание и обещание перевезти тело в Ростов в случае гибели. Гадостные политические игрища, которыми сопровождается история Новороссии, не должны закрывать подлинного энтузиазма, альтруизма и отваги, желания этих людей защитить Донбасс и построить новое — лучшее общество на руинах прежних государственных и социальных институтов.

От местных активистов россияне на тот момент отличались боевым и служебным опытом: многие из приехавших уже повоевали в горячих точках. Отряды часто формировались по знакомству. В середине мая под Ростовом начала собираться одна из таких групп под командой Алексей Горшкова, известного под позывным «Искра».

«Искра» ранее служил в Чечне. Отряд он набирал через «сарафанное радио» из опытных бойцов. Судьба сделала своеобразный кульбит — теперь в группу «Искры» вошло несколько чеченцев. В ночь на 25 мая отряд прибыл в ДНР на грузовиках. Поначалу они намеревались ехать в Славянск, но донецкие командиры настояли на переподчинении этого отряда «Востоку» Ходаковского.

Нельзя сказать, что украинская сторона вовсе не принимала контрмер. В частности, в середине апреля был сделан, как оказалось впоследствии, сильный и правильный ход: в аэропорт прибыл многочисленный отряд 3-го полка специального назначения из Кировограда. 3-й полк был элитой украинских вооруженных сил. Первоначально ВСУ располагали группой из 64 солдат 3-го полка и взвода из 15 солдат 25-й десантной бригады.

Спецназ занимал позиции в старом терминале и диспетчерской вышке. Командиры ополчения опасались, что аэропорт используют для переброски подкреплений, и не сказать, чтоб беспочвенно: в Луганске украинцы делали именно так, пока один из Ил-76 не был сбит из ПЗРК с полусотней десантников на борту.

Отряд, непосредственно участвовавший в операции по захвату аэропорта, состоял примерно из 120 человек, и выдвинулся в Донецк на «Камазах» из тренировочного лагеря в ночь с 24 на 25 мая. Впоследствии утверждалось, что один из бойцов был агентом СБУ. Проверить эти сведения трудно, тем более что подозреваемый впоследствии погиб, однако то, что произошло далее, могло произойти и без всякого шпиона.

Прибывший в Донецк отряд должен был участвовать в захвате городского аэропорта. Во главу угла при планировании были поставлены некие договоренности, достигнутые лично Ходаковским с обороняющими аэропорт военными. Кроме того, был завербован офицер СБУ, отвечавший за охрану аэропорта Александр Головура, который должен был пропустить бойцов в новый терминал. При этом разведка была проведена наспех, командиры штурмовых групп не имели карт и вообще смутно представляли себе район действий. «Искру» и его людей предположения о бескровном захвате не устроили, и командиры отправились на рекогносцировку. Обнаружив гарнизон и «зушки» (ВСУ имели две установки автоматических пушек), «Искра» предложил правильный бой с уничтожением противника и захватом терминалов.

Однако настроения командиров «Востока» были самые шапкозакидательские. Повстанцы перед выдвижением к аэропорту даже не взяли с собой ПЗРК. Это вообще самый поразительный момент. Аэропорт предполагалось захватить именно как объект инфраструктуры, а

для этого контроль воздушного пространства был необходим. Как легко вспомнить, переброску подкреплений ВСУ в аэропорт Луганска ополченцы пресекли вообще без захвата самого аэропорта, сбив из ПЗРК военный транспортник при посадке. Вообще, смысл захвата именно терминала не вполне понятен, в свете наличия рядом куда более важных пунктов (диспетчерская вышка, часть ПВО, РЛС). Насчет возможного сопротивления также не задумывались. Предполагалось, что ценность аэропорта как дорогостоящего объекта, окажется достаточным прикрытием сама по себе. При этом без ПЗРК отряд «Искры» не мог даже толком воспретить доставку подкреплений.

В итоге 26 мая отряд в сто с небольшим человек легко и быстро вошел в новый терминал аэропорта, расположившись в здании и на крыше. Все это происходило прямо на глазах у кировоградцев, расположившихся в старом терминале. Дистанция составляла около двухсот метров, противники видели друг друга. Пассажиров быстро эвакуировали и заняли круговую оборону.

После семи утра из донецкого аэропорта улетел последний самолет. Ходаковский отбыл в благодушном настроении.

Около одиннадцати часов выяснилось, что терминал стал ловушкой. По засевшим в здании ополченцам начали стрелять снайперы со стороны диспетчерской вышки, из старого терминала, а главное — начала работать авиация. Транспортные вертолеты Ми-8 высадили подкрепление, а ударные Ми-24 открыли огонь. Двое ополченцев были убиты, несколько человек ранены.

При более ответственном отношении к планированию операции дело могло принять иной оборот. Фактически же ополченцы оказались под огнем с земли и с воздуха, паля по ударным вертолетам из стрелкового оружия. В качестве импровизированного средства защиты повстанцы использовали даже поваленные штабелями банкоматы. Однако преимущество в численности и особенно огневых возможностях было не на их стороне. Заодно ВСУ расстреляли машину «Скорой», ехавшую со стороны Донецка. Один офицер утверждал, что из нее якобы разгружали боеприпасы, другой — что она якобы «слепила мигалками снайпера», но

судя по всему, ее просто расстреляли, задним числом придумав обоснование.

Терминал не был полностью блокирован, поэтому возможность отступить оттуда оставалась. У ополченцев еще оставались неповрежденные автомобили. Правда, из четырех грузовиков удалось использовать только два, подходы к другим были блокированы снайперами. Под вечер «Искра» получил приказ прорываться, не дожидаясь ночи. Тяжелое оружие оставили в здании — вывезти раненых и убитых было важнее.

То, что произошло дальше, описал один из ополченцев:

Наш «КамАЗ» вылетает из терминала, и мы начинаем стрелять во все стороны, в воздух, кругом открытая местность, проехали по трассе 4–5 километров от аэропорта в сторону города, расстояние между машинами где-то метров пятьсот — шестьсот. Два «КамАЗа» едут и палят без остановки. Страшное зрелище! Правда, я перестал стрелять, увидел, что никого нет вокруг. Когда мы стали въезжать в город, вдруг видим — на дороге стоит наш первый «КамАЗ». Я не понял, почему он остановился. Мимо едут машины, даже люди ходят, это уже окраина Донецка. Мы пролетели на сумасшедшей скорости, я не успел разглядеть, кто-то еще стрелял. Через пятьсот метров из гранатомета подбили нашу машину, снаряд попал под кабину водителя, мы перевернулись. Нам, как оказалось, повезло, мы вылетели с борта, ушиблись, но без переломов. Ту машину, которую подбили первой, добивали из пулеметов перекрестным огнем, по ребятам стреляли снайпера, погибли три десятка человек, не меньше. По нам тоже стали палить откуда-то, я бросил пулемет, схватил одного раненого парня, он был из Крыма, потащил на себе, бежал тупо по дворам. Ко мне присоединился наш фельдшер, у него был автомат, я взял оружие и еще пострелял по сторонам, по крышам и бежал дальше с этим раненым.

Жуткое обстоятельство: грузовики с уходящими из аэропорта расстреляли свои же. Один из взводов «восточных» принял грузовики за украинские и встретил выходящих из аэропорта огнем. Уверенные, что атакует украинская нацгвардия, засадчики буквально изрешетили грузовики.

Расстреляв машины, «восточные» подошли ближе и только тогда увидели на телах георгиевские ленточки…

В общей сложности в результате этой катастрофической акции погибло 46 ополченцев, в том числе 37 граждан России, семеро донбассовцев и двое крымчан. Основная масса была убита в расстрелянных грузовиках. Среди погибших был «Искра». Так нелепо и трагично были потеряны сразу десятки людей, которые могли стать хорошими солдатами и младшими командирами.

В качестве вишенки на этом отвратительном пироге, журналистов допустили в городской морг Донецка, выставив тела бойцов на поругание перед всеми желающими. Уже убитые, эти люди на ближайшие полгода стали мишенью остроумия толпы: воздержаться от шуток по поводу умерших и оплевывания павших сумели далеко не все патриоты и сторонники Украины.

Часть солдат после этого побоища покинула территорию непризнанных республик, многие ушли воевать в Горловку к Безлеру. Никто еще не знал, что катастрофа 26 мая — только начало мучительной борьбы.

В начале лета отряды ополчения были еще немногочисленны, слабо спаяны и вооружены. При таких условиях было бы трудно рассчитывать на взятие аэропорта грубой силой. К тому же требовалось решать одновременно множество задач сразу на всех направлениях. Необходимо было установить связь с Россией, сдерживать украинские войска под Славянском, разоружить воинские части «Збройных сил» и прочие государственные учреждения Украины (МВД, прокуратура, СБУ и проч.), оставшиеся на территории, контролируемой Новороссией, короче говоря, выделить достаточно крупный отряд на штурм аэропорта не было возможности. Даже блокировать аэропорт у ополченцев недоставало сил. К тому же на тот момент линия фронта еще не проходила по окраинам Донецка, а в качестве, собственно, аэропорта гордость Януковича уже не могла быть использована. Таким образом, аэропорт не был первостепенной целью.

Ополченцы возле аэропорта периодически вели в меру сил перестрелку с украинскими войсками. Но потери сторон были минимальными.

В июле, после прорыва славянцев в Донецк, действия ополченцев в аэропорту стали активнее, однако в основном их содержание исчерпывалось констатацией: «наступали, успеха не имели». Правда, кровопролитными эти бои тоже было не назвать. Именно тогда в аэропорт вошла батальонная группа 93-й бригады ВСУ. Пали пригороды Донецка — Пески и Карловка. Теперь аэропорт стал передней линией консолидированного фронта «Збройных сил». Фактически, здесь украинские войска находились в черте Донецка и держали часть города под огневым контролем.

Проблемой ополченцев, как обычно, был недостаток сил. По всему фронту шло наступление ВСУ, поэтому атаки на аэропорт никогда не были достаточно сильными. Спорадические обстрелы из минометов, автоматических пушек и стрелкового оружия тем более походили скорее на очистку совести, чем на настоящие попытки захватить аэропорт. С другой стороны, авантюр вроде весеннего штурма не повторялось, а на случай явления на сцену украинской авиации ополченцы прикрывались ПЗРК или даже самоходными зенитками. Аэропорт постепенно принимал привычный ныне вид груды измочаленных обстрелами индустриальных руин.

Украинцы вовсю использовали диспетчерскую вышку для корректировки артиллерийского огня. По мере подтягивания артиллерии, для «службовцев» аэропорт становился наблюдательным пунктом, плацдармом на подступах к Донецку и шипом под сердцем ДНР. Систематические обстрелы города, наводимые, в частности, из аэропорта, становились чем дальше, тем более серьезной бедой.

Конец августа дал сторонникам Новороссии надежду. После неожиданного и эффектного успеха под Иловайском, появился шанс быстро снять ключевые угрозы, пока ВСУ не оправились от шока и аврально латали дыры, образовавшиеся во фронте. На тот момент украинская армия была погружена в настоящий хаос, по территории Новороссии была рассыпана масса крупных и мелких окружений.

По отзыву корреспондента «Комсомольской правды» Д. Стешина, аэропорт «выворачивали наизнанку» орудийным обстрелом. В сентябре шел бой уже на территории самого аэропорта. На радостях успели сообщить о взятии аэропорта, однако надежда оказалась ложной: ворваться на территорию воздушной гавани удалось, а вот взять под контроль — нет. Неприятель оказал отчаянное сопротивление, а артиллерия — и в первую очередь минометы — продолжали подавлять попытки зачистить аэропорт.

Подземные сооружения аэропорта позволяли самим украинским военным пересиживать обстрелы не без потерь, но и не утрачивая боеспособность, благо, часть убежищ осталась с советских времен, когда готовились к ядерной войне, а новые сооружения также строились изначально прочными, та же диспетчерская вышка теоретически должна была выдержать удар самолета, и артогонь лишь очень медленно ее расшатывал. В результате стороны чаще тратили боеприпасы, чем поражали солдат противника — правда, иногда удавалось выбить технику.

Отчего в сентябре не удалось взять аэропорт? По-прежнему не были решены основные проблемы: украинские артиллерийские позиции продолжали действовать, а сам аэропорт, вопреки реляциям, не был отрезан от снабжения. Да, «службовцам» приходилось рисковать, перемещая технику по взлетной полосе, однако даже неся некие потери, они по-прежнему доставляли грузы в аэропорт. К тому же то, что ополченцы начали летом получать из «военторга» снаряжение, еще не означает, что они имели его достаточно. Выиграть огневую дуэль против ВСУ в районе аэропорта пока не удавалось. В такой обстановке наступил сентябрь, а с ним — перемирие. Перемирие, так и оставшееся фикцией.

ВОЙНА БЕЗ КОНЦА, ПЕРЕМИРИЕ БЕЗ НАЧАЛА

Этап донбасского противостояния длиной в четыре с половиной месяца, начавшийся после подписания минских соглашений, стал очередным — типичным для современных локальных конфликтов — примером перемирия, заключенного на бумаге и никем не соблюдаемого в реальности.

«*Это перемирие у нас не клянёт только ленивый или неисправимый оптимист, которых осталось мало*», — писал житель Донецка, — «*Все прекрасно понимают, что оно не может длиться вечно, что будет наступление, а даже если не будет, то будут обстрелы. Отвод тяжёлого вооружения на 30 или 40 километров ничего не решит, потому что тяжёлое вооружение преодолевает это расстояние за полчаса. Блокпосты вы не понаставите по всему городу и полям. Это всё фикция*».

Аэропорт остался той точкой, в которой активные действия продолжались постоянно. Согласно минским соглашениям, он должен был быть передан ополченцам. Однако украинская сторона так и не начала выполнять этот пункт договоренностей (обосновывая это необходимостью передать Украине в обмен несколько поселков).

На этом этапе ополченцы сосредоточились на обстреле расположенных в соседних Песках сил, которые поддерживали гарнизон аэропорта и снятии стружки с колонн снабжения, несшихся в сам аэропорт по бетонке. Каждый день шло, как выразился один из бойцов, «интенсивное перемирие». Обе стороны обменивались минометными зарядами и залпами «Градов».

ВСУ в свою очередь строили оборону терминалов на огне артиллерии, главным образом минометов. Внутри терминалов постоянно находились подразделения 79-й и 95-й бригад, а также ДУК «Правый сектор» (*экстремистская организация, запрещена в РФ*). Общая численность украинских сил непосредственно в терминалах обычно составляла 100-200 штыков. В самих терминалах и на подходах были оборудованы минные поля, внутри также были заложены мины. Терминалы — это крупные сооружения, так что целиком контролировать их солдаты ВСУ не могли, но обставить засадами и пикетами, а также засадить минами и растяжками — вполне. При этом даже переход между терминалами для солдат ВСУ не был безопасен — подстеречь их могли не только танкисты ополченцев, но и «Утесы». Снабжение велось караванами, мчащимися по взлетке в сопровождении танков.

Сложилась малоприятная для обеих сторон ситуация. Ополченцы не могли полностью перерезать снабжение аэропорта в силу его размеров и страдали от огня из Авдеевки и Песок, украинцы же не могли доставлять грузы и людей без риска свести тесное знакомство с миной или «Градом».

Бои за сам аэропорт описал один из ополченцев:

Укры сидят под землёй. На поверхность поднимаются корректировщики, иногда снайперы и миномётчики. Плюс через камеры наблюдают за поверхностью. Наши, после жиденькой артподготовки (ибо снаряды дефицит), выдвигаются, по ним начинают [бить] из Песков и Авдеевки всем чем можно, они отходят. И так каждый день. Итог: 1–3 200-х и 10–20 300-х ежедневно. И всё было бы совсем плохо, но тут вступает в действие уже укрокомандование, которое зачем-то стремится непременно иметь в аэропорту танки и БМП. Которые оно и гонит туда через территорию, которую простреливают наши, после чего оставшиеся коробочки мечутся по взлётке, пока их не сожгут. Ну и небольшие команды крутых ребят с обеих сторон играют в Контр-Страйк офлайн в развалинах терминалов с примерно равным счётом. Так что пока наши не возьмут Пески и Авдеевку (либо, как минимум, не подавят артиллерию укров там) толку не будет.

P. S. В подразделениях, штурмующих аэропорт, наблюдается серьёзный дефицит ВСЕГО, особенно противотанкового вооружения.

Замечание по поводу «коробочек» действительно справедливо. В непосредственной близости от терминалов в изобилии остались БМП, БТР и даже танки ВСУ. Именно с изящными маневрами на бронетехнике связаны самые тяжелые одномоментные потери «службовцев» в сентябре — при попытке сманеврировать между новым и старым терминалами 28 числа, украинский БТР попал под выстрел из танка — погибли сразу 8 человек. Украинская сторона настаивала на версии об уничтожении танка ополченцев, который добился этого попадания, однако похоже, это просто попытка подсластить пилюлю — хотя один из танков ополченцы в этот день действительно потеряли — экипаж под командованием Александра Милова по неизвестной причине выехал прямо на взлетку и был сожжен сосредоточенным огнем гранатометов.

В конечном итоге ВСУ были вынуждены отвести танки от терминалов и оставить бронегруппу только в Песках, откуда она выдвигалась при нужде. На ровном поле бронетехника неизбежно несла тяжелые потери. Находиться на взлетной полосе для бронетехники было смертельно опасно, поэтому украинские военные старались как можно скорее разгрузиться и укрыть машины, либо услать их назад.

Именно к этому периоду относится называние обороняющих аэропорт украинских военных «киборгами». Этому слову мы обязаны популярному жанру: поддельным цитатам, в которых враги восхищаются чьей-либо доблестью. Якобы некий ополченец заявил, что аэропорт обороняют не люди, но киборги. Солдаты в принципе редко дают устрашающие прозвания своим противникам, и практически никогда — пафосные. Однако украинскому обществу байка пришлась по вкусу, и название в общем и целом закрепилось.

Вообще, попытки пропаганды представить происходящее как безболезненное избиение идеологических противников, выглядят откровенной натяжкой. С одной стороны, ополченцы не «жарили укроп», а выполняли тяжелейшую и предельно опасную боевую работу, постоянно теряя людей. Любой штурм вырывал из рядов атакующих некое количество убитых и раненых. Анекдотическое перечисление украинской стороной якобы истребленных в аэропорту спецподразделений РФ не может заслонить того факта, что потери были тяжелыми. С другой стороны, люди, говорящие об «утилизации ватников», едва ли хотели бы оказаться в бронемашине, несущейся к терминалу, ежесекундно ожидая снаряда в борт.

Огонь, корректируемый из аэропорта, постоянно накрывал и кварталы, где никаких ополченцев не было. По данным ДНР, с конца сентября 2014 года по начало февраля 2015 в Донецке погибло более 160 гражданских. Население постепенно сатанело от постоянной необходимости жить под залпами гаубиц и РСЗО. «Я разговаривал со священником недавно, когда крестил дочку погибшего ополченца. Он отвел меня в сторону и задал только один вопрос: когда мы уничтожим людей, сидящих в аэропорту?

Ты понимаешь, что меня спросил об этом священник — когда мы у-нич-то-жим?» — рассказывал лидер ДНР А. Захарченко журналистке «Русского репортера».

Несмотря на обстрелы, в Донецке множество людей ухитрялось вести жизнь, близкую к нормальной. «Мы идем по Донецку, там люди с колясками, какие-то магазины работают, жизнь, в общем. Смотрят на нас как на привидения» — с удивлением говорила жительница вовсе не далекой Ясиноватой.

Обрушить украинскую оборону одним ударом у ополчения возможности не было, однако вокруг окопавшихся внутри украинских солдат постепенно стягивалось кольцо. Нехватка сил была проблемой не только ополчения. С другой стороны, украинские командиры действовали достаточно пассивно. Все это позволило ополченцам постепенно вытеснять неприятеля из строений аэропорта. Повстанцы медленно, но неуклонно охватывали позиции «киборгов» с флангов, занимая удобные для обороны строения. В частности, был занят монастырь (западнее терминалов), поселок Спартак (на противоположном фланге), часть технических строений восточнее терминалов. Впоследствии была захвачена пожарная часть западнее терминалов.

Это продвижение все сильнее затрудняло украинским войскам снабжение своих людей в аэропорту. Украинский документалист описал прорыв БТРа с грузом в новый терминал:

Приезжаем в аэропорт поздно вечером, уже темно, но светит луна, и я думаю: плохо, что камера не видит, как человеческий глаз — каркасы разбитых, без стен и стекол зданий терминалов, взлетная полоса без границ, стекло, железо, бетонная пыль под ногами… Несколькими кадрами можно донести последствия войны.

Тихие — рядом сепаратисты — и жесткие команды: быстрее, быстрее, быстрее.

Торопить не надо, каждый делает свое дело быстро и, если получается, тихо.

Водитель и стрелок выбрасывают из железной коробки БТР бутылки воды, мешки и коробки, солдаты проносят их метров двадцать в глубину темного здания терминала и бросают на бетонный пол.

Рядом с БТР уже стоит очередь отбывающих бойцов, по команде они закидывают рюкзаки на броню и прыгают в узкие двери машины.

БТР уезжает. Тишина.

В тихом темном терминале солдаты сортируют коробки, ящики и пакеты, подсвечивая себе и друг другу тусклыми экранами телефонов, фонарик зажечь нельзя — это готовая цель для «сепара»-гранатометчика.

Замечание про гранатометчика не лишено смысла — в терминалах пытались оборудовать укрытое помещение, чтобы погреться, однако у ополченцев, похоже, имелось какое-то количество тепловизоров — солдаты ВСУ жаловались, что эта затея кончилась стрельбой на тепло.

Попытки штурма с переменным успехом шли весь октябрь и ноябрь. Бои в это время разворачивались достаточно хаотично. Ударную силу ополченцев составляли «Спарта» Моторолы и «Сомали» под командованием Гиви. Именно им предстояло в итоге взять аэропорт штурмом. Оба подразделения были, без преувеличения, наиболее отчаянными в рядах повстанцев. Командиры были похожи друг на друга по складу характера. «Гиви» — Михаил Толстых — был из Иловайска. До войны он трудился на рабочих специальностях — промышленный альпинист, водитель дизельного погрузчика на заводе. Словом, военного образования он не имел, за вычетом срочной службы. В ополчение он вступил в первых рядах, в мае 2014 года, и сражался в Славянске. Вскоре он сформировал собственный отряд. Харизматичный, жесткий, «Гиви» ломал и подминал под себя людей, однако проявлял к себе не больше жалости, чем к окружающим, был энергичным до умопомрачения и храбрым до безумия, что отмечали все, кто воевал под его началом. Его

группа обороняла Иловайск, и именно тогда к отряду приклеилось неформальное название «Сомали» — из-за растрепанного вида бойцов. Воевали эти «пираты» лихо и инициативно; обратной стороной этой лихости были серьезные потери — но к ним бойцы относились стоически. Схожий типаж представлял собой Арсен Павлов с позывным «Моторола». Он родился в Ухте, В Славянске он командовал мобильным противотанковым резервом, вскоре из него вырос батальон «Спарта». Моторола, как и Гиви, до штурма аэропорта воевал в Иловайске, а в Донецке их отряды действовали совместно. Кроме того, вокруг аэропорта действовали отряды «Востока», «Оплота», «Пятнашки» и казаки из группы «Б-2». Украинская сторона постоянно педалировала тему участия в наступлении российских регулярных сил, однако фактически все это осталось разговорами. Украинские источники периодически сообщали о пленении целой группы российских артиллеристов, о разгроме спецподразделений до «Альфы» включительно и т. д., но никаких подтверждений этим тезисам так и не было представлено.

Исходные позиции для штурма и штаб осады находились на улице Взлетной около многоэтажки, имевшей неформальное название «Девятка». «Девятка» находится к юго-востоку от терминалов, в 1200-1300 метрах по прямой. Между ней и терминалами — технические строения, некоторое количество жилых домов, заросли — в общем, типичный пейзаж городской окраины. ВСУ регулярно обстреливали дом. Именно там, кстати, сделана известная видеозапись, когда Гиви стоит в полный рост под залпом «Града» и обжигаясь, поднимает упавший к ногам осколок.

Постепенно, хотя и крайне медленно, «мотороловцы» и «сомалийцы» очищали от противника строения аэропорта, «прыгая» от здания к зданию. Сначала ополченцы закрепились в небольшом двухэтажном здании к юго-востоку от терминалов, затем продвинулись к гостинице — ближе к зданиям. С другой стороны в это время взяли маленькое село Веселое, на юго-запад от терминалов, метрах в 400 от диспетчерской вышки.

Хотя «Спарта» и «Сомали» назывались батальонами, по численности эти отряды не были крупными. Это обстоятельство было серьезной проблемой при зачистке терминалов. Разведка и штурмовые группы входили в сами терминалы, но долго не могли там закрепиться и зачистить эти очень крупные здания со сложной внутренней структурой. Тем более, идти приходилось через плотный артогонь. «В день уходило по 600-700 мин, 200-300 — на гаубицы» — утверждал майор 79-й бригады ВСУ.

Оптимизму на ополченской стороне фронта не способствовали два обстоятельства. Во-первых, оставались в руках ВСУ главные призы: диспетчерская вышка и новый терминал. Во-вторых, все-таки часто проявлялась изначально иррегулярная природа ополченских отрядов. Боевые качества повстанческих групп оказывались очень неровными. Если одни подразделения демонстрировали высокий уровень боевого духа и выучки, другие могли совершать прискорбно дилетантские ошибки. Иногда это приводило к большим трагедиям.

Примером такого неудачного боя стали события в середине ноября, когда понес тяжелые потери взвод ополчения в пожарной части. Пожарную часть захватило первоначально всего двое «сомалийцев», обнаруживших, что ее никто не охраняет. В результате колонны ВСУ, шедшие в аэропорт, начали нести серьезные потери от огня гранатометов, противотанковых ружей и артиллерии. Однако после первых успехов иловайские ветераны были заменены на слабо подготовленных новичков-казаков, едва умевших обращаться с оружием. Трагедия разыгралась, когда из Песок к терминалам отправился очередной караван, уже зная о том, что в пожарке части дежурят повстанцы. Чтобы пробиться к терминалу, украинской колонне требовалось сокрушить опорный пункт в пожарной части. Подойдя к ней на дистанцию в 150 метров, шесть танков открыли огонь. У взвода не имелось даже минометов, поскольку ночью расчеты самовольно снялись с позиций. Взвод состоял из слабо обученных новичков, поэтому отстреливался без должной эффективности. Штатное противотанковое средство взвода (ПТУР «Фагот», устаревшая, но надежная ракетная установка) осталось просто неиспользованным из-за простейших ошибок в эксплуатации. Необстрелянные молодые казаки

вместо того, чтобы укрыться в заранее подготовленных и показанных им окопах, начали метаться и были накрыты выстрелами танков в зданиях пожарной части. Семеро ополченцев погибло под огнем.

Такие тяжелые потери не были оправданы. Связь между «Сомали» и «Востоком», как и связь между «Сомали» и собственными командованием и артиллерией, оказалась нарушена, а выучка бойцов оставляла желать много лучшего. Что характерно, немногие присутствовавшие во взводе ветераны Иловайска выжили все.

Обстоятельства гибели взвода в пожарной части способны погрузить в уныние и отъявленного оптимиста. Раздрай в руководстве, слабая выучка, отсутствие связи и координации — дело обычное для настоящих африканских парамилитариев, но война в Донбассе диктовала уже куда более высокие требования к солдатам и офицерам. «Службовцы» же хорошо скоординировали действия танков, артиллерии и пехоты и добились серьезного результата.

Тогда еще никто не мог и предположить, что до полного разгрома опорного пункта «Збройных сил» в аэропорту остаются считаные недели.

Продвижение ополченцев в аэропорту было небыстрым, однако прогресс постепенно и зримо достигался. Украинские военные были вытеснены из старого терминала, гостиницы и прилегающих строений. В новый терминал ополченцы проникали, однако так и не смогли закрепиться. В конечном итоге украинские войска были вынуждены окончательно сдать основную часть окружающих аэропорт построек. После того, как ополченцы овладели гостиницей и парой прилегающих зданий (вплотную к юго-востоку от терминалов), они приблизились к противнику на 150-300 метров.

Перестрелки между гостиницей и терминалами шли постоянно. Они горячили кровь, но по-настоящему опасными и для ВСУ, и для ополченцев оставались дороги в собственном тылу. Русские тащили боекомплект и прочие необходимые расходники к гостинице от многоэтажки-"девятки», ВСУ — по-прежнему гнали караваны по взлетно-посадочной.

В конце ноября ВСУ после боев накоротке окончательно потеряли старый терминал. В здании перед отходом отставили массу мин и растяжек, но позиция была утрачена.

Таким образом, оплотом «службовцев» оставались скелет диспетчерской вышки, новый терминал и небольшой пост возле остатков РЛС. На практике это означало, что ополченцы ухитрились вплотную подобраться к вожделенным коммуникациям гарнизона, пусть и на очень узком пространстве. Кроме того, украинской артиллерии было теперь крайне трудно поражать ополченцев без риска зацепить своих: стороны находились слишком близко, и если промах, улетевший в город, был с точки зрения украинских пушкарей приемлем, то обрушить собственный «Град» на своих было, конечно, очень плохой идеей.

Журналисты после каждого локального успеха несли весть о том, что теперь-то аэропорт точно находится под контролем повстанцев/силовиков. Проблема в том, что каждый раз за взятие аэропорта выдавался захват каких-то конкретных строений или даже помещений, а ситуация могла измениться буквально за считаные минуты.

Украинскую сторону постоянно терроризировали отдельные танки, быстро выходящие на огневые позиции, обстреливающие вышку и терминал, и тут же скрывающиеся в лабиринте застройки. Накрыть этих «партизан» артиллерия обычно не успевала.

В середине декабря произошло событие, относительно смысла и обстоятельств которого до сих пор нет ясности. Украинцы провели смену воюющих в аэропорту частей прямо через позиции ополчения при полном спокойствии инсургентов. Во время этих перемещений состоялась знаменитая встреча Моторолы с командиром батальона украинских десантников «Куполом». Противники обсудили несколько частных вопросов, заверив друг друга в желании мира. Кроме ведения светских бесед, украинцы вывезли около полусотни бойцов из аэропорта и привезли столько же взамен, заодно пополнив запасы продовольствия. При этом ополченцы досматривали (!) приехавших солдат на предмет лишнего тяжелого оружия.

Смысл происшедшего так и остался толком неясен. Версию о неожиданно обуявших командиров ополчения сентиментальных чувствах можно смело отбросить: Моторола и Гиви о своем отношении к неприятелю говорили громко, недвусмысленно и непечатно. По ту сторону линии фронта тем более не питали теплых чувств к «ватникам и колорадам». Глубина нежности, испытываемой друг к другу противниками, была явлена месяц спустя, когда одного из попавших в кадр в декабре украинских офицеров заставили сжевать собственный шеврон. Более близкой к реальности выглядит версия, согласно которой украинцев пропустили через посты повстанцев в обмен на отсутствие помех в восстановлении гражданской инфраструктуры Донецка: снабжения электричеством и водой. Неофициальная версия подоплеки этих переговоров выглядит так:

Суть в следующем. В Донецк усиленно возвращаются жители, сейчас их уже около 700 тыс. Население нужно кормить, обогревать, снабжать водой. Рядом с одним из городских водозаборов есть шахта, которая затапливается из-за отсутствия электричества. И есть угроза попадания в водозабор неочищенной воды, если воду из шахты не откачивать. Трансформаторная подстанция (ТП), которая снабжала шахту электричеством, разрушена. К тому же находится на нейтральной территории. Несколько раз были попытки наладить электроснабжение, но украинцы накрывали электриков. Собственно, чтобы не допустить эпидемий в городе и наладить водоснабжение и было решено договориться с украинцами о том, что им позволяют ротировать л/с и снабжать его питанием (но не оружием и боеприпасами), а они не трогают ТП на водозаборе и шахтах. «Заложническая ситуация».

Версию сложно подтвердить или опровергнуть, но на первый взгляд выглядит она достаточно разумно.

Между тем из факта ротации через ополченские блокпосты следовал железный вывод: другого способа спокойно доставить массу людей и крупный груз в терминал и к вышке у украинцев просто не было. Судьба гарнизона повисла на тонком волоске, и ополченцы имели, чем его перерезать. Для пущего морального давления ополченцы выставили по

дороге танк, который «сопровождал» движением ствола украинский транспорт.

СОЗРЕВШИЙ ПЛОД. ФИНАЛЬНЫЙ ШТУРМ АЭРОПОРТА

В середине января нового, 2015 года интенсивность боевых действий в Донбассе резко выросла. Этот же момент стал кульминацией боев за аэропорт.

Если некоторые бои в районе аэропорта были проиграны повстанцами по причине расхлябанности и невнимания к координации действий, то январский штурм стал образцом блестящей штурмовой операции. Несмотря на то, что наступающие не имели численного преимущества (ополченцы в секторе аэропорта и окрестностей уступали украинцам в численности и количестве техники даже по данным украинской стороны), они сумели нивелировать эту проблему. Ключом к успеху стали отличная организация боя, решительность и дерзость действий и четкое понимание наступающими своих задач. Атака началась 13 января с того, что танки серией точных выстрелов обрушили наконец диспетчерскую вышку, лишив украинских солдат удобного наблюдательного пункта. Танки и артиллерия уже давно палили по вышке, и нового града снарядов башня просто не выдержала.

Терминал был изолирован от помощи извне огнем всех видов оружия. Связь украинских частей между собой была нарушена средствами радиоэлектронной борьбы — вероятно, на сей раз в событиях действительно поучаствовали российские войска средствами РЭБ. Отдельные танки, быстро маневрируя, подавляли короткими сериями выстрелов украинские огневые и наблюдательные позиции, избегая огня артиллерии.

В это время в самом терминале уже действовали ударные группы ополченцев. Мотороловцы и сомалийцы вошли на парковку на первом этаже под прикрытием огня танков. Накопив отряды на парковке, ополченцы броском продвинулись дальше в помещения терминала.

Путь прокладывали саперы, подрывавшие препятствия зарядами взрывчатки. Штурмовые группы продвигались внутри здания, загоняя гарнизон во внутренние помещения и окончательно лишая таким образом надежды на выручку. Первый этаж был занят быстро, затем мотороловцы резко ворвались на верхние этажи по лестничным маршам и перехватили лестницы.

Саперы пробивали отверстия в полах для заброса гранат в помещения, занимаемые гарнизоном. Бой шел среди перекрученных обломков, причудливых груд индустриального мусора, разнокалиберных дыр, пробитых ранее снарядами, баррикад, сооруженных солдатами гарнизона. Шутка иной эпохи о Сталинграде — «Спальню уже захватили, бьемся за кухню» — получила буквальное воплощение. Противники чаще могли слышать, чем видеть друг друга. Сражающиеся находились на разных этажах, а развалины до предела усложняли «архитектуру» этого критского лабиринта, где Тесеи искали своих Минотавров в тепловизоры и забрасывали гранатами, а любая электронная Ариадна была бессильна среди постоянно меняющегося после взрывов и обвалов месива коридоров и крысиных нор.

Выйдя к пассажирским рукавам для приема самолетов, ополченцы отсекли солдат от помощи с «украинской» стороны терминала: подойти с севера можно было только под огнем с этажей по ровной как стол бетонке.

Людские потери не были невероятными, но боеприпасы тратились в неимоверном количестве. Некоторые гранатометчики оказывались контужены собственным оружием: люди просто глохли и выходили из строя, делая непрерывно по несколько десятков выстрелов.

Украинская сторона немедленно приняла контрмеры, попытавшись захватить контратакой опорный пункт повстанцев в монастыре. Наступающих встретил скоординированный огонь танков, пехоты и артиллерии. Атака захлебнулась — погибших у ВСУ было всего двое, но раненых сразу 63(!) Кроме того, 4 из 6 атаковавших БМП были сожжены.

На тот момент ополченцы уже занимали северную сторону терминала и могли парализовать огнем любые попытки подобраться к зданию. Попытка пробиться к терминалу по взлетно-посадочной полосе со стороны РЛС кончилась тем, что два бронированных тягача были сожжены огнем гранатометов и артиллерии в непосредственной близости от здания возле пассажирских рукавов.

Следующим шагом украинских командиров стала попытка 18 января зайти с другой стороны и выйти к терминалу с востока, через поселок Спартак и Путиловскую развязку железной и шоссейной дорог. Замысел дерзкий и вполне разумный: захват развязки выводил украинцев в тыл всему аэропорту, включая оба терминала, хозяйственные постройки и гостиницу. Атаку вела боевая группа, состоящая из пехоты, легкой бронетехники 95-й бригады и 6 танков под прикрытием минометов. Для разведки также пытались использовать беспилотник, но его работа была подавлена силами РЭБ ополчения/РФ.

Первоначально ВСУ даже сопутствовал успех: несколько ополченских танков было застигнуто в момент пополнения боекомплекта и подбито прямо под Путиловским мостом. Взрыв БК обрушил сам мост. Однако затем ополченцы выбросили навстречу уже боеготовую бронегруппу. Схватка танков в тумане накоротке кончилась тем, что украинцы подбили еще один танк ополчения, но сами лишились двух машин (4 танкиста попали в плен), две других были потеряны еще на исходных позициях (одна от артобстрела, другая из-за поломки), а пытаться ворваться в Спартак под бешеным огнем уже никто не стал. Свирепые бои в районе Спартака продолжались (в частности, именно в этом секторе несколько дней спустя понесла тяжелые потери колонна ополчения, по ошибке проехавшая почти до Песок), но уже не являются темой данного материала.

Единственным утешением для украинской стороны в этот день было то, что очередной караван под прикрытием боя сумел эвакуировать часть раненых с территории, прилегавшей к терминалу. Бои не прекращались ни днем ни ночью: бронегруппы ВСУ постоянно пытались прорубить коридор

к аэропорту, атакуя с разных сторон, а артиллерия засыпала оба терминала и позиции вокруг них снарядами.

Оставшиеся в терминале «киборги» оказались блокированы во внутренних помещениях аэропорта. Бросить их на произвол командиры ВСУ не могли, но «спартанцы» и «сомалийцы» уже встали ежом в терминале и на подступах, так что попытки пробиться в аэропорт неизбежно влекли тяжелые жертвы среди прорывающихся. У оставшихся в здании нескольких десятков солдат и офицеров украинских войск осталось только два выхода: смерть или плен.

Развал организованной обороны, как часто бывает на войне, тянет за собой новые потери. Резко изменившаяся обстановка делала попытки прорыва настоящей игрой в рулетку. Артиллерия ополченцев действовала очень активно, поэтому ошибки могли стоить украинцам дорого: «засветившиеся» на открытом пространстве люди и техника должны были пасть жертвами минометов и РСЗО. Вдобавок украинская сторона указывала на активность средств радиоэлектронной борьбы, глушивших связь или перехватывавших переговоры. Украинцы своеобычно жаловались на российских специалистов. Сложно сказать, насколько они здесь справедливы, но в отличие от россказней о перебитых «альфовцах», эта жалоба не вызывает отторжения: РЭБ — наука тонкая, требующая сложного дорогого оборудования и квалифицированных операторов, которых ополченцам быстро взять было негде.

Пикантности происходящему добавлял густой туман над полем боя. В общем и целом попытки пробраться к аэропорту стали рулеткой с непредсказуемым количеством патронов в барабане.

20 января группа украинских военных выехала к аэропорту в поисках некоего агрокомплекса возле аэропорта, в котором должны были найтись украинские подразделения. Кусок взлетной полосы действительно находится на территории, когда-то давно принадлежавшей агропромышленному институту, но что за объект можно было искать на ВПП, сказать трудно. Операцией руководил подполковник Олег Кузьминых, командир батальона 95-й аэмбр, получивший эту должность буквально накануне. В плену он дал несколько более абстрактные

показания: «Мы должны были вытащить наших людей из аэропорта». В итоге группа потеряла ориентировку и налетела на «сомалийцев». По другой версии, ополченцы узнали о выдвижении колонны по трофейной рации. Один из БТРов получил попадание из гранатомета, тяжело пострадавший механик увел машину, набитую израненными и контуженными солдатами. Другим повезло меньше: две бронемашины были подбиты, семеро человек убито, а командир батальона вместе с еще семью солдатами попал в плен. Собственно, к этому моменту и относится известная видеозапись, на которой Гиви заставляет пленных сжевать свои шевроны.

С захватом терминала заколдованные круги завертелись в обратную сторону: теперь украинцы были вынуждены бросаться в самоубийственные атаки, теряя людей и технику. Гибель группы Кузьминых была, конечно, наиболее брутальным провалом, однако попытки с разных сторон подступиться к новому терминалу продолжались непрерывно. В конце концов, одна из частей полка «Днепр» просто проигнорировала очередной приказ на атаку, посчитав его не соответствующим обстановке. С этим отказом связан трагикомичный эпизод. Отказникам громко выразил порицание советник президента Украины Юрий Бирюков. Советнику с применением обсценной лексики указали, что порочить честь мундира не следует. Тот в свою очередь заявил, что атака «Днепра» сорвалась из-за офицера по фамилии Манько (позывной «Пилот»), проникшего на совещание офицеров штаба. После этого советника принялись согласно бранить срамными словами, очью бешено сверкая, «Пилот» и Манько, оказавшиеся разными людьми.

Между тем в терминале кольцо, или, правильнее даже сказать, сфера окружения, сжималась. Апофеозом происходящего стал подрыв саперами последних помещений, занимавшихся украинскими солдатами. Две тонны тротила обрушили третий этаж и покончили с обороной терминала, вынудив сдаться всех, кто еще мог хотя бы поднять руки. Из-под завалов днем 21 января извлекли десятка полтора живых «службовцев» и трупы тех, кому не так повезло. В этом последнем отряде было порядка тридцати человек. Возможно, их еще можно было бы эвакуировать в темное время суток в первые дни штурма, однако украинское

командование упорно старалось удержать терминал, то ли считая, что этот опорный пункт еще можно сохранить, то ли ради сохранения красивой легенды о непобедимых киборгах. В жертву образу украинскими генералами были спокойно принесены те, кто этот образ и создал.

Всего по данным украинской стороны в результате последнего штурма в аэропорту и вокруг него погибло и попало в плен пятьдесят украинских солдат, однако, судя по всему, список неполон. В публикации «Лос Анджелес Таймс» по горячим следам утверждается со ссылкой на украинского офицера, что только в одной из бригад погибло 13 человек и 62 пропало без вести. Что касается пленных, то данные об их количестве противоречивы. Руководитель украинского центра по обмену пленными Владимир Рубан заявил, что в плену оказалось более двух десятков украинских солдат и офицеров. Представитель СБУ выразился более обтекаемо, объявив, что в плен попало «несколько десятков» защитников аэропорта. Наибольшее число пленных объявил волонтер Виктор Майстренко: по его словам, в общей сложности падение аэропорта стоило свободы сорока четырем «киборгам».

По сути, 21 января можно назвать по-настоящему днем взятия аэропорта. После этого единственным противником ополченцев в терминалах остались мины, растяжки и невзорвавшиеся боеприпасы, которыми аэропорт был буквально нашпигован.

Для некоего символического завершения сюжета, в этот день в районе аэропорта был тяжело ранен Дмитрий Ярош. Лидер украинских националистов попал под орудийный огонь.

Ярош прокомментировал итоги сражения:

«Украинское военное командование часто оторвано от реальности и не сделало выводов из предыдущих поражений… Нам легче, почему у нас и нет статуса — послал куда подальше. На наших глазах роту положили в Жабьем, перед Песками… Пацанов кладут, как мишени. Логики нет. Никаких выводов из Иловайской трагедии они не сделали».

Дальнейшее стало делом техники. 24 января остатки украинских отрядов отступили от руин диспетчерской вышки, а на следующий день их вытеснили из бункера под РЛС. Аэропорт полностью перешел в руки ополченцев.

Все это время украинские власти успокаивали публику реляциями о полном контроле аэропорта и упражнялись в остроумии по поводу Моторолы, берущего аэропорт в девяностый раз. Отрицание очевидного продолжалось, несмотря на то, что репортажи российских корреспондентов шли из нового терминала потоком, а по записям легко было установить, что они были сделаны в самых разных точках воздушной гавани. Постепенно СМИ, а затем и украинское государство должны были снять розовые очки и смириться с реальностью. 29 января начальник генерального штаба Украины генерал Муженко заявил, что украинские войска отведены на расстояние полутора километров от аэропорта.

ИЛИАДА ДОНБАССА

Осада аэропорта и, в качестве кульминации, финальная атака стали настоящим «турниром чемпионов» войны в ДНР. Так или иначе, большинство наиболее подготовленных и хорошо оснащенных частей, воюющих в Донецкой республике, успело принять участие в сражении. С украинской стороны действовали кировоградский 3-й полк специального назначения, аэромобильные части, добровольцы из «Днепра» и «Правого сектора». По противоположную сторону баррикады находились ветераны Иловайска из «Сомали», отряд Моторолы, участвовавший в самых горячих столкновениях войны начиная со Славянска и Семеновки, «Восток», ставший одним из первых формирований ополчения ДНР. В конечном счете именно «гвардия» ополчения добилась успеха, взяв новый терминал эффектным броском. Война в Донбассе стала в очень значительной степени борьбой артиллерии, и особенно ценным выглядит в таких условиях успех, достигнутый в первую очередь хорошо организованным пехотным боем.

Ницше предлагал гордиться своими врагами, и максима немецкого философа действительно применима к битве за Донецкий аэропорт. Украинские военные не просто продемонстрировали способность жить и

действовать в убогих бытовых условиях при слабом или даже прерванном снабжении. Они оказали осмысленное и крайне упорное сопротивление, боролись до предела возможного, и в конечном счете гарнизон аэропорта не капитулировал и не был принужден уйти, но был уничтожен силой оружия, либо остатками пробился на соединение со своими. «Там шутки не шутят. Только ошибся — тут же тебя ранили или убили. В зарницу не играют, смерть ходит рядом», — замечал по поводу неприятеля «Прапор», знаменитый командир ополчения. К украинским солдатам и офицерам можно испытывать самые разные чувства, однако они безусловно не были жалкими или ничтожными и заслужили признание своих высоких воинских качеств. У украинских военных был самый требовательный и суровый педагог: их собственный противник. Проведенные через шпицрутены Славянска, Южного котла, Иловайска, боев на подступах к Луганску и Донецку, «службовцы» обрели огромный и жестокий боевой опыт, а способность противника учиться на своих ошибках никогда нельзя недооценивать.

С другой стороны, ополчение продемонстрировало изрядный качественный рост. Марк Франкетти, корреспондент The Sunday Times, в июне описывал бойцов ополчения как людей, исполненных энтузиазма, но без базовой подготовки. В январе 2015 года бывшие энтузиасты, лишь немногие из которых, как, например, Моторола, имели ранее боевой опыт, стали опытными солдатами, способными вести сложные операции, хорошо знакомыми с тактикой штурмовых групп и умеющими организовать взаимодействие всех родов оружия.

Почему аэропорт держался столько времени? Если не предаваться лирике и исходить из материальных факторов, то картина вырисовывается следующая. После того как кавалерийский наскок в мае провалился, повстанцы не имели возможности плотно блокировать аэропорт: перед ними стояло слишком много других задач, а времени и людей для их разрешения было слишком мало. В такой ситуации аэропорт был блокирован достаточно условно, и это позволяло украинцам снабжать гарнизон всем необходимым и менять личный состав по ротации. После прорыва Стрелкова из Славянска, аэропорт начали брать в более плотное кольцо, однако на сей раз ополченцы оказались заложниками общей

неблагоприятной обстановки на фронте: были потеряны Пески и Авдеевка, и из изолированного форта аэропорт превратился в передовой редут украинских боевых порядков, питаемый из тыла и прикрытый с флангов. Помешать деблокаде воздушного порта ополченцы не могли: в чистом поле ВСУ, оснащенные бронетехникой в изобилии, просто и легко разгромили бы легкую пехоту повстанцев. Таким образом, по-настоящему в окружении аэропорт не находился и двух недель. В течение же перемирия главные опорные плиты аэропорта — Пески и Авдеевка — так и не были взяты.

В результате, пользуясь главенствующим положением вышки и нового терминала, украинские военные могли при удаче разбивать штурмовые отряды ополчения, и, как минимум, срывать атаки. Однако в середине осени ситуация изменилась: повстанцы принялись методично обкладывать защитников аэропорта, не пытаясь покончить с «киборгами» одним ударом, но постепенно забирая сооружения вокруг вышки и нового терминала. В итоге, хотя ВСУ и в августе, и в декабре могли говорить «мы удерживаем аэропорт», положение дел было принципиально иным: обстановка неуклонно улучшалась для донбассцев и ухудшалась для силовиков.

В итоге хорошо подготовленный январский штурм привел к быстрому захвату нового терминала и блокировке остатков гарнизона во внутренних помещениях. Эта ситуация сразу же сделала положение дел предельно невыгодным уже для «службовцев». Если раньше атаковать по плотно простреливаемой местности приходилось инсургентам, то теперь украинцы должны были энергично идти на пушечный огонь и гранаты РПГ по ровному как скатерть пространству в заведомо обреченных на провал попытках восстановить связь с гибнущим гарнизоном. Не проводить этих атак они не могли (можно представить психологический эффект от сдачи товарищей на милость победителям), но их проведение неизбежно означало тяжелейшие ежедневные потери. Если до сих пор аэропорт медленно перемалывал ополченские отряды, теперь жернова войны в высоком темпе мололи уже украинцев: ни оставить аэропорт в покое, ни вернуть терминал они не имели возможности. Навязав ВСУ сражение на кошмарных для тех условиях, ополченцы всего за несколько дней жестоко

расквитались за прежние унизительные провалы. В конце концов, только гибель последних «киборгов» в подорванных помещениях остановила эти отчаянные бои.

Аэропорт Донецка за месяцы борьбы стал средоточием мужества, жестокости, бескомпромиссности, самопожертвования, лучших и худших человеческих качеств. Для войны в Донбассе сражение за аэропорт стало тем же, чем для «Илиады» была борьба Ахилла и Гектора: сквозным сюжетом и поединком сильнейших.

Кровавая каша. Бой в аэропорту Донецка 26 мая 2014

26 мая 2014 года на окраине Донецка произошел бой, ставший символом неудач ополчения в начале войны. Попытка занять городской аэропорт обернулась катастрофическими потерями, резонанс от этой катастрофы оказался мощнейшим, а Донецкий аэропорт впервые попал в выпуски новостей, чтобы на долгие месяцы остаться там.

Запах пороха

Весной 2014 года на востоке Украины начались массовые выступления и митинги. Главной темой протестов стало неприятие событий на майдане, требования сближения с Россией и призывы к автономии Донбасса или даже полному присоединению к РФ.

6 апреля протестующие взяли под контроль администрацию Донецка. Митингующие требовали проведения референдума о статусе области, роспуска ультраправых полувоенных группировок, сближения с Россией. На следующий день в городе провозгласили Донецкую народную республику. Эти требования уже было, чем подкрепить: повстанцы захватили здание СБУ и заполучили оружие. Из-под контроля властей вышло местное спецподразделение «Альфа».

Тем временем аналогичный процесс шел в Луганске. Оружие добывалось из офисов местных силовых структур, военизированные группы

сколачивались на лету. И.о. президента Украины Александр Турчинов уже объявил о неких контртеррористических мероприятиях против повстанцев, но попытки организовать штурм захваченной администрации Донецка провалились: на это никто не пошел. Отряды создавались местными лидерами как Бог на душу положит.

Украинская сторона приписывала все происходящее происками Москвы, но на практике «эмиссар ФСБ» чаще всего представлял собой какого-нибудь местного ветерана Советской армии с группой товарищей. Пришедший 12 апреля в Славянск отряд Игоря Стрелкова был наиболее организованной такой группой, а не уникальным подразделением, в одиночку начавшим войну.

Конец апреля и начало мая в Донецке прошли в состоянии неустойчивого равновесия. Украинские силовые структуры были слабы и оказались не в состоянии взять ситуацию под контроль, но и ополчение Донбасса только создавалось, так что решительного преимущества пока не имел никто. Россия участвовала в событиях несколько отстраненно: никто не препятствовал добровольцам, едущим в Донбасс, людям оказывали помощь в организации процесса. Однако не было последнего слова — организованных воинских подразделений.

Одним из первых отрядов ополчения стал батальон «Восток» под началом бывшего командира донецкой «Альфы» **Александра Ходаковского**. Поначалу ядро было небольшим. В конце апреля, когда восстание уже разгоралось, отряд включал два десятка альфовцев, а также около полусотни гражданских добровольцев. Тем не менее, эта группа оказалась достаточно сплоченной и энергичной для силового давления на противника. 9 мая Ходаковский со своим отрядом блокировал отряд нацгвардии, прибывший в Донецк и расположившийся в санатории «Шахтерские зори». После короткой перестрелки отряд в 150 национальных гвардейцев сдал оружие и уехал из Донецка на автобусах. Именно этот эпизод попал в объектив фотографов на известных снимках с ополченцами на синих «КамАЗах» — на этих машинах они приехали брать нацгвардию.

Тем временем в повстанческие республики Донбасса начали прибывать первые добровольцы из России. От местных активистов их отличала важная черта: многие из россиян имели опыт реальных боевых действий в разнообразных горячих точках. Сам факт участия граждан России в отрядах повстанцев вызвал истерическую реакцию в Киеве. Разумеется, этих людей рассматривали в лучшем случае в качестве наемников, либо, что чаще — в качестве кое-как прикрытых агентов государства.

В реальности чаще всего о какой-то денежной мотивации не было и речи. Основная масса этих солдат не только не получала никакой достойной упоминания оплаты, но зачастую люди покупали на собственные деньги все снаряжение, кроме оружия и боеприпасов.

Да и сам факт наличия добровольцев вряд ли может удивлять.

Поразительным феноменом было бы как раз отсутствие добровольцев из России в пророссийском ополчении пограничного с Россией региона, населенного массой русских. Как бы то ни было, одиночки и небольшие группы волонтеров быстро прибывали в регион.

В середине мая под Ростовом начала собираться добровольческая группа под началом **Алексея Горшкова**, известного под позывным **«Искра»**. Этот командир, бывший офицер ОМОН, когда-то служил в Чечне, и война для

него не была чем-то новым. Подразделение собирали через «сарафанное радио» из бойцов с приличным служебным и боевым опытом. Кроме «природных» россиян, в него входило некоторое количество крымчан, до этого готовившихся партизанить на родном полуострове.

Власти процессом напрямую не занимались, но знали о нем и не препятствовали. Подразделение включало 46 человек. Кроме того, к нему присоединился отряд добровольцев из Крыма и отряд чеченцев. Всего в объединенной группе было 120 человек.

В ночь на 25 мая отряд на грузовиках прибыл в ДНР. Там их встретили люди Ходаковского.

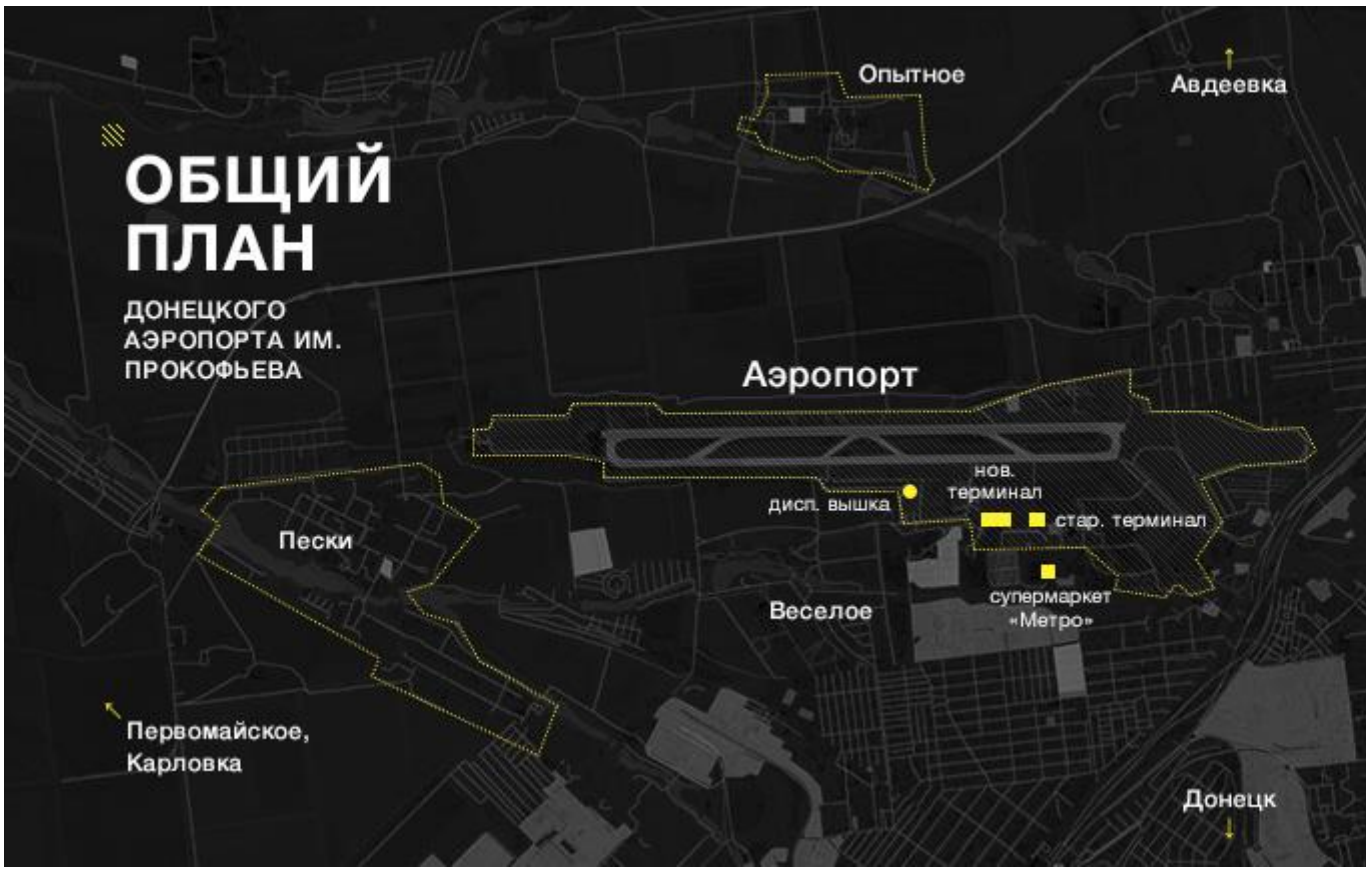
Ходаковский

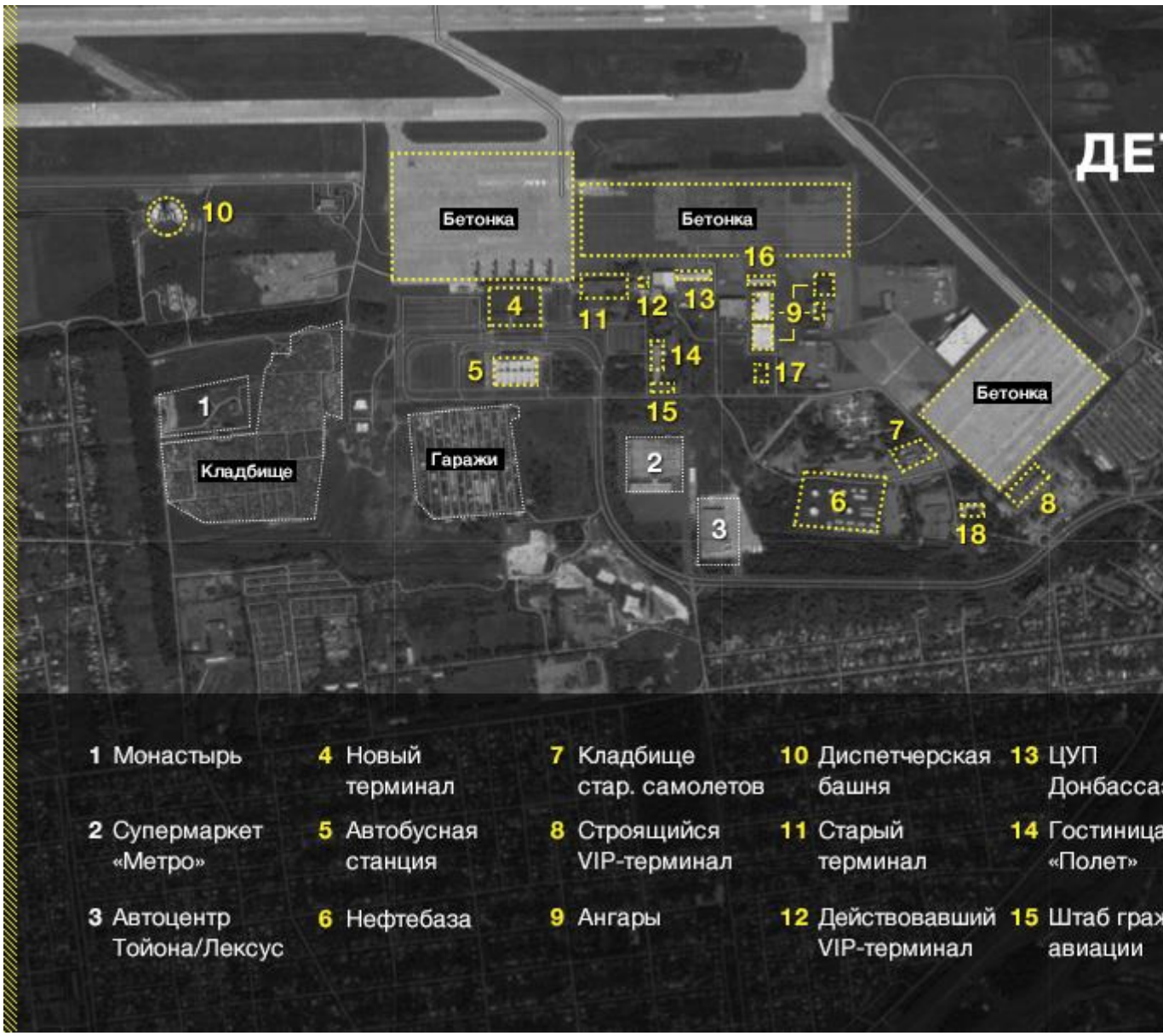
Добровольцев разместили на захваченной базе внутренних войск. Первоначально эта группа собиралась отправляться в Славянск, однако

донецкие лидеры ополчения настояли именно на подчинении этой группы «Востоку». Ходаковский перетянул под свою руку мощный отряд из хорошо подготовленных солдат. Их он намеревался использовать для взятия Донецкого аэропорта. В отряде «Искры» план воевать под крылом «Востока» приняли кисло — вообще-то они собирались в Славянск — но согласились на ближайшие дни действовать в Донецке.

Что любопытно, захват аэропорта одновременно готовил другой известный деятель ополчения — Игорь Безлер, чей отряд находился не так далеко, в Горловке. Однако Ходаковский решил попытать удачу раньше.

Аэропорт, расположенный на северной окраине города, вообще был значимым объектом. Предполагалось, что с его помощью украинская сторона сможет доставлять к самым воротам Донецка подкрепления. Эти опасения не были лишены оснований: в Луганский аэропорт украинцы действительно привозили солдат, пока один из транспортников с полусотней десантников на борту не был сбит из ПЗРК. Так что сама по себе мысль занять воздушную гавань была естественной.





Однако Ходаковский полагал, что сможет договориться с командованием засевших там украинских военных. Это предположение само по себе выглядело проявлением беспечности. К 20-м числам мая уже погибли десятки людей в Одессе, уже прошли первые штурмы Славянска, и сам Славянск находился в осаде. Легкое разоружение нацгвардии не должно было расслаблять — засевшая в аэропорту украинская часть была совершенно иной по уровню подготовки и боевого духа.

В аэропорту находился довольно мощный для этого периода войны отряд. Он включал подразделение 3-го полка спецназа военной разведки из Кировограда (64 человека) и взвод 25-й десантной бригады (15 солдат)

при двух установках автоматических пушек. Они занимали позиции в старом терминале аэропорта и на взлетной полосе.

На тот момент никакой теплоты между спецназом и ополчением, разумеется, не было. Однако солдаты не пытались активно действовать в Донецке и ограничились охраной, собственно, аэропорта. 79 человек для обороны большой воздушной гавани — это и так немного, чтобы еще и активничать снаружи. Донецкий аэропорт — это взлетка, два терминала, диспетчерская вышка в 800 метрах от нового терминала, плюс гостиница, всяческие вспомогательные постройки — словом, мягко говоря, не два домика. Причем кроме основной функции вышка давала неплохой обзор.

Ходаковский рассчитывал на закулисные договоренности. Он имел контакт с начальником службы безопасности аэропорта, капитаном СБУ Александром Головурой. Профессиональных военных предположение о бескровном захвате, конечно, не устроило, и вечером 25 числа к аэропорту на рекогносцировку отправились младшие командиры из группы «Искры». Собственно, только тогда они и узнали о том, что идут штурмовать аэропорт.

Обнаружив «зушки» и гарнизон, командиры предложили разумный и реалистичный план атаки несколькими ударными группами с уничтожением пушек и захватом терминалов. Однако оптимизм командования не могло поколебать ничто: считалось, что все решено, и нужно только продемонстрировать силу.

Катастрофа 26 мая

Шапкозакидательские настроения еще можно как-то объяснить, но события дня «штурма» выглядят просто безумно. Во-первых, отряд нацеливался на терминал аэропорта. Никаких преимуществ его захват в действительности не давал. Над местностью господствовала диспетчерская вышка (почти на километр западнее нового терминала), неподалеку находились РЛС и часть ПВО. Противник в свою очередь засел

в здании старого терминала (восточнее нового). Однако «Искре» не ставилось задачи ни на уничтожение отряда противника, ни на захват действительно важных объектов.

Ходаковский действовал вне военной логики, и с его точки зрения требовалась демонстративная акция, после которой противник уйдет сам. Свое рациональное зерно, кстати, в этом подходе имелось. С нацгвардией в санатории такой план совсем недавно сработал. Беда в том, что не имелось никакого плана «Б» на случай, если противник поведет себя как-то иначе.

Более того, добровольцам не выдали переносные зенитно-ракетные комплексы, несмотря на прямую просьбу. «Договоренности» и ценность аэропорта как крайне дорогостоящего объекта считались достаточным прикрытием, хотя без ПЗРК даже воспретить доставку подкреплений в аэропорт вертолетами было бы проблемой.

Как бы то ни было, в ночь на 26 число отряд, имея в качестве костяка группу «Искры» под общим командованием отставного офицера ФСБ Бориса Сысенко выехал на машинах к аэропорту. Отряд входил в здание, уже находясь под прицелом украинских военных в старом терминале. Дистанция составляла лишь около ста метров, противники могли отлично разглядеть друг друга.

Бойцы входят в аэропорт, кадр с камеры наблюдения. Утверждается, что слева — «Искра»

Тем не менее, занятие нового терминала прошло без сложностей и сопротивления. Группа ополченцев вышла на крышу терминала, где среди прочего установили АГС-17. После семи утра из аэропорта улетел последний самолет. Ходаковский сходил в старый терминал, провел переговоры с украинскими спецназовцами — фактически, просто сообщил, что те должны уйти — и в благодушном настроении убыл. На

командовании остался Борис Сысенко. Правда, фактически он дальнейшими событиями не руководил.

Утро 26 мая, крыша Нового терминала. Обратите внимание на щебенку — во время обстрела она летала, поражая людей не хуже осколков.

В терминал вошло еще некоторое количество ополченцев, даже успела зайти группа журналистов и пофотографировать бойцов — трудно отделаться от мысли, что ради этой фотосессии все и затевалось. Между тем, противник оборудовал огневые позиции автоматических пушек, на диспетчерской вышке появились снайперы с крупнокалиберными

винтовками. К терминалу выдвинулась сводная группа украинских военных — отряды десантников и нацгвардейцев. Положение отряда становилось все более опасным.

Около 11 или 12 часов украинские военные сделали самое естественное, что могли: вызвали авиацию. Сначала ударные вертолеты Ми-24 просто прошли над аэропортом. При этом транспортные Ми-8 высаживали подкрепления. Позднее ополченцы высказывали предположения, что это были служащие ЧВК, однако это были обычные десантники. Затем одному из украинских снайперов в старом терминале показалось, что он видит ПЗРК — и началась стрельба.

Обмен огнем между терминалами и диспетчерской вышкой шел с переменным успехом, но почти сразу последовали удары авиации — штурмовиков Су-25 и вертолетов Ми-24. «Грачи» и «Крокодилы» смели с крыши нового терминала небольшую группу чеченских волонтеров, затем начали бить по окнам.

Украинский вертолет над терминалами

Потери пока не выглядели катастрофическими. Было убито два ополченца, довольно многие уже были ранены, но отряд сохранял боеспособность. Бойцы кое-как находили укрытия от огня, для этого даже вырывали и валили штабелями банкоматы.

Бой продолжался до вечера. Во время перестрелки украинские военные уничтожили машину «скорой помощи», ехавшую со стороны Донецка. Впоследствии один из офицеров 3-го полка утверждал, что якобы из нее разгружали боеприпасы, а офицер 95-й бригады «Збройных сил» Михаил Забродский уверял, что машину прислали, чтобы «слепить мигалками снайпера».

Судя по разнобою в показаниях, «скорую» просто расстреляли, задним числом придумав обоснование. Вообще, на украинской стороне бардака хватало: части, находившиеся на вышке, на взлетке (где были автоматические пушки), в старом терминале и авиация — слабо координировали действия, и из ЗУшек на взлетке даже обстреляли вышку (правда, ни в кого не попали).

Однако положение добровольцев в терминале становилось час от часу хуже. Требовалось эвакуировать раненых, к тому же, боеприпасы были не бесконечны. В конце концов, Сысенко (точнее, видимо, «Искра», поскольку номинальный командир боем толком не командовал), получил приказ прорываться из аэропорта, не дожидаясь ночи. Это был откровенно странный приказ: мало того, что прорыв по темноте было бы проще вести, помощи зажатому в новом терминале отряду никто не оказывал.

Однако прорыв начался. Грузовики и микроавтобусы выходили под обстрелом с небольшой дистанции. Вообще, при погрузке царил бардак, отряды «Искры», крымчан и чеченцев перемешались.

В аэропорту оставалась группа, включавшая Сысенко, а также все, кто не захотел ехать на грузовиках или не поместился. Она составляла примерно половину всей команды. Эта часть ополченцев принялась палить по позициям украинских военных, так что огонь по машинам был неприцельным и в целом тяжелых потерь не нанес.

Машины благополучно уехали в сторону города. Но завершающий удар был нанесен своими.

КамАЗы по дороге разделились — не специально, просто один отстал. На въезде в Донецк автомобили в разных местах встретили солдаты батальона «Восток», ожидавшие прорыва украинских войск. Не имея понятия, кто это движется, и только видя мчащиеся полным ходом «Камазы», востоковцы решили, что это противник.

Грузовик, на котором ехал «Искра», был изрешечен. Стрельба шла очень недолго, но за это время в злосчастный «КамАЗ» всадили массу всего, включая реактивные гранаты.

Подойдя поближе, востоковцы увидели на телах георгиевские ленточки…

В этой машине выжило только несколько раненых.

Второй автомобиль оказался счастливее, хотя по нему выстрелили из гранатомета. Машина опрокинулась, и люди из нее смогли расползтись под огнем, пока засада не поняла, что стреляет по своим.

В это время группа Сысенко прорвалась из терминала. Поскольку уже было темно, а уровень подготовки противника переоценивать не стоит (как и недооценивать), потерь на этом перегоне почти не было. Но сам

Сысенко умер по дороге — не погиб, а именно умер: у уже немолодого человека от общего перенапряжения случился сердечный приступ. К существенным материальным потерям относился единственный миномет команды, брошенный в терминале.

Попытки пробиться к терминалу извне в течение дня предпринимались: Ходаковский пытался пробраться в аэропорт, кроме того, на помощь попытался прийти второй крупный отряд ополчения в Донецке — «Оплот» Александра Захарченко. В обоих случаях ничего из этого не вышло — самого факта организованного сопротивления ВСУ хватило, чтобы атаки ополчения захлебнулись. К тому же, авиация по-прежнему летала, и хотя ни в кого толком не попадали, на психику рев штурмовиков и вертолетов над головой действовал понятно как.

Единственный шаг, который можно назвать успешным, предприняли прибывшие к месту разборки горловчане Игоря Безлера. Они принесли с собой ПЗРК, и хотя выстрелом из него никуда не попали, им удалось прогнать вертолет, который как раз нацеливался на группу добровольцев Сысенко, отходящих из терминала. На фотографиях 26 мая полно хаотично перемещающихся ополченцев — это в основном именно «востоковцы» и «оплотовцы» на периметре аэропорта.

Тем временем раненых доставили в местную больницу, погибших — в морг. Эвакуация трупов была проведена поздно, и вдобавок в мертвецкую допустили журналистов. Десятки людей уже погибли, однако теперь убитых сделали предметом развлечения толпы.

Всего во время боя за аэропорт погибли, по крайней мере, 46 человек, из них 7 жители Донбасса, двое — крымчане, остальные — граждане России. Среди погибших были оба основных командира — убитый в «КамАЗе» «Искра» и умерший при отходе Сысенко. Противник потерь убитыми не понес, хотя несколько человек были ранены.

Операция была безумно плохо спланирована и имела множество скверных результатов. В штурме участвовали и погибли в основном добровольцы из России. Хотя доля граждан РФ в ополчении в целом составляет около четверти, на сей раз погиб сплоченный отряд из РФ, что позволило Киеву заявить о вмешательстве России в конфликт. При этом в бездарной попытке занять новый терминал полегло множество хорошо подготовленных бойцов, которых можно было использовать в качестве младших командиров. Однако их сначала послали демонстрировать силу в роли обычной пехоты под командованием откровенно некомпетентных руководителей, а затем и вовсе по общему бардаку сами же перебили.

Аэропорт надолго превратился в проблему Донецка. Решать эту проблему ополчению пришлось длительно, неся новые потери.

Вскоре тела погибших граждан РФ были вывезены в Россию. Штурм аэропорта и его трагический финал стал первой внятной демонстрацией массового участия наших сограждан в войне.

Большинство выживших участников боя за аэропорт покинуло Донецк, а некоторые — и Донбасс. Основным направлением исхода уцелевших была Горловка. Тамошний атаман Игорь Безлер производил впечатление более твердого командира, да и в хаосе 26 мая его короткая акция с ПЗРК позволила избежать еще более тяжелых потерь.

Тем временем фотографии морга и грузовика, набитых телами бойцов, на долгое время стали любимой темой остроумных шуток сторонников Киева. В конце осады, когда «мотороловцы» и «сомалийцы» будут извлекать последних живых «киборгов» из-под развалин Нового терминала, шутки несколько увянут. Но это произойдет только через восемь месяцев. Началась кровавая эпическая история войны в Донбассе — долгая и мучительная осада Донецкого аэропорта.

В преддверии Иловайска. Бои под Мариновкой и Степановкой, август 2014

Разгром украинских войск под Иловайском в августе 2014 года стал переломным сражением всей войны в Донбассе. Куда менее известны события, предварявшие наступление российских войск и ополчения. В середине августа украинская армия потерпела болезненное поражение в районе сел Степановка и Мариновка. Исход этих недлинных боев фактически очистил передовые позиции для наступления русских под Иловайском.

Степановка — небольшое село восточнее кургана Саур-Могила. В 1943 году его окрестности стали ареной жестокой битвы между дивизиями СС, переброшенными из-под Курска и советскими войсками, которые прорвали фронт немецкой пехоты и пытались пробиться в глубину Донбасса. В 2014 году эти края стали местом новой битвы.

Географически описываемые события происходили южнее города Снежное. От Снежного до российской границы около 17 км на юг, Степановка находится почти на полпути. На запад от нее в 3 км — всем известный монумент на Саур-Могиле, а в 2,5 км на юго-восток — село Мариновка. Наконец, в 3,5 км к югу от Мариновки — пограничный КПП с тем же названием. По большей части это открытая местность, но хватает и посадок, оврагов — словом, ровной как стол ее тоже не назовешь.

В июле в этих краях шли бои на периферии «южного котла» — окружения украинских войск у российской границы. В последних числах месяца ВСУ укомплектовали мощную по меркам места и времени группировку — по одной бтгр 95-й и 30-й бригад и ртг 72-й мехбригады, а также отдельные части. Для лета 2014 года это была крупная сила, и ей удалось выбить ополченцев из Степановки и Мариновки, проложить широкий сухопутный коридор к окруженным в «южном котле».

Лето 2014, ополченец ДНР. Фото Андрея Стенина

На август ВСУ выстроили жидкую цепь опорных пунктов и блокпостов, которая тянулась по степному поясу южного Донбасса. Севернее находилась цепочка городов под контролем ополчения. ВСУ же ограничивали маневры южнее — их блокпосты подходили вплотную к Снежному и Миусинску, добираясь до Боково-Платово, между Антрацитом и Красным Лучом. Степановка была взята ими 28 июля, и в селе закрепились крупные силы украинских войск.

Однако фактически контроль этих блокпостов над чем бы то ни было был весьма условным — они могли ограничивать перемещение по дорогам, но, в сущности, и только.

В районе Степановки ВСУ были представлены усиленным 3-м батальоном 30-й механизированной бригады. Этот батальон был довольно боеспособным, поскольку комплектовался в основном контрактниками. Однако в целом украинские войска во всем этом секторе были слабыми. Как ВСУ, так и ополчение Донбасса должны были удерживать широкий фронт неадекватно малыми силами.

В общих чертах, схема места действия. На северо-запад Иловайск, а еще дальше Донецк. Восточнее за обрезом карты Миусинск. С запада на восток, по южному обрезу - граница РФ. Позиции ВСУ голубым, наши оранжевым.

В начале августа ситуацию можно было характеризовать как неустойчивое равновесие. Ни ополчение, ни ВСУ не имели достаточно сил, чтобы плотно взять под контроль этот сектор. 6 августа неподалеку, у Дмитровки, части ВСУ расстреляли колонну беженцев, в которой среди прочих погиб российский фотокорреспондент Андрей Стенин. Украинские военные все это время пытались штурмовать высоту Саур-Могила. Взять ее им удалось. Через вскрытую «крышку» котла на запад ушла многочисленная группировка прижатых к границе военных. Ополченцы и российская артиллерия, бившая через границу, только стесали с них стружку, но основная масса людей вырвалась. Однако к тому моменту боеспособность вышедших сил была сомнительной.

Маршрут прорыва ВСУ из Южного котла и предполагаемые позиции российской артиллерии

Однако проблема украинского рубежа на линии Мариновка-Степановка не исчерпывалась вскрытием Южного котла. Они перекрывали дорогу от Мариновки на Снежное и, соответственно, удобную линию коммуникации с Донецком. В наши дни в столицу ДНР едут чаще всего через Успенку, но это еще западнее, а все альтернативы предполагают мощного кругаля через ЛНР. Так что выбить эту пробку для ополчения и все активнее участвующих в событиях российских войск было задачей крайне насущной. С другой стороны, ВСУ пытались удержать Степановку, а кроме того — прикрыть позиции между Снежным и Мариновкой. Делать все это должна была буквально одна батальонная группа на базе 3-го батальона 30-й механизированной бригады.

Вояж наобум. Бой у Мариновки 8 августа

Теоретически начинать описание боев восточнее Саур-Могилы можно с 6 августа, когда русская артиллерия обстреляла 43-й блокпост у Степановки (погибли четверо «службовцев» 30-й бригады), но все-таки этот момент следует отнести к финалу боев за «Южный котел». Потери ВСУ, относящиеся непосредственно к боям за Мариновку и Степановку, можно отсчитывать с 8 августа.

Наиболее полное описание боев за Степановку с украинской стороны, сделанное Ярославом Тинченко, ограничивается тезисом, что ополченцы сломили сопротивление слабых и деморализованных украинских «пидроздилов» у Мариновки. Если начать закапываться в подробности, картинка получается ощутимо иной.

8 августа во второй половине дня 30-я бригада попыталась выставить блокпост у Мариновки. Можно было бы возвести очи горе и спросить, знакомо ли командованию 30-й бригады ВСУ слово «разведка», хотя бы на уровне ответа на вопрос «есть ли кто в Мариновке», но учитывая, как часто аналогичные истории воспроизводились по нашу сторону линии фронта, остается только рукой махнуть. Судя по описанию события с украинской стороны, их командование отправило собственных солдат за премией Дарвина: ставить блокпост отправилась мини-колонна из БРДМ и «Урала», понятия не имея, что там впереди, под лозунгом «Там никого нет».

На въезде в Мариновку этот взвод встретили ополченцы. Что за отряд действовал с нашей стороны, мне трудно сказать, но по украинским данным, это были именно «пророссийские незаконные бандформирования», то есть, донбассовцы. БРДМ была подбита из гранатомета. Сержант Юрий Макарчук и рядовой Александр Ищук были убиты на месте, а Сергей Шепетько и еще один солдат были ранены и остались с одним здоровым солдатом неподалеку. Судя по тому, что ополченцы вообще не заметили троих солдат, бой велся не в упор. На следующий день повстанцы обнаружили эту группу, Шепетько пытался оказать сопротивление и был застрелен, раненого отправили в госпиталь в Ростов, а здоровый позже пошел на обмен.

Уничтоженный "Урал" украинских войск у Мариновки

Еще трое были застрелены в «Урале» — водитель Роман Козаренко, огнеметчик Александр Закусило и водитель Александр Коростинский. Про Коростинского есть упоминания, что он погиб, «вывозя раненых», но это обычная приставка, которую журналисты приклеивают к погибшим солдатам в б.СССР, когда хотят «докинуть благородства» гибели. Он все-таки погиб в той же маленькой колонне. 8 человек из «Урала» ушли к своим — в украинской прессе писали, что «Урал» вышел из-под огня, но существует фото разбитой вдребезги машины — так что, видимо, ушли они пешком.

Кроме того, в тот же день в Степановке под обстрелом был убит младший сержант Тарас Ляшук.

Танки, танки!

Существенным фактором разгрома украинских войск в «южном котле» июля и начала августа стала российская артиллерия, наносившая удары через границу. Чаще всего такие удары приносили ВСУ сравнительно небольшие потери в людях, однако убойные — в технике. Позиции 30-й бригады в Степановке не стали исключением.

Не позднее 11 августа артиллерия начала обрабатывать расположение 30-й бригады, выбивая боевые и вспомогательные машины. Прямые людские потери были неприятными, но не такими, чтобы лишить бригаду боеспособности: залпом «Града» было убито пятеро солдат. Однако под огнем мобилизованные солдаты начали массово дезертировать.

Положение украинских сил вокруг Степановке быстро ухудшалось. Техника не окапывалась — по крайней мере, на фотографиях, сделанных в селе, мне не удалось найти ни одной, на которой украинская машина находилась бы в укрытии. Попыток замаскировать машины также почти нигде не наблюдается. Поскольку всяческой брони у 3-й бтгр было много, все это приводило к успешному поражению украинской техники без всяких изысков, просто обстрелами западной части села, где она была компактно собрана. Характерно, что бОльшая часть пораженных машин

(более двадцати единиц) была уничтожена в одном и том же месте — почти равностороннем треугольнике со стороной примерно в 500 метров, образованном улицами на западной окраине Степановки.

Скриншот с "Лостармора". Циферки - число уничтоженных единиц техники в этом кружочке. Собственно, это тот самый треугольник на западе Степановки

Однако артобстрелами сюрпризы не исчерпывались. Русские твердо намеревались пробить коридор от границы к Снежному, и приготовили украинской армии сногсшибательный сюрприз. Из района восточнее Мариновки на север должны были атаковать крупные силы ополчения с танками, полученными из России.

Степановка была крупнейшей позицией украинских сил в этом районе, но не единственной. Кроме опорного пункта в селе, ВСУ имели россыпь блокпостов на дорогах от Мариновки до Снежного и от соседней Дмитровки на то же самое Снежное.

Эти блокпосты находились в откровенно спартанских условиях, ополченцы постреливали по ним из стрелкового оружия и минометов, но в о общем, там сражались скорее с бытом, чем с «сепарами».

12 августа русские преодолели границу и атаковали блокпосты. Правда, серьезное сопротивление оказал только один пост под командованием старшего лейтенанта Артема Абрамовича. Украинская печать описала этого молодого человека как участника танкового тарана, так что стоит описать ситуацию подробнее. Абрамович командовал блокпостом к северо-востоку от Степановки у села Никифорово. 12 числа на его позицию отступил соседний гарнизон на танке и двух БМП. По их словам, русские атаковали просто-таки стальной лавиной.

Непосредственное командование никаких конкретных приказов не дало, так что персонал блокпостов ВСУ решил отступать к Миусинску — то есть, на северо-восток к позициям соседнего батальона. Умирать под танками они не хотели. Попытка вызвать артиллерию не удалась, там ответили, что нет снарядов.

В течение 12 августа ополченцы или российские военные атаковали блокпост у Никифорово силами четырех танков. В голове шел Т-64 с белыми опознавательными полосами, принятыми у ВСУ — вероятно, трофейный. Кроме того, в атаке принимали участие 3 Т-72. Украинскую бронетехнику они быстро выбили, кроме танка, собственно, Абрамовича.

"Поцеловавшиеся" танки у Никифорово. С башней русский, без - его украинский визави.

Судя по описанию боя с украинской стороны, танкового тарана как целенаправленного удара танком в танк не случилось — более того, из описания следует, что таранили как раз русские Абрамовича: «*он разворачивался, чтобы выехать на дорогу, и тут на него на бешеной скорости выскочил Т-72*».

Экипаж русского танка сумел благополучно покинуть машину, а вот украинцам не повезло: Т-64 загорелся и взорвался, экипаж был убит на месте. Кроме того, погиб экипаж одной из БМП-2.

Картина словацкого художника Радо Явора. Все очень пафосно, но реально, конечно, ситуация была несколько иной.

Всего на дороге восточнее Никифорово было отмечено и зафиксировано на фото подбитыми/уничтоженными 2 Т-72 (ВСУ претендовали на еще один подбитый танк, и эта заявка подтверждается фото), танк Абрамовича, 2 БМП-2 и БТР-80 ВСУ, а также танковый мостоукладчик ВСУ МТУ-55. Что он там делал, неясно, возможно, был брошен ранее, выйдя из строя на марше или еще по какой-то причине.

В целом, солдаты блокпостов в основном отделались испугом. Технику побросали, но кроме пяти человек в танке и БМП, похоже, людские потери исчерпывались ранеными и контуженными. О потерях Российской армии или отрядов Новороссии убитыми в боях за блокпосты данных нет — вероятно, они были небольшими или даже отсутствовали.

Собственно, украинский танкист Артем Абрамович

Непосредственно в Степановке 12 августа были убиты два солдата — Петр Радкевич (наводчик бронетехники) и водитель Александр Гребенюк, видимо, артогнем. Но главным событием дня был, конечно, срыв блокпостов, а не причинение противнику прямых людских и материальных потерь. Теперь Степановка оставалась единственной проблемой. Ее решению могли быть посвящены следующие дни. Но тут украинская сторона помогла ополчению собственными решениями.

Бег в поле

На следующий день 30-я мехбригада понесла еще более тяжелые потери. В ночь с 12 на 13 августа появились сообщения о 50 танках русских, наступающих на Степановку через границу. Здесь вновь не грех сослаться на Ярослава Тинченко, уж очень хороша формулировка:

Кто-то из командования отдал приказ самостоятельно отступать от границы на запад — просто как в 1941 году.

После этого части бригады начали неорганизованно отходить и даже, можно сказать, бежать.

Это отступление не было бескровным. Судя по всему, наши вели разведку — или визуальную, или с БПЛА, но в общем, огонь явно корректировали. Между Мариновкой и Степановкой во время артобстрела был убит майор, начальник службы РХБО бригады Николай Лисовский, начальник артиллерийской разведки бригады майор Сергей Гордиенко, помощник начсвязи Олег Обуховский, старший сержант Александр Гордийчук и водитель Ян Даманский, уроженец Нового Уренгоя. По украинским данным, в ходе того же обстрела был убит еще один украинский солдат, чье имя не установлено (скорее всего, это сержант Сергей Тимощук). Шесть трупов были найдены в поле в сентябре.

В ночь на 13 августа неподалеку от Степановки также была подбита «Нива», в которой погибли сержант Юрий Евпак и старший солдат Богдан

Сахнюк. Также в Степановке или ближайших окрестностях погибли мехвод Ярослав Остапчук и рядовой Олег Чиж.

Поврежденная и захваченная САУ ВСУ в Степановке

Утром 13 августа ополченцы и россияне прорубили коридор от Мариновки до Снежного, очистив его от украинских войск. Взятие непосредственно КПП Мариновка относят к 13 августа. Описание самого боя в источниках очень туманное, известен по имени боец батальона «Оплот» — Александр Мигунов, танкист, погибший в тот день у Мариновки, видимо, в бою за КПП, но в общем, сопротивление ВСУ не было ни долгим, ни особо активным. Данных об украинских солдатах, убитых в этот день у Мариновки, я не нашел. Возможно, бой как таковой отсутствовал, и ополченцы заняли брошенный противником КПП, а оплотовец погиб в небоевой обстановке. В любом случае, если у кого-то есть данные о том, как занимали Мариновку 13 августа, можно смело уточнять.

Общий результат боев под Мариновкой и Степановкой может быть признан катастрофическим для украинских войск и, соответственно, блестящим успехом для ополчения.

Первый шаг в тыл Иловайску

Отдельный вопрос состоит в том, какие вообще части ополчения воевали в этом районе. Поименные списки погибших часто дают ценные сведения, но здесь они только еще сильнее все запутывают. 5 августа у Мариновки погиб боец батальона «Восток» Рамиз Рамазанов из Горловки. 6 августа там же, под Мариновкой, пропал без вести Александр Бирюков из Семеновского батальона. Кроме того, 10 августа у Мариновки значится погибшим боец 1-го Славянского батальона Сергей Баранов из Тореза, а 13 числа у Мариновки же погиб командир танка Александр «Фин» Мигунов, также торезец, из «Оплота».

Александр Мигунов

Обстоятельства гибели этих людей мне неизвестны. Наконец, из как-то подходящих по месту и времени существуют упоминания о гибели троих бойцов отряда «Кальмиус» в Степановке 14 августа (но это уже после основных боев за село) в результате выстрела из танка. То есть, эти подразделения ополчения могут быть участниками боев под Степановкой — конечно, не в полном составе. Состав артиллерийской группировки российских войск тем более неизвестен.

Потери российских регуляров в этих боях, если они и были, в открытых источниках отражения не нашли. Как легко заметить, потери русских в ходе боев под Мариновкой и Степановкой — считанные солдаты.

Потери ВСУ оказались значительно более тяжелыми. Судя по данным книги памяти АТО, 8–9 августа 6 человек было убито и двое взято в плен у Мариновки, один убит в Степановке, пятеро погибли в Степановке во время удара «Града» 11 числа, пятеро (экипажи танка и БМП) погибли у Никифорово 12 августа, двое погибли в тот же день от артобстрелов, и 8 человек погибли на отходе 13 числа. Всего, таким образом, подсчет «по головам» дает 27 убитых и двоих пленных у 30-й мехбригады с 8 по 13 августа.

Точные потери техники сторон неизвестны. «Лостармор» в Степановке и ближайших окрестностях дает у ополчения БМП-2 и МТЛБ, потерянные, соответственно, 14 и 15 августа, но без уточнения обстоятельств.

Потери боевой и вспомогательной техники 30-й бригады можно смело назвать опустошительными. Непосредственно в Степановке было обнаружено:

— 7 БМП-2

— 2 танка Т-64

— 5 САУ «Акация»

— 2 бронированных машины управления артиллерией

— 2 БРЭМ

— БТР-70 и БТР-80

Уничтоженная в Степановке БМП-2 ВСУ.
Кроме того, как сообщалось, была захвачена гаубица Д-30, исправный «Град».

Также значительное количество техники осталось в окрестностях. Так, на КПП Мариновка были брошены 2 БМП-2 и БТР-80. Еще один Т-64 был уничтожен или брошен западнее Степановки на дороге, идущей в обход Саур-Могилы, несколько единиц было брошено или уничтожено на блокпостах и т. д.

Успех ополчения под Степановкой, важный сам по себе, имел значительные последствия.

Во-первых, оказался в окружении 2-й батальон 30-й бригады, размазанный по опорным пунктам восточнее. В ближайшие дни эта часть вышла на Лутугино, в ЛНР, то есть, вообще в противоположную сторону. Людские потери этой группировки были незначительными, однако теперь с территории ДНР были устранены два батальона.

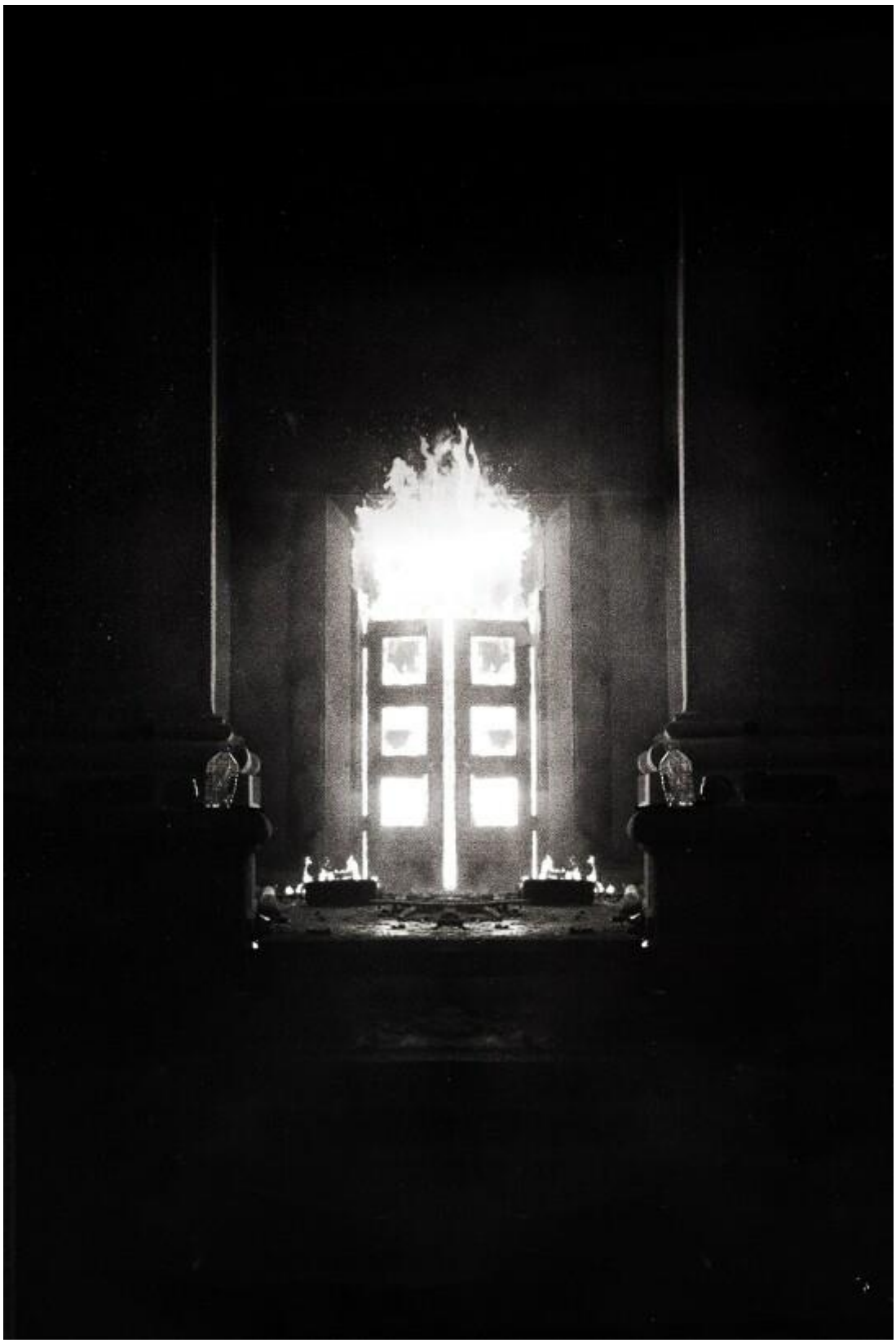
Во-вторых, русские получили свободу рук для дальнейшего продвижения на запад. Саур-Могила оставалась под украинским контролем еще почти две недели, но 16 августа ополченцы заняли КПП Успенка. Зона контроля вдоль границы серьезно расширилась, а украинские войска восточнее Амвросиевки оказались серьезно ослабленными.

А это означало, что теперь в случае удара через границу российские войска сразу же оказываются в тылу украинских сил, пытающихся с юга охватить Донецк.

Через десять дней именно через участок границы, взятый под контроль ополчением к 13 августа, Российская армия начнет наступление в тыл украинской группировки вокруг

Одесса, 2 мая

Если кто-то обещает вас убить — поверьте ему. Не ищите объяснений, почему на самом деле он имеет в виду совсем другое, не рассказывайте друг другу, что это просто какая-то политика и другие игры. Просто поверьте.



Массовое убийство, произошедшее 2мая2014 года в Одессе — ключевое звено в цепи событий, приведших Украину к полномасштабной войне. Восстание на востоке поначалу шло без особенной крови, и на фоне

стрельбы и трупов на горящем Майдане оно выглядело не очень брутально даже после того, как Киев объявил силовую операцию.

Одесса изменила многое. Одесса изменила всё. Психолог, который работал с вернувшимися из плена украинскими солдатами, отмечал потом, что в конце весны и начале лета ополченцы начали по умолчанию воспринимать бойцов ВСУ как фашистов. Одесса похоронила надежду на «федерализацию» и «конституционные реформы» и начала действительно массовое добровольческое движение.

С тех пор официальное расследование так и не дало никаких внятных результатов. В конце 2015 года отчет экспертов Международной консультативной группы Совета Европы, представленный в Киеве, сухо констатировал, что расследование событий 2 мая провалено.

Нынешняя война фактически уничтожила даже надежды на то, что события2014 года будут расследованы должным образом. Но кроме официального расследования были еще независимые исследователи, журналисты, огромное количество видеоматериала — картину бойни можно восстановить довольно точно, хотя и не без белых пятен.

ИГРУШЕЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Пока в Киеве горел Евромайдан, Одесса тоже волновалась. Основная драма разворачивалась в столице, но у моря тоже шла своя провинциальная борьба. 22 ноября 2013 года местные одесские евромайдановцы соорудили небольшой палаточный лагерь, а уже через три дня, 25-го, его разнесла милиция. Несколько человек задержали, некоторых избили (обошлось без серьезных травм).

Некоторое время продолжались стычки, поджоги автомобилей, попытки заблокировать расположение внутренних войск и «Беркута», но в целом до февраля ничего особенно тревожного в городе не происходило. В январе радикалы при участии киевской самообороны майдана и «Правого сектора» попытались занять ОГА, но эта история тоже закончилась ничем: лидеры местного Евромайдана… не пришли, и через некоторое время толпа рассосалась сама собой.

Первое массовое столкновение случилось 19 февраля: евромайдановцев при полном попустительстве милиции атаковали неизвестные люди в шлемах и с деревянными битами. После этого обе стороны — и Майдан, и Антимайдан — почти одновременно начали собирать свои военизированные структуры. В смысле экипировки они были похожи друг на друга: палки, щиты, мотоциклетные, строительные или армейские шлемы.

В Одессе многие не приняли майдан, активистов тоже хватало, поэтому параллельно формировались как минимум две группы.

Одна — во главе с местными общественными активистами братьями Давидченко («Народная дружина»). Другая сложилась на базе движения «Одесская дружина» во главе с Дмитрием Одиновым и Сергеем Долженковым.

Убивать друг друга пока никто не хотел. Временами сторонам даже удавалось найти общий язык — прошёл даже как минимум один совместный митинг. Радикалы еще не взяли власть ни в том, ни в другом движении. Антимайдановцы в основном собирались на площади Куликово поле, рядом с одесским Домом Профсоюзов.

Митинг на Куликовом

Митинг на Куликовом поле шёл бессрочно, площадь превратилась в форум в изначальном античном смысле этого слова: место для общения, обсуждения новостей и чуть ли не совместного хорового пения. Публика туда приходила достаточно пестрая, от энергичной молодежи до пенсионеров. Никакого формального единства не было: «Народная дружина», православные активисты, казаки, более мелкие группы. Некоторое время куликовцев объединяла фигура Антона Давидченко.

Антон Давидченко

Это идиллическое гражданское противостояние не могло продолжаться долго. Украина становилась все радикальнее, и лозунги Куликова поля менялись вместе с ней: федерализация, автономия.

Вскоре — 3 марта — область возглавил Владимир Немировский, один из когорты «патриотических олигархов», поставленных управлять регионами.

Немировский собирался решительно бороться с любыми протестами. Ликвидация лагеря на Куликовом поле стала одним из важных пунктов его программы. Вскоре Антона Давидченко арестовала СБУ, но пока репрессии против айтимайдана этим и ограничились.

В марте–апреле обстановка непрерывно накалялась. На востоке раскручивался маховик насилия. В Одессе, однако, удалось не допустить массовых походов стенка на стенку с человеческими жертвами, как в Харькове, не говоря уже о происходившем в Донецке и Луганске. На общем фоне отношения между двумя одесскими лагерями выглядели чуть ли не дружелюбными. На Куликовом поле жил активист из России, который предлагал убить главу местного «Правого сектора» и даже вызвался сделать это лично, но получил категорический отказ.

Любопытно, что позднее губернатор Владимир Немировский (уже бывший) обвинял в невротизации обстановки именно евромайдановцев:

Это была их оплаченная (не знаю, на каком уровне) работа — троллить. Кто-то работал втемную, у нас же люди ведомые, но были и зрячие. Это была какая-то массовая истерия, создаваемая представителями так называемого «Евромайдана». Я подчеркиваю — так называемого. Про «зеленых человечков», про прорывы-перепрорывы, про «как вы будете нас защищать». Главная проблема — не в «зеленых человечках», которых нет, не в офицерах ГРУ, а вообще-то в вас и в том, что вы здесь наплодили.

После объявления о начале силовой операции сторонники Евромайдана начали создавать на подъездах к городу блокпосты. Неизвестно, что и от кого они защищали, но на них стояло в общей сложности до пятисот человек — причём не только из Одессы. Тот же Немировский отметил, что в последних числах апреля в Одессу съезжались на автобусах люди из «Самообороны»:

К тому времени в регион начали ехать автобусы «Самообороны». Много. Мы их насколько могли, не пускали в Одессу. Но они уходили на

Белгород-Днестровский, еще куда-то. Они растекались по региону. [Они ехали] по направлению из Киева. Правоохранители полностью отходили в сторону, они и так деморализованы были.

Блокпост на подходах к Одессе

Интересно, что 2 мая Немировский говорил прямо противоположные вещи. 24 апреля глава областной милиции Луцюк поднял вопрос о блокпостах на заседании облсовета. Он приводил очевидные и вполне разумные аргументы: какие-то люди полувоенного вида обыскивают машины на въезде в город. Зачем — не говорят. Какой у них правовой статус — неясно. Что это вообще такое? Немировский в ответ сказал, что блокпосты нужны «*для контроля действий милиции*». Как сочетается эта реплика и его позднейшие заявления, понять трудно: это можно трактовать и как простое желание откреститься от неприятных связей, и как попытку замести следы.

На следующий день после этого совещания на одном из блокпостов взорвалась граната. Стороны отреагировали предсказуемо: «волонтеры» с блокпостов объявили, что гранату в них метнули из проезжающей машины, антимайдановцы посоветовали осторожнее обращаться с собственными боеприпасами.

Вскоре в Одессе с неясными целями побывал глава СНБО Андрей Парубий. Он заехал на блокпосты, раздал бойцам бронежилеты, провел

«*заседание об обеспечении слаженных мероприятий оперативного реагирования на вызовы и угрозы национальной безопасности*», но так публично и не сказал, зачем приезжал.

Парубий

По ряду сообщений, реальная роль Парубия в Одессе состояла в координации действий всяческих националистических (если угодно, патриотических) организаций без официального статуса. Об этом же говорил в интервью один из лидеров местного «Евромайдана» Руслан Форостяк. Любопытный комментарий на эту тему давал полковник Фучеджи, тогда замначальника одесской милиции:

Вы знаете, губернатор Немировский — виновник всего этого, он неоднократно обращался к руководству, к моему начальнику по поводу разгона Куликова поля и получал ответ, что это невозможно в условиях Одессы, это невозможно. Но он, получив ответ, не удовлетворен был. И тогда он начал стягивать людей с Майдана. Он, встретившись с Парубием, подтянул людей Майдана на 13 блокпостах, это в пределах 500–800 человек, и он в условиях администрации проводил совещания с ними, с бригадирами, начал кормить их, обеспечивать горюче-смазочными материалами и так далее. (…) [Парубий] Вручил бронежилеты, провел совещание в воинской части ***с командирами и сотниками, которые приехали с Киева (****выделено мной — Е.Н.****).****Совещание продолжалось 3,5–4 часа. Он сначала говорил, что это*

контроль за деятельностью работников милиции. Но после приезда Парубия, и когда стали раздавать бронежилеты 5-го класса, которые защищают от АК, тут уже стала просматриваться другая какая-то мысль, что они готовятся к чему-то. Но когда это будет и к чему, нам не было известно. (…) Они уже с коктейлями Молотова, уже на блокпостах три-четыре ящика коктейлей Молотова.

Фучеджи

Антимайдановцы попали в сложное положение. Первоначальный энтузиазм спал, митинги без внятной программы привлекали все меньше людей, проект Одесской народной республики не нашел поддержки у местных элит и заглох. Но одесские власти — то ли от страха перед «сепарами», то ли желая продемонстрировать Киеву и одесситам свои возможности — старались форсировать события и побыстрее демонтировать лагерь. Переговоры о мирном свертывании Куликова поля вел Фучеджи.

Важный момент: как на этом, так и на всех остальных этапах в деле не удается отыскать следы пресловутой «руки Москвы». Никаких серьезных

свидетельств участия «штурмовиков ГРУ» или хотя бы просто людей из России (кроме пары действовавших как частные лица энтузиастов) в одесской оппозиции нет. Немировский констатировал, описывая политическую борьбу в весенней Одессе:

«*Это все негодяи местного разлива. Это все одесситы*».

ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ

В предыстории одесских столкновений хватает белых пятен. Незадолго до трагедии Немировский заявил, что до 9 мая Куликово поле тем или иным способом очистят: «*С палаточным городком на Куликовом будем решать. Сначала попробуем по-хорошему. Парад на 9 мая там будет обязательно*». Одновременно шли закулисные переговоры с лидерами куликовцев. Лидерам Антимайдана — это подтверждает множество свидетелей, в том числе Сергей Долженков, один из ключевых руководителей «Одесской Дружины» — предлагали деньги за перенос лагеря, и по крайней мере некоторые из них это предложение приняли. Часть антимайдановцев перебралась на окраину, к мемориалу 411-й береговой батареи.

Деньги, кстати, по слухам передавал тот же Фучеджи. Вообще, этого милицейского начальника принято демонизировать, но он как раз старался принимать самые мягкие решения и явно лавировал между двумя сторонами. Скажем, примерно тогда же он в ответ на требования действовать более жестко заявил: «Я не имею права сносить этот палаточный городок».

Ряд источников утверждает, что одновременно с переговорами власти готовили силовой разгром лагеря на Куликовом поле. По самой распространенной версии атаку планировали именно на вечер 2 мая и именно силами футбольных фанатов. Депутат Верховной Рады Светлана Фабрикант, секретарь комиссии Верховной Рады по расследованию событий 2 мая, впоследствии утверждала:

Была запланирована не трагедия, но зачистка Куликова поля болельщиками после матча. Намечалась постановочная заварушка.

В самом полном варианте эту версию изложила «Группа 2 мая». Эта волонтерская организация проделала титаническую работу, пытаясь установить обстоятельства трагедии. Любопытно, что «Группу» невозможно упрекнуть в пророссийских симпатиях — и все же её представители уверенно и даже буднично (но не раскрывая источников информации) заявляют о существовании плана силового разгрома лагеря на Куликовом поле.

Громить одесский Антимайдан должны были футбольные болельщики, после матча между одесским «Черноморцем» и харьковским «Металлистом». Оба клуба имеют спаянные фанатские группы, которые к тому же тепло относятся друг к другу и одинаково плохо восприняли прорусские протесты весны 2014 года. Это важный момент: одесситы имели все основания опасаться футбольных ультрас. У харьковских фанатов к этому моменту сложилась вполне конкретная репутация: 27 апреля — всего за несколько дней до приезда в Одессу — те подрались с пророссийскими активистами у себя дома. По версии украинской стороны это выглядело так: мирную пятитысячную толпу в самоубийственном порыве атаковали триста сторонников федерализации (в том числе женщины и подростки). Легко заметить, что ровно тот же фокус позднее провернули в Одессе, там тоже, согласно патриотически-украинской версии «ватники» обратились в камикадзе и атаковали десятикратно уступающими силами радикально превосходящего противника.

Решительность и агрессивность харьковчан делала их отличными кандидатами на участие в разгроме Куликова поля. С другой стороны, ультрас опережала их дурная слава, и одесситы прекрасно понимали, что фанаты едут не просто на футбол.

«*Что должны были приехать эти уроды, это было известно еще за неделю*», — рассказывал позднее Станислав Культа, участник событий 2 мая, впоследствии больше известный как мотороловец «Гамбит». Примерно то же самое говорил в интервью «Новой газете» еще один активист Антимайдана: «*О том, что второго мая будет драка, мы знали за неделю. Нам сказали, что приезжают харьковские, которые должны устроить провокацию и снести Куликово поле*».

Если план разгона вдруг и хотели сохранить в тайне, то ко 2 мая это стало бессмысленно: о будущей драке разве что в ежедневных газетах не писали. Между тем лидеры одесского протеста не воспринимали её как конец света, не собирались сдаваться и уж точно не ожидали, что им придется умирать в последнем бою. Основные силы куликовцев уже и так согласились переехать на 411-ю батарею — под воздействием доброго слова, пистолета и классического осла с золотом.

«*30 апреля поздно вечером к нам пришел Кэп [Сергей Долженков — прим. Е.Н.] и сказал, что мы переезжаем на 411-ю батарею. Многие называют нас сегодня предателями, говорят, что мы бросили куликовцев без охраны, но это неправда, мы все пришли второго. Кэп назначил сбор в 13.30 на Александровском проспекте. Насколько мне известно, оповещение было широким: кого-то обзванивали, кому-то прислали СМС*», — рассказывал в интервью одесский дружинник. Он же, кстати, отмечал, что ожидалось появление примерно четырехсот ультрас — то есть, в принципе, такая сила, от которой можно попытаться отмахаться силой. В любом случае, по многочисленным свидетельствам, о том, что евромайдановцы будут организованно сносить лагерь антимайдана, было хорошо известно заранее, причем об этом синхронно сообщали и пророссийские, и проукраинские активисты.

Это, кстати, теоретически главное слабое место в версии о запланированном разгроме. Получается, что местная власть собиралась брать силой то, что всего через сутки получала просто так.

Однако необходимо учитывать два факта. Во-первых, на фоне событий в Донецкой и Луганской областях (теперь уже республиках) в Одессе многим хотелось бы продемонстрировать силу. На востоке повстанцы занимали один город за другим, и на этом фоне разгон Куликова поля выглядел бы яркой, эффектной победой. Губернатор Немировский, может, предпочел бы, чтобы лагерь куликовцев рассосался так или иначе, но в Одессе он находился недавно, и не мог быть уверен в том, что все городские службы, включая силовые структуры, будут слаженно работать по его указаниям.

В материале ресурса «http://Страна.ua» приводится занятный вариант раскладки сил. Согласно ему, ситуация была следующей. Немировский не контролировал милицию, работавшую на другую олигархическую группировку, связанную с Юлией Тимошенко. Парубий также представлял внешние по отношению к Одессе силы (*к таким относилась, в частности, группировка олигарха Игоря Коломойского, но она не была единственным «кандидатом»*), заинтересованные в том, чтобы показать, как губернатор «не справляется», и разгромить лагерь на Куликовом с помощью боевых активистов. Наконец, сами боевые активисты хотели драки и были на нее настроены.

То есть. Имеется губернатор, который хотел бы убрать лагерь Антимайдана с Куликова поля, но не имеет ресурсов. Имеется милиция, которая может разогнать лагерь силой, но не делает этого, потому что Немировский — представитель конкурирующего клана, и решать проблему своего противника собственными руками милиция не собирается. Наконец, существуют группировка Коломойского и некие другие внешние силы, которые не прочь свалить Немировского, но другим способом — разгромить Антимайдан руками «активистов», и показать неудачливому губернатору, как надо. Сами «активисты» просто в первую очередь настроены на насилие. Насколько достоверна эта «игра престольчиков» вопрос, но это вполне рабочая модель, неплохо объясняющая события дня 2 мая.

Некоторая часть антимайдановцев отказалась перебираться на 411-ю батарею, и этих самых стойких нужно было как-то вытолкать из центра города.

Принципиально важный факт вот: люди на Куликовом поле были абсолютно уверены, что 2 мая лагерь пойдут громить, имели на это веские основания — и такой план действительно существовал.

На 2 мая было запланировано шествие фанатов по Одессе — предполагалось, что они промаршируют за единство Украины в направлении стадиона. Евромайдановцы утверждали, что это мирное мероприятие. Антимайдан считал, что это прикрытие для погрома.

В ночь на 2 мая Сергей Долженков связался с депутатом одесского горсовета и предложил хотя бы запретить фанатский марш: «*Главное решение суда сделать. Привезли автобусами на матч, с матча увезли. Никаких маршей. Люди видели Харьков, Херсон, Донецк. Где фаны беспределили. Крови, главное, не допустить. Не будет марша — не будет крови*».

«*Первого мая я как раз был на Куликовом поле, Артем Давидченко со сцены объявил, что в город съезжается „Правый сектор“, они придут сносить Куликово Поле, и мы должны им тут дать отпор. Поэтому сбор в 12.00 на Куликовом Поле*», — описывал атмосферу накануне схватки активист движения «Боротьба» Максим Фирсов.

Еще один важный фактор, серьезно повлиявший на события — недостаток сил у антимайдановцев. Людей у них было много, но значительную их часть составляли женщины и старики, из которых просто не получалось собрать фалангу. К тому же начался раскол (кто-то ушел с Куликова поля, кто-то остался), а единый лидер так и не появился. Короче, в чисто силовом смысле численность фанатов и куликовцев была несопоставима. При этом, большой вопрос, насколько они вообще осознавали степень неравенства сил. Некоторые антимайдановцы утверждали, что понятия не имели, насколько многочисленная толпа собирается громить Куликово.

В любом случае, лидеры антимайдана, в первую очередь Долженков, решили действовать активно. На Куликовом поле находилось слишком много откровенно мирных людей, которые сами нуждались в защите. Судя по воспоминаниям рядовых участников, план на 2 мая состоял в том, чтобы сопровождать колонну евромайдановцев — не начиная столкновение и блокируя противника, если фанаты повернут на лагерь.

На стороне Антимайдана были люди, которым этот план не нравился. Дмитрий Одинов, лидер «Одесской дружины», возражал против активных действий, но управление перехватил Долженков, который хотел выйти из лагеря и встретить неприятеля лицом к лицу — Одинов уезжал в Москву и вернулся в Одессу только днем, когда до первых стычек оставалось всего ничего.

Накануне 2 мая Артем Давидченко (брат арестованного Антона) побывал на встрече с Фучеджи (представлявшим милицию) и главой СБУ Одессы. СБУшник заявил, что после первого трупа он «всех закроет». И подытожил: «Первый труп будет обязательно».

Несмотря на общую тревогу, войны на убой пока никто не ждал. 1 мая анти- и евромайдановцы успели встретиться пусть не в дружественной, но по крайней мере в относительно спокойной обстановке. Ждали драки? Да. Ждали того, что произошло? Нет.

ДОРОГА К ГРЕЧЕСКОЙ

Итак, утро 2 мая. В Одессу вне расписания прибывает поезд с харьковскими болельщиками, около 500 человек. В город стягиваются люди с блокпостов, активисты Евромайдана из других регионов, от Ровно до Херсона. Вообще, кстати, участие людей из других городов, это любопытный момент — крупные группы людей прибыли с половины территории страны — не иначе, на пикник.

Подбирается очень странная для мирного марша компания: например, засветились бойцы из 14-й сотни самообороны киевского Майдана со своей символикой на щитах. Марш перед матчем назначен на 15:00, основная масса людей сходится на Соборной площади.

В это время на Александровском проспекте собираются куликовцы под общим руководством Сергея Долженкова и Алексея Албу из левой организации «Боротьба». Для решительного столкновения их безнадежно мало — по разным оценкам, от 150 до 300 человек. Единственное преимущество куликовцев — довольно высокий уровень дисциплины и сносное снаряжение (каски, щиты, средства ближнего боя). Знали ли Долженков и Албу о своей слабости? Да, в целом о перевесе у противника они не могли не знать. На что они рассчитывали? Разве что надеялись избежать прямого боя и защитить лагерь, просто обозначив своё присутствие, в худшем случае — прикрыть лагерь, продержавшись достаточно долго. Других разумных объяснений действиям пророссийских активистов просто нет. Сергей Рудык, один из антимайдановцев, позднее утверждал: «*Цель была — просто провести марш в сторону стадиона, не дать избивать прохожих и т. п.*»

Отдельный вопрос — действия милиции. Теоретически в охране общественного порядка участвовали значительные силы. На практике

милиционеров так раскидали по городу, что это выглядело как самоустранение милицейского начальства (что, см. выше, отлично укладывается в версию «http://Страны.ua»). По приблизительным подсчетам 700 человек охраняли стадион, около 80 сопровождали колонну антимайдановцев, около 60 — дежурили у Куликова поля. В резерве стояли еще 100. Снаряжение для борьбы с массовыми беспорядками имели далеко не все. И вот эти смешные силы должны были блокировать 150–300 «дружинников» и огромную толпу майдановцев.

Сергей Долженков

Все руководство местной милиции в 12:00 было созвано на издевательское совещание на тему «Состояние организации работы по противодействию проявлениям сепаратизма, общественного противостояния и обеспечения законности и правопорядка в Одесском

регионе». Состояние организации обсуждали три часа, в приказном порядке выключив мобильные телефоны.

В середине дня, собрав свои небольшие силы, Долженков и Албу ведут их на север, в сторону Дерибасовской. В 14:40 происходит странный инцидент: к антимайдановцам приближается некий молодой человек и начинает палить по ним из небоевого (вероятно, пневматического) пистолета. Оружие отбирают, самого юношу сдают милиции.

Колонну сопровождает группа милиционеров. Лидеры куликовцев заверяют правоохранителей, что собираются двигаться параллельно колонне фанатов, и перейдут к активным действиям, только если те повернут к лагерю. Куда Долженков хотел повести своих людей, можно только догадываться — но, судя по позднейшим сообщениям его товарищей, отряд двигался к Приморскому бульвару. Легко заметить, что таким образом маршруты двух колонн опасно пересекались.

Пройдя совсем немного, колонна сворачивает к подворотне на улице Жуковского, 36. Антимайдановцы — неизвестно, из какого источника — получили сведения о раздаче майдановским активистам оружия в офисе украинской националистической организации «Рада Громадської безпеки». Однако попытка пройти под арку натыкается на милицейский заслон и «фалангу» евромайдановцев.

В балаклаве и каске на переднем плане Сергей Долженков. Среди антимайдановцев были реконструкторы, чем объясняется необычный вид снаряжения мужчины слева.

Бестолковое противостояние на Жуковского 36 может и не стоило бы упоминания, но есть один важный момент. Руслан Форостяк, руководитель «Рады Громадьской безпеки», заявил: «*Мы им продемонстрировали АКСУ для того, чтобы еще сильнее их возбудить*». Форостяк утверждает, что речь шла об ММГ, что вовсе не обязательно правда. Группа Долженкова окончательно уверилась в своих подозрениях и убедилась, что у противника есть огнестрельное оружие.

Инцидент на Жуковского — еще одно белое пятно этой истории. Антимайдановцы мало того что узнали о раздаче оружия — под руку удачно подвернулся показавший его Форостяк. Настоящий ли это был ствол, или ММГ, как утверждает активист — не так важно. Украинские активисты очень хотели, чтобы куликовцы узнали, что у них есть огнестрельное оружие — любопытное желание.

Отряд Долженкова вновь идет к Дерибасовской улице. При таком раскладе их маршрут должен пересечься с траекторией «Марша за единство Украины», и сопровождающий колонну Фучеджи приказывает своим милиционерам поставить на пути антимайдановцев заслон.

Вообще, милиция честно пыталась развести стороны: омоновцы бегом обгоняют «дружинников» и перекрывают улицу. Предположительно, Фучеджи пытался запереть антимайдановцев в тупике.

Однако Долженков в последний момент понял, что его заманивают. Он резко останавливает колонну и разворачивает ее на юг, на 180 градусов. «Одесская дружина» бегом возвращается на Греческую улицу и быстро движется на запад, в обход торгового центра «Афина», по Греческой площади в сторону Соборной.

Этот момент важен сразу в нескольких отношениях. Во-первых, мы видим старательные попытки милиции изолировать антимайдановцев. Тезис о том, что милиция находилась на стороне антимайдана, не подтверждается. Фучеджи старательно пытался блокировать отряд Долженкова. Вообще, образ Фучеджи как коварного заговорщика вряд ли справедлив. Из всех милицейских начальников Одессы этот был вообще единственным, кто находился на переднем крае, до последнего старался предотвратить кровопролитие и получил ранение — от рук евромайдановцев, кстати. Группу Долженкова он тащил в ловушку, но со своей позиции все делал верно: от милиции требовалось охранять общественный порядок и не дать сторонам поубивать друг друга — что она по мере сил и пыталась сделать. Толку от этих попыток было не очень много, но это уже другой разговор.

В это время на Соборной площади скапливается значительная масса людей — вероятно, не менее тысячи. Большая часть собравшихся действительно не относилась ни к каким погромщикам, это были гражданские люди, некоторые даже с детьми. Но они пришли не одни.

На видео отлично заметна сплоченная группа самооборонцев евромайдана, пришедшая на площадь еще до столкновения — слаженная, хорошо сбитая боевая единица, экипированная шлемами, щитами и дубинами (частично — бронежилетами). В первые же минуты драки кто-то из майдановцев применил пистолет (скорее всего, травматический, но возможно и боевой), а первый «коктейль Молотова» полетел через 6 минут после начала боя — то есть его очевидным образом принесли заранее. На «мирный марш» собрались в экипировке для уличных боев. Интересно, что Виталий Кожухарь, заместитель руководителя одесской самообороны, утверждал: «*Предполагалось достаточно веселое, в общем-то, шествие. Никто не думал, что это так обернется*».

Разумеется — отчего бы не надеть на веселое шествие свой любимый бронежилет и не взять с собой свой любимый «коктейль Молотова».

В общей сложности на марш собралось до четырех тысяч человек, и многие из этой огромной толпы не имели к Одессе вообще никакого отношения. Разгонять Куликово поле собрались разномастные, но боеспособные силы.

СХВАТКА НА ГРЕЧЕСКОЙ

Около трех часов колонна куликовцев выходит по Греческой к Соборной площади. Значительная часть комментаторов описывает этот момент как общую атаку антимайдановцев, в ходе которой они прорвали оцепление. Эпизод часто называют нападением куликовцев на ультрас — и в таком виде он выглядит полностью безумной идеей: 300 человек бросаются на вдесятеро превосходящую их толпу. Однако при детальном рассмотрении ситуация оказывается иной.

Очевидец — с украинской стороны — описал столкновение так:

В течение пяти минут после этого на Греческой появились боевики, которых пыталась сдерживать милиция. Она явно получила какое-то подкрепление, но людей, чтобы перегородить всю Греческую, у них не хватало. Увидев противников, к ним кинулась группа футбольных фанатов.

Это, кстати, заметно и на видео, снимавшемся со стороны марширующих.

https://www.youtube.com/watch?v=Cq1OhkuLzeA

04:58. Самое начало столкновения. Подход колонны куликовцев. Целенаправленных попыток начать рукопашный бой не видно, дерется буквально пара человек, которые тут же отходят. На стороне евромайдана взрывается дымовая шашка, начинается перекидывание камнями. 11:13 — первый в этот день «коктейль Молотова». 13:00–13:10 — любопытный момент, в кадре двое значимых персонажей дня — Долженков (в сером спортивном костюме, каске, броне и камуфляжной балаклаве) — и с 13:09 сотник Микола (лицом в камеру, в бронежилете и синей рубашке)

Картина, в которой 200 берсерков-антимайдановцев героически убиваются о превосходящие силы ультрас и самообороны начинает выглядеть как минимум неоднозначной: группа Долженкова видит противника, который тут же переходит к активным действиям, но сама в решительный бой не идет. Многие комментаторы впоследствии утверждали, что антимайдановцы прорвали оцепление, но это утверждение не вполне корректно — настолько некорректно, что меняет смысл происходящего на противоположный. Антимайдановцы не прорывают оцепление: до того, как оно было сформировано, на майдановскую сторону проскочило буквально два-три человека, на которых тут же обрушились самооборонoвцы — те быстро откатились назад. То есть, отряд Долженкова не прорывал милицейский кордон и перешел к обороне с самого начала. Сразу начинаются рукопашные стычки, но в них пока не участвует больше нескольких бойцов одновременно, а вся фаланга Антимайдана стоит на месте, пока застрельщики бросают камни. На видео хорошо заметно, что антимайдановцы не бегут, а идут пешком, и в массе своей останавливаются перед шеренгой омоновцев.

Целенаправленных попыток начать рукопашный бой не видно, дерется буквально пара человек, которые тут же отходят. На стороне евромайдана взрывается дымовая шашка, начинается перекидывание камнями.

Интересно, что в отчете миссии ООН об одесских событиях обстоятельства этого эпизода сформулированы следующим образом: *В 3.15 дня*

«Профедералистская Одесская Дружина», «Народная Дружина», и другие активисты подошли к Соборной площади и начали провоцировать участников марша «За Единую Украину».

Обе стороны были готовы к драке (хотя и не факт, что хотели её на именно этих условиях), и бой стартовал спонтанно. Куликовцы и евромайдановцы начинают перебрасываться камнями и пиротехникой. В 15–31 фиксируется, видимо, первый выстрел дня — активист «Евромайдана» стреляет по группе Долженкова из пистолета. На видео легко заметить отлет гильзы, то есть это не пневматика. Впрочем, куликовцы тоже имели пистолеты и вели из них огонь. Вероятнее всего, и те и другие использовали травматическое оружие. Кроме того, в ход пошли револьверы под патрон Флобера — мелкокалиберное гражданское оружие.

Майдановцы метали «коктейли Молотова» — пока вяло. Достаточно быстро появились раненые с обеих сторон, в том числе — весьма серьезно.

https://www.youtube.com/watch?v=ADXFRW1xCy4

С 9 секунды: боевик евромайдана стреляет из пистолета

Бой шел через голову милиции. Стражи порядка сумели, несмотря на свою малочисленность, довольно эффективно перегородить улицу и разделить дерущихся, а антимайдановцы еще и соорудили эрзац-баррикаду из подручных средств.

Еще один ключевой момент: куликовцы с начала и до самого конца стоят в глухой обороне. Единственный эпизод за весь день, который можно интерпретировать, как атакующее движение — это, собственно, марш группы Долженкова к Соборной площади, но назвать его нападением просто невозможно: увидев противника, активисты останавливаются, и дальше только отступают и отбиваются. Не очень понятно, чего Долженков хотел добиться — зачем было подводить своих людей так близко к заведомо более сильному врагу? Зато это обстоятельство однозначно объясняет действия милиции. Майдановцы потом яростно

обвиняли силовиков в помощи куликовцам. Это в известной степени правда: милицейские цепи действительно почти всегда развернуты в сторону евромайдановцев. По очевидной причине: с этой стороны в ОМОН летит непрерывный поток камней, «коктейлей Молотова», камней и пуль. Один из участников боя со стороны майдана, «Сотник Микола», кричал в этот момент по телефону: «*Нас больше, но нам ничего не дают делать!*»

Бой на Греческой вязнет, и тогда майдановцам приходит в голову идея обойти противника по Дерибасовской. Замысел вполне логичный: пройти требуется всего ничего, зато быстрый рейд выводит атакующих во фланг антимайдановцам. Туда отправляется многочисленная толпа проукраинских активистов. В это время им навстречу движется небольшой отряд из группы Долженкова, очень маленький и выглядящий то ли как рейдовая группа, то ли вообще как силовая разведка.

Именно на Дерибасовской происходит одно из ключевых событий дня. От огнестрельных ранений погибают двое евромайдановцев, Игорь Иванов (десятник «Правого сектора») и самооборонoвец Андрей Бирюков. Считается, что Иванов был смертельно ранен из огнестрельного оружия (вскоре умер в больнице), а Бирюков погиб от пули, выпущенной из пневматического ружья, повредившей легкое.

Вероятно, Иванов был убит Виталием Будько, известным под псевдонимом «Боцман».

Здесь начинается один из самых сложных эпизодов одесской драмы. Будько входил в «мобильную группу» Антимайдана, небольшой отряд «дружинников» на автомобиле. В самых первых стычках он не участвовал, микроавтобус антимайдановцев прибыл к месту боя уже позднее, около 16 часов. После гибели Иванова и Бирюкова Будько видели с оружием в руках — он стрелял из-за спин милиционеров.

Что можно сказать об этой истории точно? Во-первых, у «Боцмана» в руках не страйкбольное оружие, и стреляет оно не холостыми: на видео видно гильзы. «Боцман» действительно присутствовал в районе боя и вел огонь. Скорее всего, у него в руках гражданский карабин на основе автомата.

К гибели Бирюкова он, очевидно, непричастен: тот погиб от пули пневматического оружия. А вот вопрос о гибели Иванова остается — скорее всего, десятник «Правого сектора» застрелен именно «Боцманом».

Правда, в этой картине не хватает одного важного фрагмента. Карабин (?), из которого стрелял Будько, после боя исчез, его так и не нашли. Кто, куда и зачем его спрятал — об этом мы судить не можем. Более того, данные о пуле, убившей Иванова, пропали из пулегильзотеки. Вообще следствие велось безобразно — настолько безобразно, что выглядит как попытка замести следы: не удалось обнаружить ни один из стволов, из которых в тот день убивали людей.

Так что остается зафиксировать факт: двое майдановцев погибли, и, вероятно, одного их них убил Будько. Сам «Боцман» сейчас скрывается. Был ли он провокатором? Вряд ли. Скорее, получив сигнал о помощи, он приехал на Греческую, едва успел разобраться, что происходит, и тут же начал стрелять по атакующим.

Краткое отступление об ожесточении. С точки зрения проукраинской стороны, точкой невозврата, после которой начался бой на истребление, стала именно гибель Игоря Иванова, и именно из этой смерти выводятся дальнейшие действия на Куликовом поле. Однако хронология противостояния заставляет отнестись к этой трактовке

скептически. Огнестрельное оружие имелось у обеих сторон. Первый выстрел из какого-то мелкокалиберного оружия (пневматика или револьвер Флобера) прозвучал еще до начала массовых столкновений: стреляли по формирующейся колонне антимайдановцев. Заметим, что при достаточном уровне невезения пневматика может причинить опасный для жизни вред (собственно, Бирюков со стороны майдана погиб, получив пулю из мощного пневматического ружья).

После противостояния на Жуковского куликовцы были абсолютно уверены, что у противника есть огнестрельное оружие — более того, Форостяк утверждает, что огнестрел им показали специально. То есть дружинники считали, что противник может иметь автоматы/карабины — а пистолеты они видели сами. Таким образом, щадить противника никто не собирался с самого начала. Но несмотря на жесткость драки, все погибшие были убиты из огнестрельного оружия — то есть об уровне ожесточения, на котором врага пытаются уничтожить любым способом, речи тоже не идет. И, кстати, без убитых обошелся даже финальный штурм ТЦ «Афина», о котором пойдет речь ниже. А ведь если речь шла, как это утверждают майдановцы, о мести за погибших товарищей, то этого просто не может быть — виновники находились как раз в «Афине», а вовсе не на Куликовом поле. Тем не менее в торговом центре от рук толпы никто

не погиб, то есть комментаторы с «майдановской» стороны явно преувеличивают уровень благородной ярости.

Поскольку на Дерибасовской людей у антимайдановцев было мало, вооруженная камнями и битами толпа быстро отогнала их в сторону переулка адмирала Жукова, ведущего на юг, к ТЦ «Афина».

«Афина» в нормальном состоянии…

…и во время боев 2 мая

Здесь уже ждало заграждение из милиционеров со щитами. Правоохранители, как и на Греческой, постарались разделить дерущихся, и им это удалось. Однако на милицейскую шеренгу обрушился град снарядов и коктейлей Молотова, не дававший поднять головы. Как обычно, милиционеры развернулись спиной к антимайдановцам (а что им ещё оставалось делать?) ОМОН по сути защищал куликовцев от атакующей со всех сторон толпы проукраинских боевиков.

Украинцы потом обвиняли милицию в том, что «Боцмана» не разоружили, когда он (снова?) открыл огонь из-за спин милиционеров. Проблема в том, что при первой же попытке повернуться к майдановцам спиной любой милиционер немедленно получил бы камень в затылок. Стражам порядка вряд ли вообще приходило в голову оборачиваться: на них сыпался сплошной поток булыжников.

Вскоре у антимайдановцев тоже появились раненые из огнестрела.

https://www.youtube.com/watch?v=GjDvl8imuYM

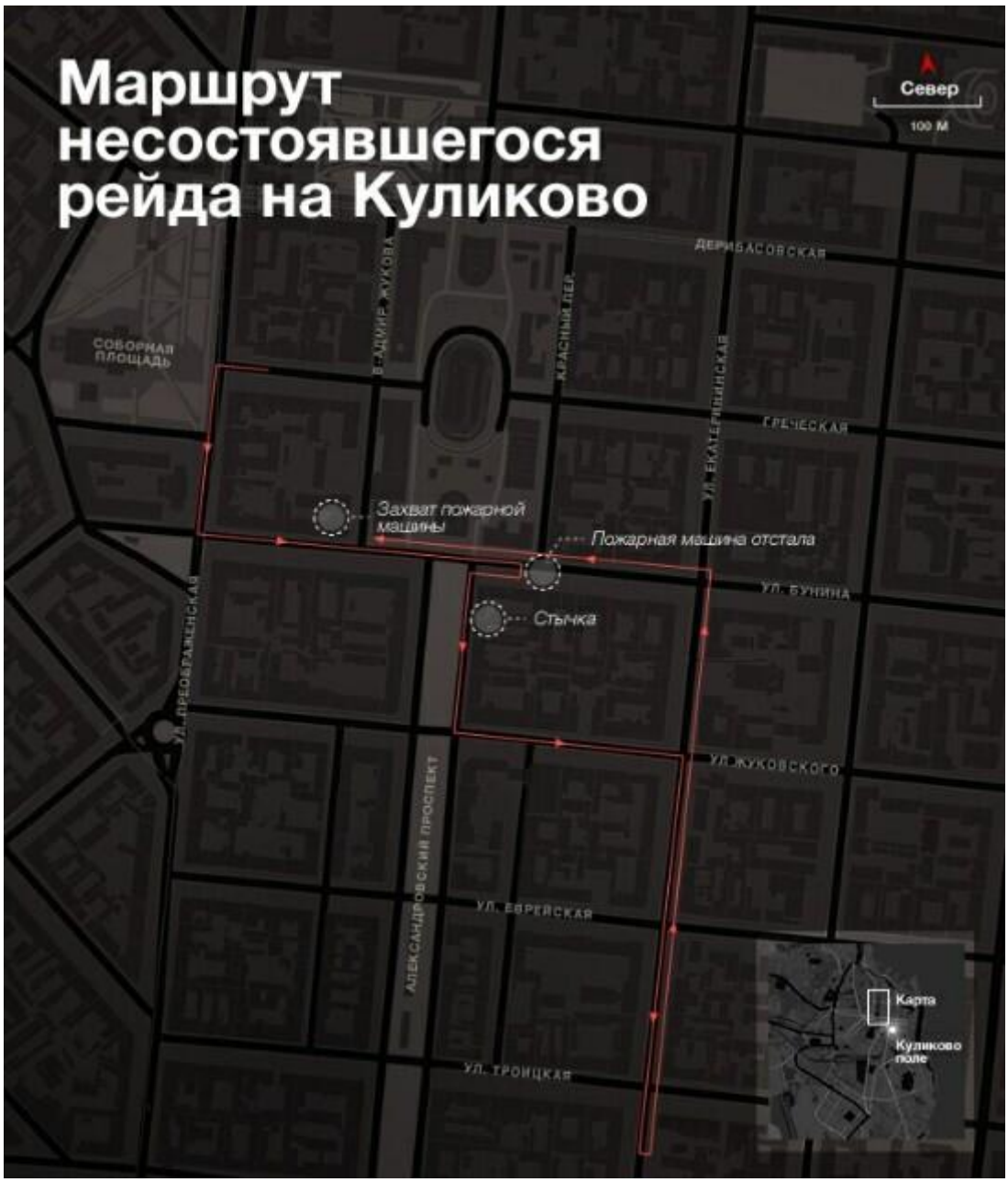
С самого начала виден раненый, лежащий на земле. Ранение он получил на Греческой: дело происходит прямо у ступеней одесского Русского

театра. На 03:47 слышны слова «Там огнестрел, это огнестрельным его»

К этому моменту вокруг «дружинников» начинает формироваться полноценное кольцо окружения. Подходы к Греческой площади забиты сторонниками Майдана. Сами куликовцы все это время обрывали телефоны, прося помощи, и не получали ее. Некоторое время в тылу еще были открыты пути отхода, но постепенно все выходы с Греческой перекрывали. Правда, глухого оцепления не получилось даже там, где шел бой. Журналисты издания «Вести.Репортер» отметили изумительную деталь:

Некоторые из «путешественников» по загадочным причинам принимаются активничать то с той, то с другой стороны и даже бросают камни туда, где гуляли совсем недавно.

Основным инструментом пока остаются камни и «коктейли Молотова». Многочисленная группа поддержки разбивает брусчатку за спиной у проукраинских активистов. Поток камней не останавливается ни на минуту, но бой по-прежнему ведут «застрельщики» — многочисленные, но почти лишенные экипировки фанаты. «Фаланга» со щитами и дубьем в это время снимается с места и идет… в сторону Куликова поля! Этот загадочный маневр был совершен примерно в 16:15. Нет сомнения, что появись на Куликовом эта группа, лагерь был бы разгромлен еще днем. Однако «тяжелая пехота» столь же необъяснимо и неожиданно разворачивается и возвращается обратно к «Афине».



Во время этого рейда майдановцы захватили пожарную машину, прогнав экипаж. Ее они впоследствии использовали как таран для сноса баррикад.

А что делала милиция? Столкновения начались давно. Стало понятно, что в центре Одессы идет схватка с ранеными и убитыми. Тем не менее силовики действовали пассивно — да и не могли работать по-другому, в эпицентре происходящего их было слишком мало. За всех по-прежнему отдувался Фучеджи со своим небольшим отрядом. Начальник ГУ МВД Украины по Одесской области Петр Луцюк имел разработанный план противодействия беспорядкам («Волна») и даже подписал его — но не

зарегистрировал и не осуществил. Сам Луцюк весь бой провел на стадионе, и объяснил такое поведение просто: «Там было много людей». «Там» — это на футбольном матче.

Тем временем небольшие группы людей с Куликова поля пытаются прорваться или пробраться на Греческую, но их перехватывают — подкрепления либо рассеиваются, либо попадают в руки евромайдановцев. Примечательна история машины, перехваченной майдановцами и обысканной милиционерами с их подачи. Внутри нашли помповое ружье и травматические пистолеты. В офисе «Совета общественной безопасности» несколькими часами раньше наверняка лежали не менее интересные предметы, но это милицию нисколько не заинтересовало.

К пяти часам вечера Одесская дружина оказалась в «полукотле». Скорые еще подъезжают к куликовцам с востока, через Греческую площадь. Милиция окончательно развернулась спиной к антимайдановцам: сил на активное сопротивление у тех все меньше, раненых все больше. Надо отдать должное предусмотрительности милицейских командиров: они выстроили кордоны не только там, где атаки уже идут — с запада (Греческая) и с севера (Жукова) — но и там, где атак еще не было (юг, тоже Жукова). Вскоре этот заслон тоже попробовали на зуб.

Примечание. В какой-то момент на руках у милиционеров появились красные повязки (прорусские активисты отмечали друг друга красным скотчем на рукаве) — потом вокруг этого факта выстроили массу конспирологических теорий. Сами антимайдановцы, увидев свои цвета на милицейской форме, восприняли это то ли как провокацию, то ли как символ единения силовиков и пророссийских активистов. На деле все проще — снаряжение одесских милиционеров находилось в очень плохом состоянии, и у них начали быстро сползать держащиеся на липучках нарукавные щитки. Когда выяснилось, что у антимайдановцев остался скотч, те поделились им с милиционерами — из вполне практических, а не символических соображений.

Евромайдановцы предпринимают последние решительные атаки. Попробовав прорваться по Греческой и через переулок Жукова с севера,

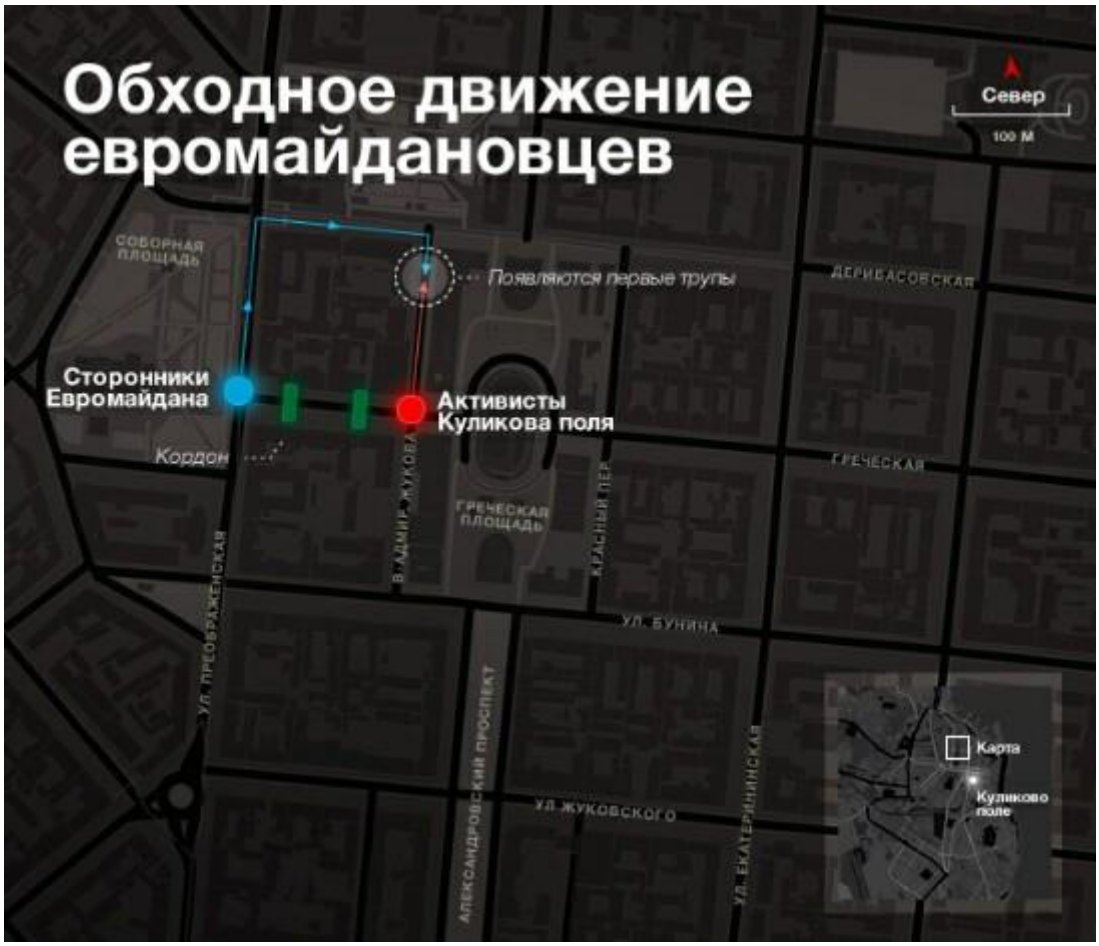
они теперь наступают с юга — со стороны улицы Бунина. Пожарную машину пытались — безуспешно — использовать как водомет, но с этой стороны прорыв тоже не состоялся: улицы забиты баррикадами, кроме куликовцев защищается еще и милиция, напора воды не хватает.

Тем не менее рано или поздно атаки с разных направлений должны были принести успех. Опять-таки, обратим внимание вот на какой факт. Для людей, ведомых стихийным гневом за павших товарищей, майдановские бойцы работают очень слаженно. Неудачная атака с одной стороны быстро сменяется наступлением с другой, толпа совершает четкие и довольно сложные маневры. У лидеров Евромайдана видно ясное тактическое мышление, а люди эффективно выполняют распоряжения командиров, действующих с холодной головой. Да, майдановцев в разы больше, но рисунок боя ничем не напоминает тупую лобовую атаку.

В 17:10 евромайдановцы сочли нужным провести СМС-рассылку, вызывая на помощь товарищей и дополнительно наращивая численный перевес.

Не добившись успеха в трех наступлениях, майдановцы не потеряли кураж и предприняли финальную атаку, оказавшуюся в итоге успешной. У Антимайдана уже накопились раненые, люди физически устали, а к противнику постоянно прибывали подкрепления.

В этом бою майдановцы бросают в дело все силы, а у Антимайдана появляются погибшие от огнестрельного оружия. Последняя атака началась около половины шестого, на сей раз прорыв шел с северо-востока, в обход торгового центра «Афина».



Дрались с предельным ожесточением — в ход пошли самодельные взрывпакеты, «Молотовы» (их разливали неподалеку, на Дерибасовской, причем профессионально, смешивая эрзац-напалм). Пошла стрельба из всего, что было — из пневматики, «Флоберов», травматических пистолетов… и огнестрельного оружия.

Группа майдановцев поднимается на балкон Центра болгарской культуры и начинает стрелять по толпе из ружья. Вообще, по куликовцам в этот момент били по крайней мере в три ствола: из тел антимайдановских активистов позднее извлекли одну пулю и картечь по меньшей мере двух разных калибров. Стрелком оказался некий Сергей Ходияк.

Изготовление коктейлей Молотова. Обратите внимание на куски пенопласта: майдановские девушки не просто делают зажигалки, это загуститель для эрзац-напалма.

Интересно, что если место и время гибели обоих евромайдановцев известно довольно точно, то в случае с антимайдановцами все сложнее. Хорошо зафиксировано только смертельное ранение Евгения Лосинского. Лосинский был приметен благодаря своему снаряжению (реконструктор, он пошел на Греческую в ярко сияющем на солнце шлеме), а поблизости работали сразу несколько фотографов и стримеров — на записях хорошо видно, как Евгения выносят из боя с картечными ранениями живота. Вероятно, теми же залпами были ранены журналист и как минимум один милиционер. Момент, когда был смертельно ранен Александр Жульков, тоже известен — есть по крайней мере одна видеозапись, на которой видно, как Жульков падает. Геннадий Петров и Николай Яворский тоже

убиты из огнестрельного оружия. С ранеными ясности намного меньше — многие потом просто не стали обращаться в больницы по понятным причинам. И уж тем более — в милицию.

Вынос с поля боя Евгения Лосинского

Стрельба с высоты оказывается одним из переломных моментов дня. Залпами в общей сложности ранило нескольких милиционеров, убило четверых и ранило неизвестное число куликовцев, серьезное ранение получил журналист Олег Константинов. Сергей Долженков ранен в ноги. Оборона милиции и куликовцев начинает трещать по швам.

Около шести вечера ранение в руку получил полковник Фучеджи. Надо отдать ему должное: по полю сражения он ходил весь день, не кланяясь камням и пулям, и в целом разумно руководил своими милиционерами. Теперь он ранен, и врач настаивает на эвакуации. Интересно, что пресловутый «Боцман» уехал на той же машине скорой помощи, хотя выглядел живым и совершенно здоровым. Убедительных объяснений этой ситуации никто не предложил.

Тем временем закончился первый тайм давно никому не интересного матча, и с трибун ушла значительная часть харьковских и одесских ультрас — тех фанатов, кто все-таки пошел на игру. К месту боя движется новое пополнение.

У «Афины» — агония боевого крыла Куликова поля. Если до финальной атаки антимайдановцы еще держали оборону, несмотря на огромное численное превосходство противника, то дальше град картечи сильно проредил их ряды, а таранящая баррикады пожарная машина позволила евромайдановцам подойти совсем близко. Неизвестно, кто командовал остатками бойцов — вероятно, эту роль взял на себя после ранения Долженкова Алексей Албу, одесский депутат из движения «Боротьба». Часть куликовцев прорывается в тех местах, где заслоны майдановцев менее прочны, несколько десятков человек баррикадируются в «Афине». Половина седьмого вечера.

На Греческой все закончилось: кого-то избивают, кто-то успевает сдаться милиции раньше. В конце концов засевшие в торговом центре антимайдановцы сдались силовикам — их вывезли в СИЗО автозаками. Шесть человек мертвы, масса людей переранена. Но настоящий кошмар этого дня еще даже не начался.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Казалось бы, столкновение исчерпало себя. Толпы победителей бессистемно бродят по площади и прилегающим улицам, раненых пленных сдают милиции — все это продолжается по крайней мере до половины восьмого. Футбольный матч закончился, и в толпу влились еще несколько сотен человек.

Обратим внимание, что после пяти СМС-рассылка уже привела на Греческую очередную волну майдановцев и сочувствующих, а теперь подошли свежие силы. То есть значительная часть присутствующих либо участвовала уже не в бою, а в добивании остатков «Одесской дружины», либо вовсе не принимала участия в драке. Теперь этим людям нужно чем-то себя занять. Занятие находится.

Между двумя основными эпизодами одесского противостояния есть принципиальная разница. Бои у «Афины» — это схватка, возникшая в силу естественных причин: обе стороны не сильно друг друга любили, их маршруты пересекались — массовая драка легко могла начаться и началась. Хотя бой у торгового центра был жестоким, все смерти этого столкновения с обеих сторон — на совести нескольких людей. Дальше события развивались уже по другой логике. После успеха у «Афины» в толпе проукраинских активистов возникла заминка, и то, как они перешли от замешательства к организованному походу на Дом Профсоюзов — один из важнейших моментов всего дня.

Решение пойти на Куликово поле не было спонтанным. Толпой руководили фюреры, известные по именам, имевшие мегафоны и заводившие массу. Эти люди дали толпе направление. В этом процессе участвовали как минимум два человека. Первый — один из лидеров одесского Евромайдана Марк Гордиенко. Еще в марте он заявил буквально следующее: «Мы перестреляем в первую очередь всех сепаратистов, мы с русскими в первую очередь воевать не будем».

https://www.youtube.com/watch?v=y1OjW85Hewk — Гордиенко дает интервью

Пойти на Куликово поле — это был именно его призыв. Призыв человека, незадолго до этого пообещавшего убивать сепаратистов.

Впоследствии Гордиенко предпочел тактично умолчать о своей роли в этом событии. В интервью «Новой газете» он заявил:

Когда восставший народ победил, у нас был общий клич идти на Куликово поле. Поэтому народ туда и пошел. А куда он должен был идти, после того как мы их на Греческой победили? Это было стихийное массовое движение. Я увидел все это и поехал еще на телевидение, чтобы рассказать, что случилось, и чтобы люди понимали, что на Куликовом будет такая вот штука.

О том, что скандировать «Куликово!» начал он сам, господин Гордиенко удачно забыл. Почему-то ему показалось важным соврать именно в этом

месте. Кстати, год спустя он вместе с другими такими же патриотами сорвал траурный митинг в память о жертвах Куликова поля.

Вторым достоверно установленным подстрекателем оказался Андрей Юсов, на тот момент руководитель одесского отделения партии Виталия Кличко «УДАР». Интересно, что упоминание этого человека как одного из организаторов движения на Куликово позднее попало в отчет комиссии Верховной Рады, но его оттуда вымарали — по настоянию нардепа «УДАР» Чернеги. Между тем Юсов не просто зазывал идти на Куликово поле, но и раздавал вполне конкретные указания: строиться по 6 человек и двигаться к лагерю.

Обратим внимание: в обоих случаях люди поначалу вовсе не выглядят целеустремленно спешащими куда-то. К этому моменту майдановцы уже считали, что победили. Однако толпу нужно было снова завести — и ее завели.

Кстати, присутствовавший на месте фотограф, давший один из самых подробных репортажей о событиях (блогер napaki.livejournal.com), прокомментировал происходившее на Соборной так:

На Соборке собирают людей, чтобы идти на Куликово поле, где находится постоянный лагерь пророссийских активистов.

Ключевое слово: «собирают». Двоих собирающих мы уже знаем по фамилиям — возможно, им помогал кто-то еще.

Это важно вот по какой причине: в случае с Греческой речь идет о встречном бое двух сторон. По крайней мере, отряд Долженкова шел к месту драки своими ногами. Но в случае с Домом Профсоюзов атаковала одна конкретная сторона. Причем речь не идет о спонтанном движении взбешенной толпы. Людей «собирают», строят в колонну по шесть, у них есть агитаторы и организаторы. Позже как минимум один из этих агитаторов врет журналисту о своей роли в происходящем. Толпа проделывает не такой уж близкий путь к цели — от Соборной и «Афины» до Дома Профсоюзов где-то полчаса пешком. За это время проходит любой аффект. Между прочим, впоследствии была опубликована любопытная запись переговоров: Игорь Болянский, помощник губернатора, звонит руководителю самообороны Майдана Дмитрию Гуменюку и предлагает тому развернуть людей на Куликово поле. Неизвестно, когда точно состоялся этот разговор. Кстати, еще один важный момент: оба уже «в теме», обсуждаются только технические детали разворота толпы на Куликово, а не сама идея.

https://www.youtube.com/watch?v=qIqLsxgqn4E&t=2s

То есть жечь Дом Профсоюзов шла не разъяренная толпа, управляемая собственным произволом, а организованная колонна под руководством конкретных людей.

Что в это время творилось на Куликовом поле? Между тремя и четырьмя часами пополудни Артем Давидченко объявил о схватке на Греческой — туда несколькими партиями отправились те, кто по каким-то причинам не пошел с самого начала. Это всего несколько десятков человек, и переломить ситуацию они, конечно, не могут. С одной из этих групп уехал как раз «Боцман»-Будько. Некоторые попали к «Афине», где уже ничего не могли изменить, многие вернулись.

На Куликовом поле царила растерянность. Предлагали разойтись, обороняться в Доме Профсоюзов (двери которого выходят непосредственно на площадь). Тем временем район Куликова поля покинули и без того малочисленные милиционеры. Начались звонки с Греческой: находившиеся там просили разбегаться и предупреждали, что идет огромная орда погромщиков.

Один из активистов характеризовал собравшихся:*Отчётливо было видно, что на Куликово поле на призыв в большинстве вышли люди, которые ничем помочь не смогут. Очень много было пожилых, до половины вообще составляли женщины. И даже те мужики, что были, были в лучшем случае вооружены какой-то палкой. И никакой защиты, было тепло и люди оделись легко.*

Депутат облсовета Вячеслав Маркин со сцены призвал женщин покинуть Куликово поле. Те отказались. Более того, были люди, прибежавшие на Куликово поле в самый последний момент, узнав, что толпа идет громить их лагерь. Люди, оказавшиеся в итоге в Доме Профсоюзов, в большинстве своем не участвовали в драке на Греческой.

Маркин. В момент, когда он уговаривал людей уйти с Куликова поля, он еще не мог знать, что самому ему остается жить часов девять.

А развязка этого дня приближалась неумолимо. После шести часов появились слухи о разгроме «Одесской дружины», и вскоре действительно появились побитые дружинники — из тех, кто сумел уйти из боя.

Большинство лидеров протеста и вернувшиеся с Греческой бойцы призывали уходить. Станислав Культа, отстоявший у «Афины» и ушедший оттуда под конец драки, вспоминал:

Начали уводить людей, потому что без огнестрельного оружия оборонять Дом Профсоюзов было невозможно. Но то ли проплаченные, то ли просто дураки начали вопить, что нужно оставаться там.

В итоге куликовцы решают запереться в Доме Профсоюзов и использовать для защиты его. Входную дверь взламывают, внутрь заносят вещи из палаточного лагеря. На площади есть еще довольно много мужчин. На входе в здание строят баррикаду из поддонов, мебели и мешков с песком. Внутри оборудуют медпункт, размещают несколько огневых точек, в

основном укомплектованных мешками камней и бутылками с горючей смесью (плюс одно или два охотничьих ружья на весь ДП, но и только).

Разгром палаточного лагеря на Куликовом поле

Давидченко уехал во время этих приготовлений, однако с куликовцами остался «боротьбист» Албу. Вообще люди вели себя очень по-разному: кто-то уходил, кто-то собирался защищаться до последней капли крови. К моменту, когда на площадь ворвалась толпа погромщиков, в Дом Профсоюзов вошло более трехсот человек. На часах было 19:20.

СМЕРТЬ В ОГНЕ

На площадь начинает вбегать толпа. Раздается крик «Все в здание!», и внутри укрываются те, кто еще находился на улице. Вовремя: орущая орда уже на подходе.

Ворвавшаяся на площадь толпа, выглядящая на расстоянии как ожившая картина зомби-апокалипсиса, принимается крушить палатки и ломать имущество. Под этот погром попали несколько человек, не успевших или не захотевших войти в здание. Один из них пытался отбиваться топором и саперной лопатой, но довольно быстро убежал.

https://www.youtube.com/watch?v=rlT0powzu7g — *«Все в здание!»*

Почти сразу первый «коктейль Молотова» летит в сторону баррикады перед лестницей.

https://www.youtube.com/watch?v=b4YvlHsnvkI

Из Дома Профсоюзов начинают бросать «коктейли Молотова» в ответ. В этот момент снимавший происходящее журналист произносит: «*Что ж они делают, теперь их точно убьют*».

Было ли поведение куликовцев полностью рациональным? Нет, не было: разумнее всего в такой ситуации — бежать. Но не понимать, как это

получилось, могут только те, кто искренне считает пророссийских активистов нанятыми титушками. Антимайдановцы действительно воспринимали свой лагерь как последний рубеж, который следует защищать любой ценой, да и не могли они представить, что их идут убивать.

https://www.youtube.com/watch?v=VV2LLWMQ178

Палатки на поле разломали и сожгли, сцену разворотили, но теперь погромщики обратили внимание на более интересную живую добычу.

На защитников баррикады обрушивается град камней и бутылок с бензином. Изнутри бросают свои «Молотовы», по крайней мере один раз стреляют из ружья, кидают камни, но это даже не капля в море: боеспособных мужчин внутри слишком мало. В конце концов баррикаду перед входом подожгли (это не отняло много времени) и куликовцы начали отходить в фойе.

В этот момент некоторые группы майдановцев через боковые двери пытаются проникнуть внутрь, но без особого энтузиазма. Сложная планировка Дома Профсоюзов мешала ориентироваться — к тому же изнутри отбивались чем могли, в том числе и бутылками с бензином. Потом пара «Молотовых», брошенных антимайдановцами прямо в здании, стала аргументом в пользу версии о самосожжении, но на деле никаких других серьезных очагов пожара кроме главного — в вестибюле — так и не нашли. Прямой штурм провалился, причем, по словам атакующих, один из них получил пулевое ранение в ногу.

Ожесточенность сопротивления куликовцев потом будут очень сильно переоценивать. Погромщики снаружи спокойно ходили в полный рост и явно не боялись пуль и камней. Фактически со стороны защитников ДП дралось совсем немного людей. Да, внутри было какое-то оружие, но стрелки явно имели мизерное количество боеприпасов — иначе толпа понесла бы хоть какие-то заметные потери.

Отступившие в вестибюль куликовцы забрасывают вход обломками мебели и деревянными поддонами, которые занесли туда еще перед боем. Пока настоящего пожара нет, но задымление все равно сильное: снаружи полыхают палатки, в одной из которых лежит баллон сжиженного газа, а бутылки с горючей смесью потоком летят в окна и двери. Снаружи палят по окнам — как минимум из травматических пистолетов. Вообще огнестрельное оружие при штурме явно применялось куда интенсивнее, чем это можно видеть на стримах с места преступления. На одной из записей не видна, но слышна интенсивная пальба — полтора десятка выстрелов, но кто в кого стрелял, понять невозможно.

https://www.youtube.com/watch?v=pfkzsFQ8-D4

В этот момент милиция и ГСЧС уже в курсе происходящего. Некоторое количество силовиков даже прибыло на площадь в самом начале пожара. Однако сожжение живых людей они пережили стоически, своеобразно

трактуя лозунг «милиция с народом». Никаких попыток нейтрализовать убийц милиционеры не предприняли. Еще удивительнее выглядит поведение пожарных. Ближайшая пожарная часть расположена менее чем в полукилометре от места действия.

Реакция на горящий Дом Профсоюзов — нулевая. «Группа 2 мая» позднее сделала достоянием гласности стенограмму переговоров между защитниками ДП и диспетчерами. Первый звонок прозвучал в 19:31, разговор достоин того, чтобы воспроизвести его целиком:

— Алло, срочно подъезжайте на Куликовое поле, палатки горят, подходит к зданию.

— К какому зданию?

— Пожалуйста, выезжайте

— А вы где находитесь?

— Где нахожусь? На Куликовом поле, пожалуйста, выезжайте (заявитель кричит)!

— Я спрашиваю, Вы стоите на открытой местности?

— Да, на открытой местности.

— Ну вот, загорелась палатка на открытой местности и больше ничему не угрожает?

— Почему Вы не выезжаете?

Впоследствии бездействию пожарных нашлось более-менее убедительное объяснение. Начальник Главного управления ГСЧС Украины в Одесской области Боделан распорядился направлять технику и людей только по его команде, а команду не подавал, по его словам, из-за того, что боевики уже захватили одну пожарную машину. Комиссия Верховной Рады и вовсе сообщает, что это не просто каприз начальника: якобы представители самообороны Майдана препятствовали пожарным и дали коридор только после переговоров.

Милиция не пыталась развести стороны и нейтрализовать погромщиков. Пожарные не ехали, несмотря на постоянно идущие вызовы.

В 19:45 следует уже по крайней мере пятый звонок в пожарную службу, и на сей раз заявитель произносит: «**В здание закинули, и оно гореть начинает… Уже Профсоюз внутри горит**».

Пожар начался в 19 часов 44 минуты. Атакующие забрасывают «коктейлями Молотова» разные комнаты на разных этажах, но основной очаг возгорания, в итоге и убивший людей — в фойе. Пожару не дают утихнуть: в двери летят все новые и новые бутылки с горючей смесью, а какой-то погромщик забрасывает в вестибюль горящую покрышку. Евромайдановец несет свой груз медленно, чуть ли не торжественно, в полный рост. Вообще поведение нападавших прекрасно показывает силу сопротивления: куликовцы смогли обратить на себя внимание, но хотя бы напугать — уже нет. По окнам стреляют — именно тогда были сделаны кадры с «сотником Миколой», палящим вверх.

https://www.youtube.com/watch?v=ZT-e_QGhHNI

7 секунда — внутрь здания вносят горящую шину

Несколько минут вестибюль понемногу разгорался. А затем произошла катастрофа.

По мнению независимого эксперта Владислава Балинского, пока разгорались двери и баррикада в вестибюле, на стенах и потолке разогревались и в итоге вскипели краска и олифа. Прогорели двери, были одно за другим выбиты окна, появилась тяга. В результате в районе центральной лестницы, сработавшей как печная труба, резко вспыхнуло

все, что вообще могло гореть. Пламя распространялось стремительно, температура у очага пожара поднялась до 600–700 градусов Цельсия. Люди, которые находились поблизости, очень быстро погибли от открытого огня — собственно, сгорели заживо в самом буквальном смысле. Другим пришлось бежать во внутренние помещения. Именно в этот момент из окон начинают прыгать: кажется, что это лучше, чем сгореть или задохнуться.

Не для всех. Упавшие получают тяжелейшие травмы, включая смертельные, но на этом их мучения не заканчиваются. К одному из них, еще живому, подбегает «активист» и принимается наносить удары палкой. Избиваемый шевелился. Что стало с этим человеком — неизвестно, но позже местный журналист Сергей Дибров, проанализировав позднейшие фотоснимки и видеозаписи, пришел к выводу, что жертва осталась жива и по крайней мере получила первую медицинскую помощь.

Из переговоров с диспетчером пожарной службы в 19:57:

— **Девушка, вы собираетесь ехать или нет?**

— **Они уже едут, сейчас будут.**— **… (рыдает в трубку), но мы сейчас сгорим…**

В этот момент у некоторых людей из толпы возобладало человеческое и они принялись помогать погибающим. Кто-то забрасывает веревку на этажи, остатки металлических конструкций сцены подтаскивают к зданию и используют как лестницу. Благодаря этой помощи с парапета второго этажа спасается достаточно много людей. Правда, внизу некоторых из них начинают избивать. Последний «коктейль Молотова» брошен в здание в 20:08. Появившиеся все-таки милиционеры оттесняют самых ретивых майдановцев. В 20:15 приезжают пожарные (400 метров они преодолевали полчаса!) и начинают снимать тех, кто еще не выпал из окон, с помощью лестниц.

Постепенно из Дома Профсоюза выводят уцелевших, которых оказывается достаточно много. Хаос сменяется более-менее упорядоченной работой пожарных и милиции. Всего из здания эвакуировали более трехсот человек. Милиция достала часть людей с крыши, других выводили из комнат, не тронутых огнем и дымом. Последние куликовцы покинули здание только утром 3 мая. Они прятались на чердаке и смогли пережить пожар.

Елена, активистка Куликова поля, обустроившая лазарет в последние минуты перед побоищем, позднее рассказывала журналистам, как ее, выбравшуюся из огня, прогнали по «коридору позора», кричали оскорбления, обыскивали на глазах у милиционеров. Вообще пожар в Доме Профсоюзов высветил странную амбивалентность поведения победителей: одни искренне — и даже с риском для себя — пытались вывести людей, которых сами только что подожгли, другие с удовольствием самоутверждались за счет обгоревших изувеченных жертв.

https://www.youtube.com/watch?v=oDF4q67GQjY&t=1s

Патриоты самоутверждаются

48 человек погибли и умерли в больницах. На Греческой — двое евромайдановцев и четверо куликовцев, на Куликовом поле — 42 куликовца.

Из погибших в Доме Профсоюзов восемь человек разбились при падении с высоты, остальные отравились угарным газом, задохнулись в дыму или погибли от ожогов. Все жертвы — граждане Украины.

За медицинской помощью обратились 247 человек, в том числе 27 — с огнестрельными ранениями.

Впоследствии пожар породил много разнообразных мифов, однако по большей части эти истории не подтвердились (в первую очередь это касается сотен погибших). В конце концов в сеть просочились даже результаты посмертной экспертизы тел — и главный сенсационный вывод состоит как раз в том, что сенсаций не случилось. Причины гибели людей в Доме Профсоюзов — это огонь и дым в том или ином варианте (открытый огонь, отравление угарным газом, дымом, продуктами горения) или падение с высоты.

Не подтвердилась информация о применении боевых отравляющих веществ. Не подтвердились также сведения об удушениях и изнасилованиях внутри здания. Честно говоря, попытка накрутить лишних

ужасов вокруг одесской трагедии только вредит делу. Погибли более сорока человек, погибли, потому что толпа закидала Дом Профсоюзов бутылками с бензином — какие дополнительные черты к портрету убийц прибавят выдуманные «устрашающие подробности»?

Тем же вечером группа украинских боевиков без лишнего шума ликвидировала небольшой лагерь на мемориале 411-й батареи.

Один из руководителей суматошной обороны Дома Профсоюзов, Алексей Албу, выжил (впоследствии он оказался в бригаде «Призрак»), другой, депутат облсовета Вячеслав Маркин, под утро умер в больнице от многочисленных переломов, полученных при прыжке из окна.

ГОРЕЛАЯ ВАТА

Реакция властей и украинского общества на события в Одессе оказалась очень характерной. Началось все со вполне откровенных заявлений одесского губернатора. Владимир Немировский уже вечером2маяобъявил у себя в фейсбуке: «Действия одесситов, направленные на нейтрализацию и задержание вооруженных террористов, считаются законными».

https://www.youtube.com/watch?v=sluWSPIcgrQ

На фоне десятков трупов такое заявление публичного политика уже звучит дико. Однако волна одобрительных и радостных выступлений украинских граждан по поводу трагедии затмила даже этот демарш. Нельзя сказать, что подобный настрой и радость по поводу происходящего разделяли все украинцы. Шок и горе от случившегося испытали очень многие, в том числе далекие от пророссийских симпатий люди. Тем не менее самой заметной и громкой оказалась именно условно-патриотическая часть украинского общества — патриоты не могли удержаться от остроумных каламбуров про «колорадских жуков, не умеющих летать», про «шашлычки на майские праздники», «копченую сотню» и тому подобные вещи.

Одесса продемонстрировала, что украинский социум не только не боится политического террора с массовыми жертвами, но и считает его

совершенно нормальным способом борьбы. Это не мелочь: идейные сторонники таких приёмов вскоре появились на Донбассе с автоматами в руках. Большинство украинцев, вероятно, сохранило человеческий облик, но у этого большинства были только благие намерения и относительно чистая совесть, а вот радикалы получили все — поддержку власти, организацию, оружие, униформу добробатов, наконец.

СМИ дополняли картину красочными подробностями. Украинский телевизор очень быстро объявил, что основная масса погибших — граждане России и Приднестровья. Сама по себе попытка оправдать линчевание российским гражданством уже хороша, однако в итоге все погибшие оказались одесситами (кроме двух человек из других областей Украины).

МВД Украины распространило такое заявление:

С верхних этажей нападающие начали забрасывать мирных граждан бутылками с зажигательной смесью и вести по ним огонь из огнестрельного оружия. В результате использования злоумышленниками «коктейлей Молотова» возник пожар, с верхних этажей пламя распространилось на значительную площадь здания и стало причиной гибели более 40 человек.

Наконец, политики высшего эшелона мгновенно нашли виновных. И.о. президента Турчинов объявил, что беспорядки в Одессе «координировались из одного центра, который находится в России», и. о. руководителя администрации президента Пашинский — что это «провокация ФСБ, чтобы отвлечь внимание от проведения антитеррористической операции», а МИД сообщил, что «трагедия была заранее спланированной и щедро проплаченной российскими спецслужбами акцией».

Официальное расследование событий в Одессе длилось годами и ни к чему не пришло. Параллельно собственные исследования вели негосударственные организации и частные лица. Наиболее детальное из них — расследование «Группы 2 мая», которая, несмотря на в целом

евромайдановские симпатии, явно влияющие на интерпретацию событий, сделала очень многое для установления фактической стороны дела.

Кроме того, заслуживает внимания результат работы комиссии Верховной Рады с особым мнением Светланы Фабрикант. Однако это, конечно, не заменит полноценного официального расследования, о ходе которого никто ещё не сказал ни одного доброго слова.

С самого начала власти Одессы как будто целенаправленно старались затруднить следствие. К утру 3 мая район Греческой был очищен силами коммунальных служб, что сразу уничтожило вещественные доказательства. Дом Профсоюзов остался на месяц открыт для свободного посещения. Публика смогла наблюдать стримы с пепелища («*Ну, это вообще Ромео и Джульетта», — это оператор добрался до трупов юноши и девушки*), а украинская власть получила возможность делать с местом преступления что угодно. Оружие, из которого 2 мая убивали людей, так и не нашли. И это всего несколько произвольно взятых примеров халатного отношения следствия к делу.

В сентябре 2015 года спецдокладчик ООН Кристоф Хайнс констатировал, что большая часть доказательств по делу о событиях 2 мая уничтожена сразу после преступления.

Помимо интересного отношения к вещественной стороне расследования, следственные органы Украины отметились своеобразным подходом к подозреваемым.

Все официальные лица, подозреваемые в преступлениях2мая, получили возможность скрыться. Руководитель ГСЧС Одесской области Боделан, чьи подчиненные игнорировали вызовы пожарных до последнего, был объявлен в розыск только в марте2016 года. Сбежал и полковник Фучеджи.

Стрелявшего по людям из охотничьего ружья активиста Евромайдана Сергея Ходияка освободили из-под стражи, причем судья взял отвод под давлением группы майдановцев во главе с нардепом Радикальной партии Украины Мосийчуком.

На свободе за недостатком доказательств остался Всеволод Гончаревский, добивавший палкой прыгавших из окон куликовцев.

Посадили несколько пророссийских активистов — их противники на свободе. При этом осенью 2015 года судьи решили позволить подозреваемым с русской стороны, в том числе Долженкову, освободиться под залог. К суду — и в сам суд — явились представители «Правого сектора», «Автомайдана» и ряда других организаций. Люди в полувоенной форме так впечатлили участников процесса, что прошения об отставке написали сразу трое судей. В итоге пророссийские активисты оказались на свободе в результате обмена пленными с Украиной на излете «минского» перемирия в ходе войны в Донбассе.

Характерно, что если украинцы что и расследовали, то только события на Греческой. От Дома Профсоюзов следствие предпочло просто отмахнуться. Так, начальник Одесского областного бюро судебно-медицинской экспертизы Григорий Кривда заявил, что сведений об избитых людях у него нет:

У нас нет данных о погибших от повреждений, нанесенных дубинами, арматурой — это тупые предметы продолговатой формы. Нам задавали такие вопросы — мы акцентировали внимание на эти вопросы. 8 человек падали с высоты, они получили тяжелейшие телесные повреждения, Маркин получил тяжелейшие телесные повреждения, но никаких повреждений, которые могли бы свидетельствовать о том, что их били, у нас нет. Сказать, что какая-то посторонняя рука или какие-то злые силы причиняли повреждения, у

нас нет оснований. И среди пострадавших, которые находятся в больнице, та же картина.

Это при том, что избиение как минимум одного человека, прыгнувшего в окно, снято на видео.

Причина пожара в изложении украинских правоохранителей укладывается в бессмертное «сами себя сожгли». «В Генпрокуратуре считают, что нет доказательств преднамеренной организации пожара в одесском Доме Профсоюзов 2 мая2014 года», — заявил первый заместитель генпрокурора Владимир Гузырь.

Осенью2015 года был опубликован отчет Международной совещательной группы Совета Европы о расследовании событий 2 мая. Он оказался просто разгромным:

МСГ считает, что в каждом из производств следственные органы не проявили должной полноты и тщательности — как на стадии возбуждения производства, так и во время дальнейшего его расследования, в результате чего общая эффективность расследований была поставлена под угрозу. (…)Хотя массовые беспорядки произошли в ходе конфликта между двумя группами активистов, которые противостояли друг другу, через год после

событий все, кроме одного из 23 подозреваемых… принадлежат к сторонникам федерализации. В*се эти подозреваемые находились под стражей, а семеро из них находятся там и по сей день с момента задержания. При этом только трое сторонников единства — другой конфликтующей группы — были уведомлены о подозрении*. *Ни к одному из них не была применена мера пресечения в виде содержания под стражей: все они были помещены под домашний арест или освобождены под личное обязательство. Когда сроки применения этих мер истекли, этим лицам не была выбрана никакая другая мера пресечения, хотя им инкриминировались, среди прочего, убийство и покушение на убийство.*

Кроме того, СЕ отметил, что расследование действий милиции вела сама милиция, пожарные бездействовали с ведома и по распоряжению главы пожарной службы, но привлечь его к ответственности невозможно, поскольку он уже скрылся, МВД сознательно фальсифицирует документы о своих действиях — ну и так далее.

Украинцы, естественно, заявили, что «аргументы СЕ льют воду на мельницу российской пропаганды».

Ну и совсем уж неожиданным оказался комментарий американского дипломата Саманты Пауэр:

Расследование серьезных преступлений во времена Майдана или в Одессе, к сожалению, натолкнулось на большие препятствия не только из-за дефицита компетенции, но и из-за нежелания привлечь к ответственности тех, кто это осуществлял.

От качества расследования одесской трагедии остаются вполне однозначные впечатления. Устанавливать истину никто не собирался, привлечь виновных к ответственности по закону уже нельзя. Вместо этого украинцы назначили козлами отпущения самих защитников Дома Профсоюзов.

Одесса — это маркер, символ политического террора: «Вообще-то людей жечь нельзя, но агентов Кремля — можно и даже нужно».

***

Оборот «Одесская Хатынь» чрезвычайно не нравится проукраинским комментаторам, но это метафора. Нас же должен интересовать другой вопрос: было ли убийство в Доме Профсоюзов умышленным?

Следов заговора с целью массового убийства мы не обнаруживаем. Даже Юсов с Гордиенко не призывали пойти и *убить* побольше народу на Куликовом. Тем более таких планов не мог вынашивать, например, Немировский, которому бойня в итоге посадила огромное кровавое пятно на пиджак. Да, новые хозяева Одессы хотели разгромить лагерь, но в таких делах очень легко перестараться и вместо нескольких разбитых голов получить гору трупов. Знали украинские лидеры, что могут погибнуть люди? Разумеется, знали, но относились к такой угрозе философски: щепки летят. Другое дело — непосредственные участники сожжения. И здесь мы не можем уйти от очевидного факта: да. Да, толпа хотела убить людей в Доме Профсоюзов. Невозможно забрасывать здание бутылками с бензином и не понимать при этом, что оно сгорит. На ДП (это подтверждает абсолютно вся доступная информация — видеозаписи, показания свидетелей) обрушился ливень из «коктейлей Молотова». Люди, которые продолжают настаивать, что здание подожгли случайно, лгут — в лучше случае другим, а в худшем себе. Мало того: спасшихся избивали, и избивали жестоко, и это тоже попало на видео. На фотографиях у большинства как минимум разбиты головы.

Толпа снаружи понимала, что люди внутри умрут, хотела этого и могла оправдаться патриотизмом, провокацией, играми политиков, чем угодно. Дом Профсоюзов — это классический случай кровопролития с чистыми руками организаторов и чистой совестью исполнителей.

«Но ведь евромайдановцы не только убивали, но и спасали людей!» — да, это правда. Важно ли это? Да, важно. Любой толпе свойственны перепады настроения, любая толпа состоит из отдельных людей, и азарт драки может сменяться естественными человеческими чувствами. Но от того, что некоторые боевики в приступе стыда подставили сгорающим людям лестницу, 42 трупа никуда не денутся.

Если бы евромайдановцы не спасали погибающих, жертв было бы больше. Если бы евромайдановцы не отправились жечь ДП, жертв не было бы вообще. Ещё раз: это целенаправленное, осмысленное действие. Победители прошли от «Афины» два-три километра. Раж прошел, они

очень хорошо понимали, что делают. Гибель людей2мая — это результат целенаправленных усилий.

Проукраинская версия событий в Одессе выглядит не просто спорной, а откровенно издевательской. Губернатор случайно обещал очистить площадь к 9 мая. В Одессе случайно оказались несколько сотен иногородних боевиков, стоявших на никому не нужных блокпостах. Потом на мирный марш случайно пришли люди из Киева, в боевой экипировке и с «Молотовыми». Затем на толпу в 2–3 тысячи человек случайно набросились 300 обезумевших самоубийц (ровно как до этого в Харькове). Милиция случайно занималась другими делами. Евромайдановцы случайно совершали сложные тактические маневры — под руководством случайно оказавшихся поблизости политиков, которые чуть раньше случайно обещали убивать сепаратистов. Затем они случайно построились в колонну по шесть и случайно пошли на Куликово поле. И, наконец, случайно забросали «Молотовыми» здание с живыми людьми внутри. Затем государство случайно забыло провести расследование и случайно не стало сажать в тюрьму людей, которые погубили сорок человек под видео с открытыми лицами и бравировали своей ролью в этом подвиге.

Случайность на случайности.

Донбассу и России одесская трагедия показала лицо врага. Дальше были и более кровавые, и более жестокие эпизоды, но они только добавляли штрихи к портрету. События в Славянске можно было трактовать как результат слабой подготовки «службовцев», стрельбу по толпе в Мариуполе — как результат сдавших нервов. Даже в самой Одессе события на Греческой еще укладывались в какую-то канву боя. Однако Дом Профсоюзов уже выходил за рамки всякой человеческой логики. Спасающихся из огня добивали палками, а потом радостно шутили шутки про шашлыки. Вскоре веселые погромщики получили в руки оружие, и это не было ни для кого секретом.

Вероятно, многие из тогдашних острословов предпочли бы радоваться менее демонстративно, если бы представляли себе результаты своего остроумия — мобилизацию донбассовцев и россиян на волне ужаса и ярости, которую породило одесское убийство.

Бессмысленно объяснять, что Одесса — это триумф озверения. Но Одесса, кроме всего прочего, показала, что идиотизм и озверение не оправдываются как стратегия, что идиотизм и озверение рикошетят по самим озверевшим. Правда, этот урок не был усвоен, и на украинской стороне предпочли отмахнуться от реальности, посчитав, что есть проблемы и поважнее, чем мнение недогоревших ватников. Беда в том, что реальность, от которой Киев так легко отмахнулся, через считаные недели начала стрелять из всех стволов. Удивительно, но никто так и не заметил прямой связи между горящими людьми в майской Одессе и горящими БМД в июльском Шахтерске. Позже украинский — и вполне патриотически настроенный — журналист Сергей Дибров с отчаянием говорил:

Почитайте хотя бы новости последней недели. В Испании задержаны граждане, которые воевали на стороне ДНР — они заявляют, что поехали в Украину после событий 2 мая в Одессе. Молодой человек из Бурятии, из Улан-Удэ, солдат-контрактник, не возражал против отправки его на Донбасс, был наводчиком танка, стрелял в украинских солдат, получил тяжелейшие ранения. Лежа в госпитале, он говорит о том, что был потрясен событиями 2 мая, и это сильно повлияло на его отношение к событиям в Украине.

В Одессе ответственность за попытку подрыва поезда взял на себя «отряд имени Вадима Папуры» — этот молодой человек погиб в Доме профсоюзов, и причины его смерти до сих пор не обнародованы.

Станислав "Гамбит" Культа - участник событий 2 мая, позднее ополченец

Артем Сущевский, когда-то житель Макеевки, уехавший в Россию, с горечью писал о бывших согражданах:

Я могу сколько угодно повторять, что нет, что далеко не все там в Украине упоротые, что большинство как были, так и остаются нормальными людьми, и говорю это я с полной уверенностью, и ничуть не кривлю душой. Одно «но» — эти нормальные люди спокойно живут с Одессой — с той самой Одессой, которой 2 мая будет два года как. А также с обстрелами Донецка — с ними они тоже как-то живут. И в целом вот с этой позорной войной они вынуждены мириться — утешая себя сказками про российское вторжение. А я вот не смогу жить с теми, кто живёт так. Пофиг как — лишь бы не с вами.

Среди ополченцев призыва 2014 года среди ответов на вопрос «Когда ты решил пойти на войну?» один из самых популярных — «После Одессы».

Пусть это прозвучит несколько риторически заостренно, но не могу не сказать в заключение.

В конечном счете, именно Одесса 2 мая сделала войну за Донбасс такой, какая она есть.

Латышево, июль 2014. Ополчение берет спецприз

29 июля 2014 года у донбасского села Латышево произошел короткий бой. Ополченцам ДНР удалось уничтожить подразделение 3-го кировоградского полка спецназа ГУР Украины. При этом событие, считай, неизвестно широкой публике в России за пределами круга любителей темы. Характерно, что в печати есть целая серия различных описаний боя с украинской стороны, но не так много — с нашей. Это белое пятно стоит подзакрасить.

23 июля 2014 года в южном Донбассе шли тяжелые бои. Украинские войска действовали в коридоре вдоль границы, который уже превратился в «южный котел». В этот день два вылетевших на штурмовку самолета Су-25 ВВС Украины были поражены в районе села Дмитровка. Хотя «базовая» версия состоит в том, что они были уничтожены из ПЗРК, штурмовики были сбиты «Панцирями», работавшими с территории России.

Как бы то ни было, два самолета были сбиты, и оба летчика катапультировались. Одним из сбитых пилотов был подполковник Юрий Шевцов. Сам он на допросе показал, что был сбит 21 июля, но это явная ошибка: допрос происходил значительно позднее, а 21 числа ВВСУ не теряли самолетов. Шевцов оказался в серой зоне: восточнее находилась

Дмитровка, занятая ополченцами, западнее — Степановка под контролем ВСУ. Вскоре он сдался в плен (показали его публике только в августе).

На поиски сбитых пилотов были направлены подразделения 3-го полка спецназа Главного управления разведки ВСУ. Одного из летчиков довольно быстро нашли — по данным со стороны ополчения, его вывезли на гражданской машине сочувствующие ВСУ. А вот с Шевцовым все обстояло интереснее.

Где он находится, на украинской стороне точно не знали. Поскольку связи не было, командиры ВСУ (конкретно командующий УСО ГШ ВСУ Назаркин) решили, что он, возможно, ранен, и решили попробовать отыскать его примерно в районе приземления.

Непосредственно командовали операцией подполковник Лысенко и капитаны Андреенко и Карпа. Всего на операцию поехали 19 человек. По данным допросов пленных, бойцы не сильно хотели выходить в район, который, как считалось, переполнен отрядами ополчения, и их стимулировали обещанием дополнительных выплат.

Схема события из украинских СМИ. Южнее российская граница (видно КПП Мариновка), севернее - городок Снежное, западнее за обрезом карты - курган Саур-Могила.

Отряд 3-го полка выехал в Латышево на двух «Уралах». Первыми, кого они застали в Латышево, были могильщики, копавшие яму. В остальном село, судя по описанию, было обезлюдевшим. В Латышево солдаты начали обыскивать дома, надеясь найти летчика. Пароль был «Шева, выходи!», а в качестве опознавательного знака пп-к Лысенко имел белую нарукавную повязку. В итоге никого не нашли и решили возвращаться. Однако судя по описанию события с украинской стороны, они заблудились в Латышево. Звучит глуповато, но на самом деле, село тянется километра на четыре с северо-запада на юго-восток, и вдобавок, вокруг овраги и отдельно стоящие дома. Пока искали, пока плутали — солдаты решили переждать до утра. На окраине села они нашли ферму и ангар, где их встретил местный бизнесмен Николай Бутрименко с рабочими.

Бутрименко

Бутрименко радушно встретил пришельцев, машины они загнали в ангар, а сам гостеприимный хозяин поехал к больной жене в Снежное. Это городок километрах в десяти на северо-запад от Латышево.

Именно Бутрименко — местного функционера «Партии регионов», впоследствии объявили зрадником, который, собственно, навел ополчение на спецназ. В реальности Бутрименко, цитирую, «он их не сдавал, он себя повел классически для „регионала“, забрал семью и свалил. Поэтому зимой с чистой совестью поехал на Украину за пенсией и там был арестован».

Однако два «Урала» с солдатами, которые весь день разъезжали по окрестностям немаленького села, в любом случае были приметной целью, и кому сообщить о них, нашлось и без Бутрименко.

Похоже, что ополченцев на бой со «спецпризом» собирали из разных групп. «*Приехала машина собирать желающих на горячее дело. Мы выехали на Латышево — я и мой командир*», — рассказывал ополченец Артем Дьяченко. Основу отряда составила группа Семеновского батальона, бойцы, недавно приехавшие из Славянска.

Участник боя в Латышево Артем Дьяченко, позывной Погранец, фотографируется на фоне обломков украинского штурмовика. Он ушел с действительной службы после тяжелого ранения у аэропорта Донецка и осел в Перми, где живет и теперь

Все это происходило под вечер. Ополченцы собрали отряд в несколько десятков человек и даже небольшую бронегруппу — 1 БМП и 1 БТР.

Солдаты тем временем выставили четыре поста по одному человеку и готовились вкушать ужин. Обзор с самой фермы был плохой, а часовые, увидев подъезжающий отряд, скрылись.

Для командования операции это, конечно, странное решение. Спецназ занял позицию, с которой ничего не было видно, перед этим несколько часов разъезжая по селу открыто и чуть ли не с флагами.

В итоге солдаты спецназа обнаружили, что у них проблемы, буквально в момент, когда БМП семеновцев подъехала прямо к ферме. Кто-то из ополченцев крикнул «Вы кто такие? Выходите!» — после чего повстанцы спешились — и началась стрельба.

Вначале украм предложили сдаться, один даже вышел, сдался, а потом нервы у них не выдержали, и они на двух «Уралах» решили вырваться — рассказывал семеновец Артем Дьяченко.

Вышедшим был спецназовец с позывным Малой. Он столкнулся с группой ополченцев на дистанции метров в 15, те сказали «Поднимай руки» — и он, собственно, поднял.

Дальнейший бой выглядел суматошно и полностью неудачно для ВСУ. Ополченцы имели перевес в огневой мощи даже сами по себе, но вдобавок, у них были пушка БМП и крупнокалиберный пулемет БТР. Часть солдат пыталась прорваться на грузовике, выбив двери ангара, но их просто превратили в сито. Здание, где укрывались «*службовцы*», начало гореть. В итоге украинские солдаты, кто был на ногах, крикнули, что они сдаются, и тех, кто был жив к тому моменту, по одному вывели из здания.

Утро после боя, иссеченный пулями грузовик украинских военных. Вокруг машины подобрали несколько тел убитых солдат.

Бой длился буквально от нескольких минут до получаса. В результате у украинцев было убито восемь человек на месте, включая подполковника Лысенко и капитана Андреенко. Двое (капитан Карпа и отрядный снайпер) умерли от ран в больнице Снежного через некоторое время. В украинской печати для вящего драматизма писали, что снайпера убили на месте «разозленные потерями боевики», но даже в книге памяти АТО указано, что оба умерли от ранений, полученных в бою. А уж версия о «найманцах и сепарах», разозленных высокими потерями, полностью несостоятельна — у Семеновского отряда в результате боя было двое неопасно раненых. С украинской стороны уцелели четверо часовых, которые благополучно ушли — до занятой ВСУ Степановки было всего 4 км по прямой.

Вскоре после боя, санитар ополченцев обрабатывает лицо украинскому солдату, которому, видимо, съездили по физиономии при захвате. У бойца, который похлопывает по плечу пленного, перевязана рука - видимо, это один из двух раненых.

Пленных позднее выменяли по формуле 25×25. Семеновский батальон ополчения воевал на южном направлении, и продолжал это делать весь «минский» период. Для 3-го полка спецназа Украины этот бой стал одним из наиболее тяжелых поражений — вообще, за лето 2014 погибли более тридцати солдат полка.

Ну, а самой нелепой оказалась судьба Николая Бутрименко, на чьей ферме и произошла вся драма. Он был арестован в 2016 году, признан виновным в «финансировании терроризма», а заодно его подтянули и к делу об уничтожении группы спецназа. По неофициальным данным, его сын потратил немало денег по обе стороны фронта, чтобы родителя включили в списки на обмен — и в декабре 2019 года он был благополучно выменян на КПП Майорск у Горловки. В общем-то, он посидел в тюрьме и лишился фермы просто из-за того, что подполковник Лысенко принял решение у него переночевать.

Но тот уже на том свете - и упреков не принимает.

Стальные могилы. Осень 2014, битва на Бахмутке

Осенью 2014 года самым раскрученным в медиа местом Донбасса был аэропорт Донецка. Однако при всей драматичности происходивших там событий, бои шли не только в развалинах терминалов. В октябре 2014 года развернулось первое в серии небольших, но упорных сражений на линии «номерных блокпостов» по Бахмутской трассе. В результате продлившихся две недели боев и стычек ополчение овладело блокпостом № 32 и позициями вокруг села Смелое. Эта маленькая кампания сама по себе достаточно любопытна, чтобы рассказать о ней отдельно. В сети есть довольно подробное описание событий с украинской точки зрения (Д.

Путята, «Железяка! Я скотина! История битвы за 32-й блокпост», оригинал на цензор.нет), но оно не лишено неточностей, и естественно, страдает нехваткой данных со стороны ополчения. Правда, белые пятна в этой маленькой эпопее все равно остаются.

Злая Бахмутка

Осенью 2014 года война в Донбассе может быть описана оборотом «схватка инвалидов». С одной стороны, Вооруженные силы Украины были жестоко избиты в летней кампании операциями ополчения и российских войск. Формально потери вряд ли достигали хотя бы 10% от численности находящихся в зоне боевых действий сил. Однако фактически из строя выбыло в первую очередь множество солдат и офицеров, воюющих в первой линии (и имеющих достаточно боевого духа для этого), техника была выбита в боях или потеряна по техническим причинам, многие оставшиеся солдаты и офицеры были деморализованы и воевать не хотели. С другой стороны, ополчение по-прежнему представляло собой мешанину партизанских отрядов, очень разного уровня боеспособности, выучки, боевого духа и в основном — не особенно хорошо оснащенных. Обе стороны располагали не слишком многочисленными силами для такого достаточно длинного фронта. Однако бои продолжались.

Осень 2014 года, боец осаждавшего 32 блокпост отряда «Хулиган» Михаил Лаптев. Во время боев он будет тяжело ранен и лишится ноги.

В Луганской области фронт после боев летней кампании проходил вдоль Бахмутской трассы. Если вы при этих словах представили что-то капитальное, то придется слегка разочаровать — это просто асфальтовая автодорога по одной-две полосе в каждую сторону, ведущая из Луганска на запад-северо-запад в общем направлении на Лисичанск. К северу от нее (и, в общем, параллельно ей) течет река Северский Донец. Около городка Славяносербск река резко сворачивает на юг (затем снова на восток) и подходит ближе к автодороге. Сам Славяносербск стоит за отворотом от Бахмутки на север.

Вообще в целом фронт шел, соответственно, с запада на восток, а украинские позиции размещались на самой автотрассе по линии так

называемых «номерных блокпостов». В конце августа/начале сентября ополченцы заняли Славяносербск. Теперь крайней позицией ВСУ стал блокпост № 32. Он и будет ключевой точкой нашей истории.

Фактически, это был ротный опорный пункт. Стоял он на юго-запад от Славяносербска на перекрестке, строго на юг (примерно 800-900 метров) от села Смелое. Гарнизон 32 БП насчитывал плюс-минус сто человек. Поначалу это были «беркуты» то ли из Харькова, то ли из Днепропетровска, но 4–5 октября состав обновился (и именно новый отряд участвовал в боях далее). Теперь гарнизон состоял в основном из людей винницкого полка нацгвардии (другая часть — из 80-й аэромобильной бригады, ппд — Львов). На блокпосту имелись станковый гранатомет, противотанковая установка «Фагот» и несколько бронетранспортеров с автоматическими пушками и крупнокалиберными пулеметами, а также АГСы. Блокпостом, по украинским данным, командовал подполковник Дмитрий Семак, весной и летом воевавший под Славянском. Снаружи перформансом руководил полковник Владимир Миронюк, командующий сектором «А». Репутация Миронюка в украинских вооруженных силах довольно неоднозначна, этого командира обвиняли в некомпетентности и проблемах с алкоголем. Что не помешало ему дорасти до генерала и продолжать службу по сей день.

Общая карта из украинской прессы. Белые кружочки — украинская техника, подбитая в ходе боев. На восток — дорога на Луганск, чуть-чуть на северо-восток — Славяносербск, на запад — тыловой 31-й блокпост

Несколько недель в этом районе не было крупных боев. Более того, на фоне объявленного Минского перемирия солдаты расслабились и чуть ли не в футбол с ополченцами играли. Между позициями ополчения и «Збройных сил» оставалась обширная нейтральная зона, включавшая населенные пункты и широкие лесополосы, нейтралка кое-где доходила до нескольких километров.

При этом 32-й блокпост уже находился в довольно неустойчивом положении. Позиции ополченцев охватывали его под прямым углом. Славяносербск находился в нескольких километрах к северо-востоку, а восточнее, южнее и даже западнее располагались блокпосты ополчения.

На довольно существенном расстоянии — что, видимо, и расслабило «службовцев». Единственной связью с тылом была, собственно, Бахмутка, ближайшая позиция на которой, блокпост № 31 — находилась в 9 километрах в тылу. Севернее до самого Донца простиралась маленькая «страна чудес» примерно в 60 квадратных километров, которую не контролировал вообще никто.

Ополченцы в районе Бахмутки

Рельеф в этих краях довольно специфический. Донбасс — очень сильно урбанизированный регион, и южнее, в шахтерском краю, можно проехать из Луганска в Донецк, почти не покидая городов. Но как раз на Бахмутке — сплошные сельские пейзажи. Местность ровная почти как стол, даже знаменитых донбасских терриконов мало. Однако вся эта равнина пересечена узкими длинными лесопосадками. Лесополосы сплошь и рядом тянутся на несколько километров, при этом их ширина может не превышать нескольких десятков метров. Поэтому обзор там не такой уж прекрасный, как можно подумать — мешают эти самые лесопосадки. Причем одна из крупных лесополос, размером примерно километр на 200 метров — находится ровно в тылу у 32-го бп, примерно в 1-1,3 км на запад от перекрестка, где стоял блокпост, и обрывается только у самой дороги.

Гранатометчик ополчения Александр Ануфриенко, осень 2015 года, район 32 БП.

Ключевым командиром ЛНР в этом секторе был Владимир Цвях (позывной «Комбат»), не слишком широко известный, но значимый участник этой войны. Ему уже было хорошо за 40. До войны его армейский опыт был невелик — срочная служба десантником в Группе советских войск в Германии. Позднее он работал водителем. В ополчение Цвях вступил еще в апреле 2014 года, и на момент описываемых событий по разным данным числился то ли командиром роты, то ли начштаба батальона (один из бойцов его запомнил как «*замкомбата с позывным Комбат*»). Хотя он не имел систематического военного образования,

командовал он, по словам сослуживцев, адекватно, и в целом был здравомыслящий, храбрый и не заносчивый боец.

Служившие под его началом солдаты вспоминали Цвяха тепло (говорю по личному опыту общения с его подчиненными), и в 2017 году, когда он погиб на передовой, подорвавшись на мине, многие горевали.

Более общее руководство осуществлял Денис Кудрин, позывной «Хулиган». Собственно, отряд ополчения у 32-го бп неформально именно так тогда и назывался, «Хулиганы». Кудрин до войны служил в Российской армии офицером, причем, что интересно, в РВСН. Каким манером ракетчик оказался на Донбассе, Бог знает, но в общем, на осень 2014 он руководил отрядом под Луганском. По словам служивших под его началом, это был грамотный командир, лично храбрый и распорядительный, хотя склонный к атаманщине — впрочем, анархизмом в ЛНР выделиться было невозможно. После зимней кампании 2015 года он уехал в Россию, поссорившись с лидерами ЛНР — весьма, как показали дальнейшие события, разумно.

Цвях

Надо заметить, подразделения ополченцев в этом секторе не были ни раскрученными в прессе, ни какими-то сверхординарно обожаемыми командованием и «военторгом» — снабжением из России, а их техническое оснащение не отличалось разнообразием и богатством.

Денис Кудрин, несколько позднее

Численность ополченцев в этом секторе доподлинно неизвестна. Украинская сторона широким жестом «выдает» Цвяху и Кудрину толпу в 300 штыков, несколько танков плюс тяжелая артиллерия и минометы. Со стороны ополчения мелькают цифры всего в 60 бойцов. Истина, как обычно, должна лежать где-то посередине, но на мой взгляд, возможно,

неверный, ближе к реальности все же данные ополчения, по крайней мере, если говорить о начальном этапе боев. Дело вот в чем. 32-й блокпост, как ни крути, это легкие полевые укрепления. Вдобавок, этот опорник имел мало противотанкового оружия (по сути, 1 «сапог» — станковый гранатомет СПГ-9, и 1 противотанковый комплекс «Фагот»). Вдобавок, все это располагалось на открытой местности, вне населенных пунктов, так что попасть по нему из пушки не было какой-то невероятно сложной задачей.

Заявленные со стороны ВСУ гаубицы и танки ополчения должны были этот опорник разнести довольно быстро и полностью. Для сравнения, несколько месяцев спустя опорные пункты «Кривбасса» под Дебальцево, которые действительно штурмовали танками и увещевали артой, довольно быстро потеряли способность сопротивляться и сдались. Вдобавок, как мы увидим ниже, ополченцы действительно активно использовали минометы и ПТРК, но вот никакие танки и гаубицы в самые ответственные моменты «почему-то» себя не проявляли. Скорее всего, если тяжелая техника у ополченцев и имелась, то по принципу «*у нас было три танка, один ездил, один стрелял, у одного был экипаж, так что сам считай, сколько у нас действительно было танков*». Что, как не дадут соврать ветераны с обеих сторон, тоже бывало сплошь и рядом. Что касается численности активных штыков, то тут все тоже сложно — например, один взвод, чтобы прикрыть северный фланг у Сокольников, ополченцы выкроили только к самому концу эпопеи. Да и вообще, блокада 32-го бп всегда напоминала тришкин кафтан, что очень явно проявится во время боев. Характерно, что попыток развалить оборону блокпоста грубой силой было предпринято ровно ноль, то есть, позиция, которую обороняли около сотни человек — это уже был такой редут, который Цвях и Кудрин штурмовать категорически не хотели. Так что, похоже, и с живой силой, и с техникой на стороне ЛНРовцев все было туго.

Довоенная фотография, вид с холмика к северо-западу от Смелого на юг. Вряд ли фотограф подозревал, что делает снимок будущего поля битвы.

Поворот не туда. Бои 13–15 октября

Кудрин на Бахмутке

Во время перемирия Цвях пришел на 32-й блокпост и сообщил, что построит блокпост в 200-300 метрах от украинских позиций. Вялые возражения он отмел, и ополченцы начали возводить свою фортецию перед украинскими позициями. Одновременно разведчики из его отряда посетили Смелое — чуть к западу от Славяносербска и менее километра на север от 32-го — и обнаружили, что у ВСУ там никого нет. В Смелое вошли ополченцы. Так буднично, под стук лопат, начала разворачиваться драма. Дело, собственно, в той самой лесополосе, которая идет от Смелого в тыл блокпосту. Если до сих пор положение нацгвардейцев на блокпосту было тревожным, то теперь, когда ополченцы сидели в Смелом, 32-й бп стал выглядеть невероятно виктимно — в тыл ему можно было за 15-20 минут неспешно выйти пешком, и незаметно пробраться прямо до самой дороги. С блокпоста робко пытались возражать, но Цвях заявил, что тут наша земля, и он ни у кого разрешения спрашивать не будет, а если товарищи беркуты волнуются за возможность свободного посещения сельпо, то пожалуйста, сколько угодно. Довод насчет сельпо возымел эффект. В наше время в украинской прессе по поводу этих событий можно прочесть поразительные истории, что «*просачивание боевиков в окрестности 32-го блокпоста это чистой воды специальные действия*». Если у этой спецоперации было красивое название, то наверное оно звучало как «Васька слушает да ест».

Фото с беспилотника, уже после боев. Справа — Лес чудес, выводящий от Смелого в тыл 32-му БП, а по центру, собственно, Бахмутка

В таком положении ополченцы и службовцы дожили до 5 октября, когда покладистые беркуты убыли по ротации, а на блокпост № 32 приехали солдаты из Винницы. Эти мириться не хотели, Цвяха

обозвали *найманцем* и дали понять, что нонеча не давеча, и братаний больше не будет. Ну, война, значит война.

В ночь 13 октября отряд ополченцев вышел из Смелого и укрепился в лесополосе в тылу у блокпоста. Это было небольшое, но неплохо оснащенное подразделение с «Фаготом». Противотанкистами командовал отпускник, недавний старший лейтенант Российской армии двадцативосьмилетний Евгений Трундаев, служивший в 200-й бригаде (Заполярье), в качестве «кадрового усиления».

Евгений Трундаев

13 числа разведгруппа 80-й оаэмбр попыталась изучить окрестности Смелого, была обстреляна и отошла. В этот момент на 32-м посту поняли, что они находятся в окружении. Этот «котелок» сам по себе был довольно крепким орешком для легко вооруженных ополченцев: только АГС-17 на нем имелось пять штук. Однако по дороге теперь было просто так не проехать.

14 октября майор Боженко, командир батальона из винницкого полка НГУ, отправился на разведку к 32-му блокпосту. В сторону поста выехала маленькая колонна из БМП-2 и БТРа. И пошло.

Около «леса чудес» БМП почти в упор подбили из РПГ. БТР с Боженко галопом пронесся мимо и попытался начать маневр. В этот момент в башню БТР прилетает ракета «Фагота». Двоих солдат и лейтенанта убило, остальные выскочили и начали отстреливаться. Со стороны 32-го БП выехали три БТРа широким фронтом. В центральный тут же попали — из того же самого «Фагота». Командовавшему этой группой старлею оторвало ногу снаружи машины ВОГом из подствольника.

Украинский БТР, подбитый 14 октября

Надо отдать должное экипажу другого БТР — этот собрал нескольких раненых и здоровых вдоль дороги, маневрируя южнее трассы. Там вдоль всей дороги между 32 БП и «лесом чудес» идет очередная лесополоска, которая, видимо, его и прикрыла. Между тем, уже под вечер в эту бучу

въехали совсем уж удивительные люди — представители ОБСЕ. Комбат нацгвардейцев, лежавший где-то в посадках, вопросил, могут ли они ему помочь, ОБСЕшники ответили, что сейчас приведут помощь. Привели они ополченцев. В плен попали три человека, включая, собственно, майора — командира батальона. Боженко лежал в больнице Луганска. По возвращении из плена он рассказывал всякие потрясающие истории про то, как у каждых дверей дежурили чеченцы, и как он ничего не боялся, особенно расстрела. Боженко, по его словам, выменяли на какие-то редкие лекарства, с которыми в ЛНР были проблемы.

Боженко (в бороде) отпущенный из плена

В общем, итоги первого дня боев за 32-й блокпост выглядели для ВСУ не очень вдохновляюще. Три боевых машины потеряны, трое убито, трое, включая майора, в плену. Еще у одного офицера нет ноги (его вывезли гражданской машиной, выжил). Один из солдат позднее бранился: «*Боженко в плен попал так же тупо, как и мы прорывались. Он человек военный, но служил, когда еще войны не было. Он, как Чапаев, махнул рукой и давай! Без разведки… Хотя и докладывали им, что там „друзья“ наши сидят, ждут мишеней*». При этом у ополчения потерь в тот день, похоже, не было. Опять же, если кто-то что-то может дополнить на эту тему, пускай сообщит.

Однако командование на украинской стороне оптимизма не потеряло. Интересно, что в украинской версии событий (помянутый выше Путята) дальнейшие события описаны так: «*…были привлечены разведчики 8 опСпН для выявления позиций НВФ в данном районе. Разведчики отработали на отлично и доставили нужную информацию в штаб*».

Какую именно нужную информацию доставили разведчики, понять трудно, потому что план атаки на следующий день выглядел точно так же, только на сей раз привлекли иной набор техники. Вообще, на украинской стороне царила неразбериха, где находятся ополченцы, атакующие

понимали очень приблизительно. Правда, на сей раз ВСУ приуготовили действительно серьезный аргумент — танки. Всего атаковали два танка Т-64 и БМП. Поскольку одной БМП с десантом было явно мало, к делу подтянули отряд добровольческого батальона «Айдар» во главе с ротным командиром Александром Пискижовым. Айдаровцы придали неповторимый колорит наступлению — кроме четырех десятков пехотинцев на автомашинах они взяли красный внедорожник «Мицубиси» с АГС-17.

Айдаровцы перед выходом к 32-му бп, слева тот самый красный «Мицубиси»

По украинским данным, на сей раз по ополченцам стреляла какая-то артиллерия со стороны ВСУ, но она, судя по всему, отработала в космос. Ни в посадках, ни в Славяносербске, ни в Смелом она никого не поразила, хотя насыпали, по словам жителей, усердно. Кстати, замечу, что на видео с мест довольно много ополченцев, если не стоящих в полный рост, то сидящих в очень скромных окопах, едва по колено глубиной. Местами за людей просто страшно, потому что среднестатистический кот в туалете проделывает более серьезные работы по полевой фортификации. Правду сказать, это не везде и не всегда было так, на некоторых участках вокруг 32-го БП (особенно южнее) не то что наши, а ВСУ описывали как раз неплохо устроенные окопы, и многие позиции, судя по видео, действительно были неплохо укреплены — и чем дальше, тем лучше. Но я, собственно, веду это к тому, что артподдержка у ВСУ была поставлена из рук вон плохо — в основном артиллеристы не попадали даже примерно по позициям. Иначе была бы трагедия.

БМП ВСУ, уничтоженная 15 октября

В итоге с легким транспортом атакующих получилось примерно то же, что в прошлый раз. Только теперь это были даже не БТР, а автомобили. Началось с того, что красный «Мицубиси» подорвался на мине. Еще одну машину, ушедшую вперед, посекли из стрелкового оружия. Поскольку все это происходило неподалеку от позиций ополченцев, те вышли к дороге и подавили сопротивление оставшихся. Семеро айдаровцев попали в плен (почти все — раненые). Якобы при этом убили двоих ополченцев (одного

будто бы застрелил из пистолета лично Пискижов), но похоже, это просто попытка нагнать пафоса. Пленные, по словам ополченцев, хором заявили, что служили водителями (Как позднее острил один из бойцов, «*Мы прямо автобат какой-то захватили*»). Оставшиеся айдаровцы на последней машине уехали назад, причем эта машина доковыляла до 31-го бп только потому, что ВОГ, который на прощание вколотили в нее ополченцы, не взорвался. В итоге у «Айдара» за день — трое убитых, семь пленных. Один из пленных был взят с тяжелым ранением и вскоре умер, а с их командиром, Пискижовым, получилась совсем отдельная история. О ней чуть ниже.

Пока шел стрелковый бой с айдаровцами, Трундаев и птуристы собирали дань с украинской бронетехники. Они всадили ПТУР в один из танков, экипаж разбежался. Одновременно гранатометчики на сдачу подбили еще и БМП. Во второй танк попали тоже, машина начала гореть, и птуристы решили, что с ним закончено. Однако повреждения оказались не фатальными, а у экипажа включился режим берсерка. Этот танк начал ломиться по прямой к 32-му бп, стреляя во все подряд. Один из выстрелов накрыл позицию противотанкистов. Евгений Трундаев был убит наповал осколком в голову. С ним погибли Василий Жуков и Геннадий Королев (оба — добровольцы из Свердловской области). Это была самая тяжелая потеря ополченцев в тот день и вообще за все бои вокруг 32-го БП. В марте 2015 года Трундаев был посмертно награжден «Золотой звездой» Героя России, причем тогда так и не опубликовали ни в каких официальных источниках, за что именно.

Разнесенный вдребезги танк, убивший Трундаева и его товарищей. Второй танк и, наконец, процесс распиливания первого.

Танк, разбивший позицию птуристов, понесся дальше, сгоряча проскочил, собственно, 32-й блокпост, и был сожжен сосредоточенным огнем гранатометов уже восточнее. Экипаж попал в плен в полном составе, но интересно, что им ничего не сделали. Однако гибель «Женьки-птурщика» стала роковой для другого человека. Пленных айдаровцев, в том числе

ротного командира Пискижова, конвоировал друг Трундаева, еще один свердловчанин в этой истории, Максим Видецких. Узнав о гибели противотанкиста, он прикладом проломил Пискижову голову, а затем дострелил. С другими пленными таких эксцессов уже не было.

Еще одну потерю ополченцев в тот день можно назвать «условно-боевой». Сергей Казаченко, пятидесятитрехлетний боец из Ясеновского (поселок на северо-восток от Антрацита) умер от сердечного приступа прямо во время боя.

Пискижов

Так завершился этот день кровавый. У ополченцев четверо погибших, у украинцев — просто катастрофа: пятеро убитых, 10 пленных (на самом деле, семь и восемь соответственно), сожжены два танка, БМП (якобы где-то еще спалили БТР 80-й оаэмбр) и плюс три автомобиля в хлам. Бахмутка у «леса чудес» была забита сгоревшей техникой. Некоторые украинские военные еще некоторое время плутали по лесам, боясь наткнуться на ополченцев.

Курская дуга на минималках. Прорыв 19 октября

После этого провала на украинской стороне решили гулять на все. К делу привлекли целую россыпь частей общей силой в три роты, не считая отдельных более мелких групп. Для прорыва сняли даже одну РТГ с Донецкого аэропорта. На сей раз Миронюк разработал план, не лишенный даже некоторой дерзости и креатива. Две группы должны были атаковать в лоб, а третья — обойти позиции ополченцев через посадки с юга и прорваться с грузом на блокпост. Проводка грузовиков была существенной важности задачей — на 32-м бп не было даже питьевой воды. Новое наступление назначили на 19 число.

Однако за это время ополченцы успели даже оборудовать местность в инженерном отношении — проще говоря, окопчиков нарыли и мин наставили. И даже, похоже, к этим минным заграждениям пристрелялись. Кроме того, в окрестностях 32-го БП находились свежие части, в частности, одну из позиций занимали люди из «Бэтмена». Бэтмены заочно показали

айдаровцам, что те жалкие подражатели: их тачанкой были «Жигули-копейка» со знаком «водитель-инвалид» и СПГ-9 на крыше. Южнее Смелого находились позиции небольшого отряда батальона св. Георгия. Как бы то ни было, на сей раз вокруг БП-32 стояло больше людей с тяжелым оружием, а наиболее вероятные места прорыва были минированы.

Однако и накат на сей раз был очень мощным.

Первая группа ВСУ на семи БМП атаковала севернее «леса чудес», там, где находился небольшой отряд «бэтменов» из группы «Патриот». Для северного фланга ВСУ все прошло умеренно скверно. Одна из БМП, со смелой надписью «ПТН ПНХ», подорвалась на фугасе, собранном из двух противотанковых мин, другую подбили из гранатомета, еще одна боевая машина пострадала не совсем типичным образом — ее вывело из строя прямое попадание упавшей на крышу артиллерийской мины. В конечном счете, этот отряд понес ощутимые потери от огня минометов, вдобавок, их обработала собственная арта. Отряд отступил, унося аж 18 раненых. Убитых у них не было, что можно рассматривать как редкое везение. В укр-нете сообщается о тяжелых потерях ополченцев, но опять-таки, найти что-то в открытых источниках не удалось. Скажем прямо, вряд ли «власти скрывают», в этой атаке участвовали малоопытные солдаты, и скорее можно предположить, что они блестяще палили в молоко.

Подорвавшаяся на мине БМП «ПТН ПНХ»

Центральная группа атаковала по все той же главной дороге. Идея в третий раз поехать там же, где шли первые два, не может быть названа здравой. Во-перых, Бахмутка была уставлена техникой, подбитой ранее, так что эти остовы просто затрудняли проезд. К тому же, разумеется, теперь по трассе был насажен прелестный садик всяческих взрывных устройств. Разумеется, все прошло именно так, как должно было. Единственный танк атакующих подорвался на фугасе, а «Фаготом» у ополченцев владел не только покойный Трундаев. Легкой технике ВСУ устроили третье по счету избиение — бойцы Цвяха здраво рассудили, что раз что-то произошло дважды, это произойдет и в третий раз, и стянули к

дороге все, что у них было противотанкового. В итоге на дороге осталось несколько БМП и БТР, танк, убитые и раненые. Exitus.

Танк, разбитый 19 числа, перед выходом на бой - и после

Однако под эту сурдинку к блокпосту прорвалась третья группа. Она была самой слабой численно, из брони она располагала только пятью БТР, и вдобавок, была отягощена грузовиками с водой, продовольствием и боеприпасами. Однако на сей раз украинцы действовали довольно творчески. Третья колонна сманеврировала южнее основного поля боя и выехала к блокпосту не с запада, а, собственно, с юга. Часть машин была повреждена, из простреленной водовозки медленно утекала вода, но факт есть факт — груз был доставлен.

Солдат ВСУ с трофейным противотанковым ружьем, захваченным 19 числа

Надо сказать, что при описании атаки этого отряда украинские авторы пускаются в эпику. Сожженный танк, уничтоженные ДЗОТы, огромные трофеи, горы трупов. На практике у ополчения за 19 октября вокруг 32 блокпоста известно по именам двое убитых (с учетом всех участков). Это Юрий Стеценко и Артем Шарапов, оба из поселков Луганской области, оба служили в разведвзводе «Хулигана». Стеценко был своего рода эталонным ополченцем — весной 2014 года он ушел на войну прямо из шахты. Собственно, и всё. Конечно, были раненые, но я честно пытался отыскать упоминания о других погибших — и без успеха. Осторожно предположу, что может быть, я просто не смог найти имена и фамилии других ополченцев, погибших в этих боях.

Юрий Стеценко

Однако здесь можно только вопросить, почему эти двое известны, а больше — никто. Пока можно предположить вот что. ВСУ атаковали позиции, на которых их уже давно ждали, четко знали, где ожидать крупной атаки (и ведь не обманулись). Поэтому и потери у ополченцев в

итоге оказались невелики. Прорвалась из всех — наиболее слабая группа, которой, судя по всему, оказали меньше всего сопротивления.

В конечном итоге «террористы и найманцы» все же обычно знают, кто из них погиб, и если бы под 32-м блокпостом остались десятки ополченцев, на чем настаивает украинская сторона, это обсуждалось бы хотя бы неофициально. В общем, если кому-то известны имена других павших под бп № 32 19 октября (и не 19 тоже) — готов выслушать. Но в целом, пока что заявки украинских военных на блестящие боевые результаты выглядят как попытка подсластить пилюлю после тяжелейших потерь. Насчет уничтожения танка ополчения — не удалось найти ни одного фото, где этот танк горит или стоит подбитым, хотя в рядах ВСУ имелся как минимум один фотограф, снявший ополченский блиндаж, сами ополчи любят фотографироваться не только с чужой, но и со своей подбитой техникой, а журналистов на Бахмутке несколько дней спустя побывало много, так что этот танк, будь он правда подбит, пожалуй, уже отсняли бы в сорока ракурсах.

Дополнение. По словам участника событий, отряд «Св. Георгия» на юге потерял одного человека смертельно раненным пулей. Еще один боец того же отряда подорвался на мине уже после всех боев, во время разминирования окрестностей 32-го бп.

ВСУ потеряли за день 7 человек убитыми, 35 ранеными, из строя вышли 7 БМП/БТР из 18 участвовавших, единственный танк и два автомобиля. При этом, формальная задача дня была выполнена — машины с грузами приехали на 32-й блокпост. С другой — терять такую прорву людей и техники ради каждой проводки цистерны с водой было бы безумным расточительством даже по меркам ВСУ. Кстати, насколько можно судить, военные смогли не только проехать на блокпост, но и выехать с него — и их даже не обстреляли толком на обратном пути. Это к вопросу о тьмочисленных ратях у Цвяха — похоже, на то, чтобы поставить с юга хотя бы какой-то заслон, у него просто не было людей.

В стороне от трассы. Сокольники

Пока шли бои непосредственно перед Смелым, некоторые события происходили на северном фланге — в районе села Сокольники. Дело в том, что после занятия Смелого и Славяносербска между позициями сторон осталась обширная «серая зона» севернее. Северский Донец в этом месте делает изгиб — река течет почти строго с запада на восток, а у Славяносербска и Трехизбенки резко сворачивает на юг.

Южнее Смелого ближайшей украинской позицией был, собственно, 32-й бп, а вот севернее «службовцы» уже после генерального штурма, 20 числа, окопались в Крымском, т. е., с севера на юг примерно на той же линии, что и 31-й бп. То есть, получался прямоугольник примерно 9×6 км, не занятый никем. Северную (длинную) и восточную стороны этого прямоугольника образовывали берега Донца, западную — позиции украинских войск, южную — Бахмутка. К северу, за Донцом, начинается довольно крупная полоса лесов, идущая аж до Лисичанска. В северо-западном углу этого прямоугольника находится село Сокольники (170 дворов и 327 жителей до войны, в настоящий момент — одна старушка и кот). Около Сокольников был небольшой мост через Донец, в настоящий момент он взорван.

В общем, Сокольники были тихим местом, такая сельская пастораль на берегах Донца. Война здесь началась 21 октября, когда «службовцы» устроили какой-то странный набег на село. По украинским данным, его вели части полицейского батальона «Луганск-1» и частей нацгвардии «Омега» и «Ягуар». В реляциях фигурирует эпическая баталия, в которой погибло более 40 *ватников*. В реальности ополченцев в селе не нашли, и ограничились прочесыванием. В Сокольниках украинские военные расстреляли двух гражданских лиц — пенсионерку Ирину Пащенко и шофера Сергея Вольвака. Причиной стало участие этих людей в организации референдума в мае 2014 года.

Ирина Пащенко, Сергей Вольвак

Интересно, что украинские официальные лица признали факт именно убийства. Правда, губернатор Г. Москаль заявил, что это сделали

переодетые украинскими солдатами ополченцы. Проблема в том, что одновременно украинские силовики с гордостью сообщили, что в день убийства проводили в Сокольниках зачистку. Военный смысл этого великого похода был строго нулевым, сражаться было не с кем, никакой попытки закрепиться там ВСУ не сделали, так что вскоре туда вошли уже ополченцы.

Несколько дней спустя, 29 октября ВСУ (на сей раз десантники) повторили набег (может быть, как раз и попытались уже занять село прочно), но теперь их ждали. Завязался бой, в селе из противотанковых гранатометов сожгли два из въехавших туда БТР.

Оператор-наводчик одной из машин, Евгений Геш, до сих пор числится пропавшим без вести, что в конкретных условиях смело можно читать как «тело полностью сгорело». Еще несколько солдат были ранены, и «службовцы» отступили. Отряд ополченцев в Сокольниках был маленьким, и собственно, неясно, имелся ли вообще на тот момент в селе постоянный гарнизон. Но после боя ВСУ окончательно уверились, что в селе невероятные орды «колорадов», и посвятили конец октября и начало ноября беспорядочным обстрелам из всех видов оружия, по итогам которых Сокольники стали непригодными для жизни. Население спешно покинуло село, частично людей вывезли ополченцы, кто-то уехал сам. Найти упоминания о погибших в ходе этой экзекуции ополченцах мне не удалось, вероятно, по причине их отсутствия — первый погибший в Сокольниках ополченец, Роман Сабадуха, был убит 6 ноября. К этому моменту село уже несколько дней как прекратило существование. Линия фронта стабилизировалась. До 2022 года Сокольники оставались передовым опорным пунктом ополчения в этом секторе.

Сокольники сейчас

После бала. Сдача 32-го блокпоста и последствия

После массового заклания 19 числа высокие стороны некоторое время не вели активных боев. Полковник Миронюк строил планы один другого краше и интереснее, включая гениальную идею снабжать БП-32 с вертолетов. Тем временем, как водится, мифология зажила своей жизнью,

появились вездесущие «поляки-наемники», численность окруженных непрерывно «росла», быстро докрутившись до «батальона». С другой стороны, конечно же, «выяснилось», что террористы и найманцы собрали огромные силы (чеченцы, сербы, вербы, псковский десант!), но окружения как такового нет, и грузы возят исправно. Вероятно, через несколько недель украинские официальные лица уже начали бы сообщать, что на 32 бп испытывают проблемы с ожирением, а ополченцы обнаружили бы в котле армейский корпус.

Ночь выхода гарнизона 32-го блокпоста, Цвях и Кудрин дают интервью

Между тем, перестрелки вокруг 32-го продолжали происходить. 26 числа в окрестностях 32-го бп погиб командир роты украинского 140-го ЦССО Дан Колесник. В описаниях события море лирики, понять, что точно произошло, трудно, но в общем, погиб.

«Бэтмены» и «хулиганы», дабы разогнать сплин, ежедневно постреливали по блокпосту из АГСов и прочего оружия. Кстати, не совсем без успеха — за время осады на самом блокпосту был убит, похоже, только один солдат, но как минимум два БТР обстрелы довели до небоеспособного состояния. На блокпосту жили в скверных условиях, экономили воду, в общем, осада сказывалась на боевом духе нацгвардейцев не самым приятным образом. Гарнизон блокпоста «сражался» скорее с бытовыми условиями, но это не самое простое занятие. Тем более, солдаты страдали от обезвоживания.

Какая-то из сгоревших под 32-м блоком украинских БМП

27 числа окруженцы договорились с Цвяхом о вывозе тел убитых. К этому моменту в посадках вокруг Бахмутки лежало более десятка украинских солдат. Процедура прошла благополучно, трупы собрали. Интересно, что четверых солдат, возивших тела на 31-й блокпост, пропустили и туда, и обратно. На украинской стороне все это подавали с чрезвычайным пафосом, но реальность состоит в том, что это был жест доброй воли со стороны ополчения, а не какой-то невероятный успех противника.

В конце концов, Цвях и Кудрин вышли на связь с 32-м блокпостом и предложили просто уходить. Цвях не скупился на обещания и утверждал, что в окрестностях 32 бп тысяча ополченцев с «Градами», которые они в случае чего применят. Проверить сообщения про «Грады» на блокпосту не могли, но понимали, что серьезный штурм кончится для них скверно. Тем более, Бахмутка по-прежнему была уставлена остовами техники спасителей, и это, надо думать, тоже на боевой дух действовало. В конце концов, на посту «коллегиально» решились на почетную капитуляцию. По украинским данным, это отступление все-таки было согласовано с полковником Миронюком, который, надо полагать, был рад такому завершению противостояния не меньше Цвяха и его команды. Некий службовец вышел к ополченцам с белым мешком в качестве флага — и блокпост 32 капитулировал. Цвях лично сопровождал окруженцев, гарантируя безопасность. Один украинский офицер находился с ополченцами в качестве встречной гарантии.

Окруженцам разрешили уходить с оружием. 28 октября они покинули свои позиции и отправились по Бахмутке на 31-й пост. На позициях было брошено по крайней мере два поврежденных бронетранспортера. Блокпост перешел под контроль ополчения.

Поврежденный и брошенный на блокпосту украинский бронетранспортер

Занятно, что вышедшие с блокпоста «службовцы» бранили скорее собственных командиров, чем ополченцев. «В конечном итоге, они оказались более люди слова, чем многие из наших генералов», — сказал на следующий день один из них, выносивший трупы с Бахмутки.

В целом, украинским вооруженным силам сражение на Бахмутке стоило примерно 30 человек убитыми и пленными. Было потеряно очень много техники для такой небольшой операции — 3 танка, 9 бронетранспортеров (с учетом боя за Сокольники), 7 БМП и несколько разных автомобилей. Со стороны ополчения достоверно известно о 6 погибших.

После этого линия фронта устоялась, и в окрестностях Славяносербска началась обычная для этой войны «первая мировая» с четкой и редко меняющейся линией фронта. Некоторые передовые позиции октября 2014

года оставались таковыми до 2022 г. Позднее окрестности 32-го блокпоста стали исходными позициями зимней кампании 2015 года.

Война продолжалась. Кудрин поссорился с руководством ЛНР и покинул Донбасс. Он погиб уже в 2022 году в первые же дни большой войны, во время боев за Харьков. Цвях не имел никаких политических амбиций, легко вписался в народную милицию нового облика и погиб в 2017 году в боевой обстановке.

Пленные, насколько известно, были выменяны в течение нескольких месяцев. Для ополчения 32-й блокпост стал яркой тактической победой — без участия регулярных подразделений РА был достигнут заметный успех. Отряды, сражавшиеся на Бахмутке, малоизвестны по сравнению со знакомыми всякому, кто следил за событиями в Донбассе «Спартой» или «Призраком», но они показали, что могут сражаться и храбро, и успешно.

Основная ударная сила батальона "Хулиган"